

Дальний

Восток

1976

Поселок Агинское. В музее В. И. Ленина

Фото Ф. Машечко

Ежемесячный
литературно-художественный
и общественно-политический
журнал

ОРГАН СОЮЗА
ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР
И ХАБАРОВСКОЙ ПИСАТЕЛЬСКОЙ
ОРГАНИЗАЦИИ

ГОД ИЗДАНИЯ 43-й

С О Д Е Р Ж А Н И Е

ПУБЛИЦИСТИКА

М. И. Матафонов — НАШ КРАЙ — ЗАБАЙКАЛЬЕ 3

ПОЭЗИЯ И ПРОЗА

Георгий Граубин — ПРАЗДНИК В ПЕВЕКЕ, ГУСИ, стихи 12

Арсалан Жамбалон — ПРИВЕТСТВИЕ ГОРОДУ, стихи 14

Ростислав Филиппов — ЧАПАЙ, И Я ПРО НТР, РУКОПИСИ РАЙНИ-
СА, «ВСЕ ДЛЯ ТЕБЯ. ЖИВИ СЧАСТЛИВО...», ВОЗВРАЩЕНИЕ, стихи 15

Василий Балябин — ЗАБАЙКАЛЬЦЫ, роман. Книга четвертая 18

Михаил Вишняков — «ЕСТЬ В СУДЬБЕ И ПАМЯТИ МОЕЙ...», «И
РАССКАЖЕТ МНЕ БАБКА...», «СЛОМАЛАСЬ БЕРЕЗА...»; **Геннадий
Головатый** — УТРО, САПОГИ, ВДАЛЕКЕ; **Геннадий Кузнецов** —
«У ДОЧКИ ПЕРВАЯ РАЗЛУКА...»; **Борис Макаров** — «ДОЖДИ
ГРИБНЫЕ БРОДЯТ В РОЩАХ...», ПАМЯТЬ, «ТЫ, КУКУШЕЧКА,
КУКУЙ...»; **Константин Милюшкин** — ВЕСНОЮ; **Владимир
Якубенко** — В СТЕПИ, стихи 56

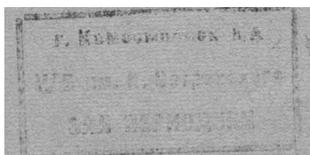
Василий Никонов — СУПРУГИ ФЕРКО, повесть 60

Герман Попов — ШОФЕРЕНОК, рассказ 93

ПРОБЛЕМЫ И СУЖДЕНИЯ

В. Логунов, В. Сбитнев - ЧЕЛОВЕК И СЕВЕР 101

ЯНВАРЬ • 1976

ПО ЗАБАЙКАЛЬЮ

Вячеслав Смирнов — МЕДНЫЙ КЛАД УДОКАНА, очерк	108
Игорь Красиков — ТАМ, ПОД ЗЕМЛЕЙ, СОЛНЦЕ, очерк	115
Александр Алешкин - НЕОКОНЧЕННЫЙ ДНЕВНИК	120
В. Бирюкова, В. Братушев, Л. Фадеев — СДЕЛАНО В ДЕВЯТОЙ ПЯТИЛЕТКЕ	127

ИЗ ПРОШЛОГО

Л. Сбитнева, С. Никонова — ПЕРВЫЕ РЕВОЛЮЦИОННЫЕ БОИ В ЗАБАЙКАЛЬЕ	130
---	-----

К 150-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

М. Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА

С. Юровский — МУЗА ПЛАМЕННОЙ САТИРЫ	136
--	-----

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

А. Татуйко — ЛИТЕРАТУРНОЕ ЗАБАЙКАЛЬЕ	144
В. Рассадин — ЧУВСТВО ВРЕМЕНИ	154
НОВЫЕ КНИГИ ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫХ ИЗДАТЕЛЬСТВ	156
КОРОТКО О РАЗНОМ	157
ОБ АВТОРАХ НОМЕРА	160

Главный редактор **Н. М. РОГАЛЬ**

Редакционная коллегия:

**В. Н. АЛЕКСАНДРОВСКИЙ, В. М. ЕФИМЕНКО,
Н. Д. НАВОЛОЧКИН (зам. главного редактора),
В. Е. РОМАНОВ, В. М. САНГИ, П. В. ХАЛОВ.**

Ответственный секретарь **К. С. ОВЕЧКИН.**

Рукописи объемом меньше авторского листа не возвращаются.

Технический редактор *Н. А. Лызова*. Корректор *А. Е. Москвитин*.
Адрес редакции: 680610, г. Хабаровск, Комсомольская ул., 80. Телефон 33-13-68.

Подписано к печати 25/ХІІ 1975 г. ВЛ 12585.
Бумага 70X108/16. 14 усл. п. л., 15,80 уч.-изд. л. Тираж 30 000 экз.
Заказ № 8705. Цена 50 коп.

Хабаровское книжное издательство, г. Хабаровск, ул. Серышева, 31.
Типография № 1 Краевого управления издательств, полиграфии и книжной торговли,
г. Хабаровск, ул. Серышева, 31.

«Дальний Восток», 1976

М. И. МАТАФОНОВ,
первый секретарь
Читинского обкома КПСС

НАШ КРАЙ - ЗАБАЙКАЛЬЕ

Трудящиеся ордена Ленина Читинской области с новым трудовым и политическим подъемом идут навстречу XXV съезду партии, внося свой вклад во всенародное дело строительства коммунизма. Горячо и единодушно воспринят проект ЦК КПСС к XXV съезду «Основные направления развития народного хозяйства СССР на 1976—1980 годы», выразивший единую волю советского народа — сделать нашу Родину еще более могучей и процветающей. Оглядываясь на пройденный после XXIV съезда партии путь, советские люди воочию убеждаются, сколь плодотворными и жизненными были его предначертания. Истекшие годы ознаменованы дальнейшим ростом и укреплением экономики промышленности и сельского хозяйства и в нашей Читинской области.

Широко и привольно раскинулась наша область от Яблонового хребта до полноводного Амура, охватывая 431 тысячу квадратных километров. Здесь есть и цепи крутых горных хребтов, и таежные дебри, и непроходимые болота к мари, и безжизненные скалы северных гольцов, покрытых вечными ледниками, причудливо сочетающиеся с необозримыми степными просторами и плодородными долинами.

Восхищенный природными контрастами, А. П. Чехов, проезжая по Забайкалью на Сахалин в 1890 году, писал: «Нахожусь под впечатлением Забайкалья: превосходный край. Вообще говоря, от Байкала начинается сибирская поэзия, до Байкала же была проза».

Но дело не только в размерах и красотах. Недра Читинской области — чудесные хранилища различных богатств цветных и редких металлов. Несмотря на суровый климат, разнообразен и богат растительный и животный мир края.

До революции эти богатства лежали без пользы или разворовывались иностранцами да и своими капиталистами. Царизм превратил далекую, глухую и нищую окраину империи в печально известное место заточения своих политических противников, в «край, слезам и скорби посвященный», —

писал поэт-декабрист Александр Одоевский.

Тысячи борцов за народное счастье под свист розог и звон кандалный отбывали каторгу на рудниках Нерчинска, Акатюя, Кары. В их числе были многие поколения несгибаемых борцов: пугачевцы и декабристы, революционеры-демократы и их идейный вождь Н. Г. Чернышевский, народовольцы и первые рабочие-революционеры Петр Алексеев, Виктор Обнорский, и видные впоследствии деятели Коммунистической партии Е. М. Ярославский, Ф. Я. Кон и другие борцы за освобождение народа.

Своим героизмом, бунтарским духом и непреклонностью, революционной и просветительной работой они заметно повлияли на культурное и экономическое развитие Забайкалья. В конце прошлого века в Чите возникают первые марксистские кружки, а в бурные дни революции 1905—1907 годов город Чита становится одним из крупнейших на востоке страны центров первой русской революции. Руководимая ближайшими учениками В. И. Ленина И. В. Бабушкиным, В. К. Курнатовским читинская большевистская организация проявляет себя решительным вожаком революционных масс. Здесь образуется «Читинская республика» и действуют рожденные творчеством революционных масс организации, в которых В. И. Ленин увидел ростки Советов.

В силу особых международных условий по инициативе В. И. Ленина на Дальнем Востоке с центром в Чите в начале двадцатых годов образуется «буферное» государство — Дальневосточная республика, что позволило без войны с Японией освободить Дальний Восток от белогвардейцев и интервентов.

Жесточкой и долгой была героическая борьба за власть Советов в Забайкалье. В этой борьбе за светлые идеалы коммунизма отдали свои жизни лучшие сыны партии и народа наши земляки Иван Бутин, Василий Серов, Ян Таубе, Фрол Бальябин, Георгий Богомяков, Зиновий Метелица, Александр Вагжанов.

В сердце каждого забайкальца живет

подвиг легендарного Сергея Лазо. Трудящиеся области чтут память партизанских командиров Павла Журавлева, Макара Якимова, Якова Каратаева, Федора Погадаева, Дмитрия Шилова, Петра Косяковича, стоявших у руководства народной партизанской борьбой, и тысяч других пламенных борцов революции — красных партизан, воинов Народно-революционной армии. Забайкальцы хранят их образы как пример беззаветного служения народу, великому делу партии.

Всесоюзный староста Михаил Иванович Калинин в июле 1923 года, выступая на общегородском митинге в Чите, говорил, что Дальний Восток с его «огромными возможностями, где гений, ум и энергия человека может развернуться до беспредельных размеров, старый, отживший строй превратил в место страдания... И перед всей Республикой, в частности, перед вами, перед жителями Дальнего Востока, стоит задача — эту часть Советской территории... эту страну изгнания превратить в страну радости, в территорию, спящую союзом между рабочими и крестьянами, чтобы слово «Сибирь»... не вызывало прежнего чувства ужаса, заброшенности, страдания»¹.

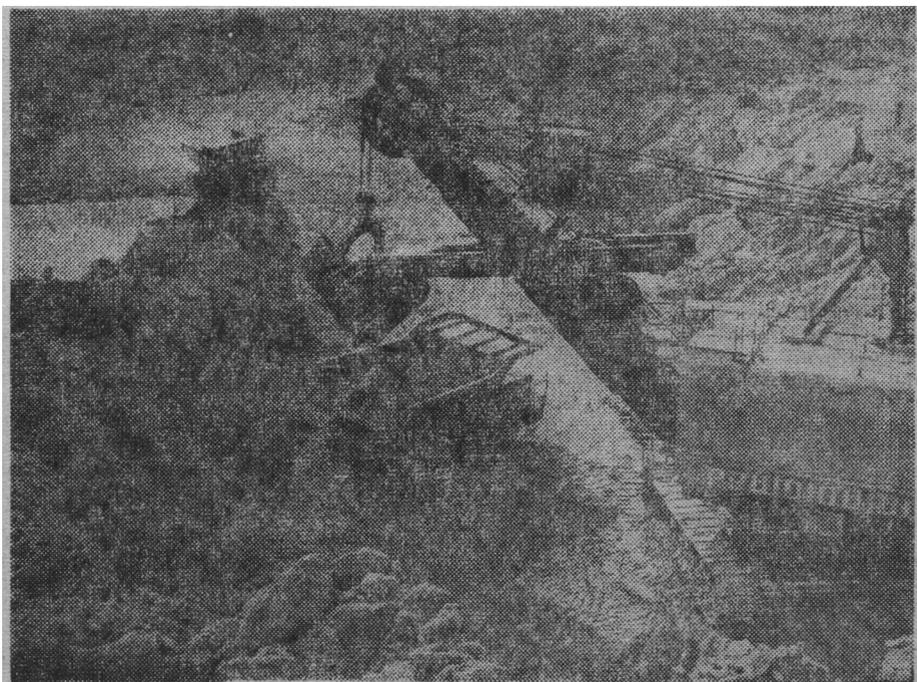
Эти замечательные слова стали пророческими. Трудящиеся Читинской области вместе с трудящимися всего Дальнего Востока благодаря неустанной заботе Комму-

нистической партии выполнили наказ Всесоюзного старосты. Ныне наше Забайкалье — край высокоразвитой экономики и культуры, с современной промышленностью и сельским хозяйством. На карте области появились десятки новых городов, поселков и сел. Вместо мелких кустарных мастерских, каторжных рудников и приисков, которыми печально славилось дореволюционное Забайкалье, выросли крупные заводы, фабрики, шахты и комбинаты, оснащенные передовой техникой. Они теперь дают продукции гораздо больше, чем давали ее Сибирь, Дальний Восток, Казахстан и Средняя Азия царской России, вместе взятые. Изделия с забайкальской маркой поступают во многие районы страны и за пределы нашей Родины. Тесные экономические связи установились у нас с экономическими районами Дальнего Востока: сюда мы поставляем машины и механизмы для горнорудной и лесной промышленности, речные и морские суда, подъемно-транспортное и холодильно-компрессорное оборудование, автомобили в северном исполнении, разнообразную продукцию легкой и пищевой промышленности.

Наш забайкальский край имеет в своих недрах олово, свинец, цинк, вольфрам и молибден, плавиковый шпат, уголь, железо и редкоземельные элементы. Открыто и разведано Удоканское месторождение меди.

Наша область — родина добычи первого отечественного серебра, олова, свинца и других полезных ископаемых. И ныне по добыче руд цветных металлов она зани-

¹ Речи М. И. Калинина на Дальнем Востоке. Чита, 1958, с. 13—14.

Открытый карьер комбината Балейзолото

Фото Г. Калачьяна

мает ведущее место. Копры шахт, мощные плавучие фабрики-драги по долинам рек и речушек, разрезы, отвалы горной породы — непрерывная черта нашего производственного пейзажа.

Горнорудная промышленность — экономическое лицо области. Издавна приобрели известность наши месторождения золота. Хорошо известный в нашей стране город горняков Балей — детище первой пятилетки, где действует комбинат Балей-золото.

Положение нашей области в территориальном разделении труда будет и в дальнейшем определяться использованием богатейших минерально-сырьевых ресурсов, тем более, что ускоренное развитие прогрессивных отраслей промышленности увеличивает спрос на цветные и редкие металлы. В настоящее время область приступила к освоению ряда новых месторождений — Орловского, Ново-Широкинского, Жирекенского. Выявлены перспективные запасы сырья для черной металлургии, угольной промышленности и стройматериалов.

И, конечно же, грандиозные возможности открываются в связи со строительством Байкало-Амурской железнодорожной магистрали и хозяйственным освоением забайкальского Севера. БАМ пройдет по тем местам, где сосредоточены залежи удоканской меди, железа, редких металлов, угля и других полезных ископаемых.

Сейчас пока в этом малозаселенном и суровом районе несут свою вахту геологи и проектировщики, пока единственное надежное средство передвижения — вертолеты, олени, а из Читы туда можно добраться только самолетом. Автотранспортная артерия, связывающая Транссибирскую железнодорожную магистраль с Севером, — автозимник Могоча—Чара открыт для движения только четыре месяца в году. В пятидесятиградусные морозы, преодолевая снежные торосы и наледы, горные перевалы, идут по этому шестисоткилометровому пути машины с продовольствием, горючим, материалами и оборудованием для геологических партий и нужд местного населения. Ведут их смелые, мужественные люди, обладающие выдержкой и сильным характером.

Мы возлагаем надежды на то, что автозимник будет реконструирован в дорогу круглогодичного действия. Это позволит ускорить сооружение железнодорожного узла Чара, опытного производства для горно-обогатительного комбината, решить другие проблемы.

Трудящиеся нашей области, горячо приняв решение партии и правительства о строительстве Байкало-Амурской магистрали, вносят и будут вносить все возрастающий вклад в стройку века. Уже многие наши посланцы, выпускники профтехучилищ трудятся на БАМе.

В сентябре 1975 года в городе Чите Сибирское отделение Академии наук СССР, Дальневосточный научный центр АН СССР, Совет по изучению производительных сил

при Госплане СССР, Центральный научно-исследовательский экономический институт при Госплане РСФСР с широким кругом научных работников большого количества институтов, проектных и других организаций провели первую Всесоюзную научно-практическую конференцию по проблемам хозяйственного освоения зоны Байкало-Амурской железнодорожной магистрали, рекомендации которой, безусловно, окажут благотворное влияние на дальнейшее развитие производительных сил обширного экономического района на востоке страны и, в частности, Севера нашей области.

Коммунистическая партия и советское правительство постоянно уделяют внимание созданию на огромных просторах к востоку от Байкала мощной индустриальной базы, более полному использованию природных ресурсов. Эта забота убедительно была проявлена в решениях XXIV съезда партии и с новой силой подчеркнута в «Основных направлениях развития народного хозяйства СССР на 1976—1980 годы».

Работая над осуществлением решений XXIV съезда партии, коммунисты области, рабочие, колхозники и интеллигенция добились некоторых положительных успехов в подъеме экономики и культуры. О возросшем производственном потенциале области говорят итоги девятой пятилетки. За годы пятилетки в области шагнула вперед не только традиционная горнорудная промышленность, но опережающими темпами развивались электроэнергетика и легкая промышленность, машиностроение, что привело к положительным сдвигам в структуре народного хозяйства, прежде всего в том, что значительно возросла доля обрабатывающей промышленности, которая составляет теперь 75 процентов. В Чите вступил в строй действующих камвольно-суконный комбинат. Это пока единственное на Востоке текстильное предприятие, способное выпускать в год 20 миллионов погонных метров ткани. В 1974 году был сдан в эксплуатацию завод хромовых кож.

За пятилетие в области почти удвоились объемы машиностроения: Читинского машиностроительного и станкостроительного заводов, Дарасунского завода горного оборудования и Забайкальского завода подъемно-транспортного оборудования. Из цехов Читинского автосборочного завода выпущены первые автомобили марки «ЗИЛ», предназначенные для работы в северных условиях.

Коренные изменения произошли в угольной промышленности. На юге области сегодня действует Харанорский разрез производительностью 5,5 миллиона тонн угля в год. На этом предприятии еще в 1974 году были достигнуты все технико-экономические показатели, запланированные на конец девятой пятилетки. В последующем здесь добыча угля будет доведена до 15—20 миллионов тонн в год, что позволит обеспечить устойчивый топливный баланс Забайкалья на долгие годы.

За годы девятой пятилетки в области

Автомобиль «ЗИЛ» Читинского автосборочного завода
Фото Г. Калачьяна

выросла электровооруженность народного хозяйства, были построены крупные магистральные линии электропередач, закончена электрификация железной дороги протяженностью 510 километров на участке Петровский Завод — Карымская. Однако без опережающих темпов развития электроэнергетики области невозможно наращивать объемы производства, продолжать электрификацию железной дороги и индустриализацию сельского хозяйства. Поэтому уже сейчас на базе харанорских углей назрела необходимость строительства тепловой электростанции мощностью 1,2 миллиона киловатт.

Нас особенно радует то, что в соответствии с курсом, намеченным партией, в области происходит основательная переориентация народного хозяйства на интенсивные факторы, связанные с научно-техническим прогрессом, что позволяет нам 90 процентов прироста промышленного производства получать за счет повышения производительности труда.

На наших предприятиях ныне в эксплуатации свыше 230 механизированных поточных линий, более 30 автоматических и 150 комплексно-механизированных участков и цехов. За пятилетие освоены сотни новых технологических процессов и видов продукции.

Благодаря техническому совершенствованию на предприятиях цветной металлургии за девятую пятилетку заметно вырос объем добычи и переработки руды при од-

новременном сокращении численности работающих, улучшены условия труда.

Наш край представляет собой огромную строительную площадку. Мы много возводим объектов в городе и на селе. Строительные организации за пятилетие в 1,4 раза увеличили освоение капитальных вложений, укрепили базу стройиндустрии, пополнились парком машин и механизмов. В числе передовых коллективов идет Читинское монтажное управление треста Востоксибэлектромонтаж. Еще в начале июня 1975 года оно завершило задание пятилетки. За высокие производственные показатели управление награждено Почетной грамотой Президиума Верховного Совета РСФСР.

Однако темпы и качество строительства пока нас не удовлетворяют. О коренном улучшении положения дел в этой отрасли мы вели обстоятельный и принципиальный разговор на одном из пленумов обкома партии.

Среди районов Восточной Сибири и Дальнего Востока наша область выделяется своими сельскохозяйственными ресурсами. По размерам естественных кормовых угодий и пастбищ область значительно превосходит все вместе взятые районы Дальнего Востока. Поэтому Забайкалье можно считать прочной базой для развития животноводства, и в первую очередь овцеводства. Усилиями местных ученых, специалистов и чабанов области выведена высокопродуктивная, хорошо приспособленная к

Металлурги Петровска-Забайкальского перед сменой

Фото Ф. Машечко

суровым климатическим условиям забайкальская тонкорунная порода овец. По их поголовью область занимает второе, по производству шерсти третье место в республике.

В результате большой помощи государства, а также осуществления твердого курса на комплексное развитие сельского хозяйства, укрепления материально-технической базы сегодня на селе происходят хорошие перемены. Полеводы и животноводы области добились в девятой пятилетке роста производства и продажи зерна, мяса, молока, шерсти и яиц, вели активную работу по повышению урожайности сельскохозяйственных культур и продуктивности скота. Наши маяки — механизированные полеводческие отряды, возглавляемые Героями Социалистического Труда М. Н. Пуртовым и Н. Ф. Ушаковым, — проложили дорогу к получению по двадцати и более центнеров зерна с гектара. Теперь у них немало последователей.

В минувшем году область впервые в истории продала государству 404 тысячи тонн забайкальского хлеба, что значительно больше народнохозяйственного плана.

Заметный прогресс намечился в животноводстве. Эта ведущая отрасль народного хозяйства области уверенно становится на дуть интенсификации и индустриализации. Строятся типовые животноводческие помещения, внедряется механизация в них, улучшается кормовая база и племенная работа.

В области широко развернулось движение доярок-трехтысячниц. Инициаторы его

Герой Социалистического Труда П. П. Намумова, доярки Н. Т. Гурьянова, Г. Т. Савельева перешагнули уже четырехтысячный рубеж и поставили перед собой цель выдавать в год от каждой коровы по пять тысяч килограммов молока.

Но главное наше богатство — овцеводство. На колхозных и совхозных просторах пасется 4,5 миллиона овец. Более одиннадцать тысяч чабанов несут нелегкую вахту в степи. Их самоотверженный труд дает высокие плоды, множится армия передовиков социалистического соревнования. Среди них хотелось бы назвать Героев Социалистического Труда С. Юндунову, Б. Б. Домбрилова, М. Д. Болотова, которые получают по 140—150 ягнят от сотни маток и настригают по пять-шесть килограммов шерсти с овцы.

Нас очень радует то, что из года в год в области увеличиваются капитальные вложения в сельское хозяйство, поставки тракторов, комбайнов, грузовых автомобилей. На село шагают опоры государственных электрOLIний, обустроивается и благоустраивается деревня, улучшается жизнь людей. Все это вдохновляет их на новые свершения, заставляет изыскивать дополнительные резервы производства, самокритичнее оценивать достигнутое. А обольщаться успехами у нас нет оснований. Еще предстоит упорно поработать, чтобы повысить культуру земледелия и животноводства, урожайность полей и продуктивность скота. В десятой пятилетке сельское хозяйство должно подняться на качественно новую ступень,

Областная партийная организация сосредоточивает свое внимание на выполнении программных требований партии по интенсификации сельского хозяйства, основными направлениями которой являются специализация и концентрация производства, перевод его на промышленные рельсы с широким развитием межхозяйственных связей.

В преимуществах специализации и концентрации мы убеждаемся на примере работы Читинского треста Птицепром. На его долю сегодня у нас приходится 88 процентов производства яиц в области. С 1968 года он сумел в 4,8 раза увеличить производство яиц, в 5,8 раза — мяса птицы, резко поднять продуктивность.

Партийные, советские и хозяйственные органы с участием специалистов и ученых разработали мероприятия по переводу всего сельского хозяйства на интенсивные формы его ведения.

В апреле 1975 года у нас состоялась научно-практическая конференция по специализации, концентрации и межхозяйственной кооперации. Ее рекомендации сейчас осуществляются на практике.

В ближайшее время в области появятся первые межхозяйственные объединения, будут построены крупные механизированные комплексы и фермы. Одновременно намечены меры по созданию прочной кормовой базы за счет улучшения лугов и пастбищ, расширения посевов и повышения урожайности однолетних и многолетних трав, зерновых и силосных культур, заготовки сенажа и травяной муки. Вопросы кормопроизводства для нас имеют первостепенное значение, и на них мы сосредоточиваем внимание.

Коренные изменения должны произойти в овцеводстве. В ближайшие шесть-семь лет предполагается довести численность поголовья до 5—5,5 миллиона овец, повысить их шерстяную и мясную продуктивность. Это сложная и многогранная задача, выходящая за чисто экономические рамки, и решать ее старыми методами нельзя. Нужны глубокие изменения в технологии и организации труда, преобразования в быту и жизни овцеводов.

Что представляет из себя сегодня труд и быт чабана? Это, как правило, одиночные разбросанные по степи отары, за которыми ухаживают три-четыре человека. Зимой и летом, в жару и трескучий мороз чабан верхом на лошади пасет овец. И хотя ушли в прошлое тесные холодные юрты, на стоянках чабанов сейчас просторные дома, в которых можно увидеть телевизор, газовую плиту, хорошую мебель и другие удобства, все-таки работа в маленьком коллективе, вдали от семьи, от дома и очагов культуры не привлекает людей, особенно молодежь. А именно за ней будущее овцеводства.

Выход один — в крупных механизированных комплексах со всеми условиями труда и быта людей. Их прообраз — рожденные и действующие в области крупнен-

ные хозрасчетные комсомольско-молодежные бригады. Как показывает опыт колхоза имени XXII партсъезда Агинского Бурятского национального округа и других хозяйств, эти коллективы во главе с хорошими наставниками могут добиваться больших производственных успехов.

Разработанная программа по дальнейшей интенсификации сельского хозяйства потребует значительных капитальных затрат, и ее даже в течение пятилетки не выполнить. Осуществлять ее придется поэтапно. Партийные организации, хозяйственные руководители и специалисты области это хорошо понимают и готовы к ее осуществлению.

За годы девятой пятилетки в развитии промышленности и сельского хозяйства области заложена надежная основа для еще более ускоренного подъема всех отраслей народного хозяйства в десятой пятилетке. Перспективы развития производительных сил своего края мы видим в комплексном подходе к освоению его природных богатств, в создании смежных производств с глубокой переработкой местного сырья и материалов, в реконструкции и техническом перевооружении существующих предприятий, в быстрейшем освоении вновь введенных мощностей.

Исход больших и сложных задач, которые мы решаем сегодня и будем решать завтра, в конечном счете зависит от людей, их высокой квалификации, сознательности и организованности, их творческого труда. И наша действительность полна примеров подлинного героизма, самоотверженного служения Родине. В девятой пятилетке раскрыли свои способности, выросли сотни и тысячи передовиков и новаторов производства. Мы с гордостью называем замечательных тружеников, знаменосцев социалистического соревнования — бригадира скоропроходческой бригады рудника «Акатуй» коммуниста В. С. Тисленко и бригадира раскряжевщиков Катангарского лесопромышленного комбината М. Г. Якушевского, выполнивших задание пятилетки за три с половиной года, депутатов Верховного Совета СССР прославленного шахтера Героя Социалистического Труда В. И. Ардина и молодой доярки колхоза «Объединение» Улетовского района З. Н. Ковалевой, депутатов Верховного Совета республики лучшей ткачихи камвольно-суконного комбината О. Г. Бурдуковской, чабана А. М. Чикичева, доярки Г. Г. Беломестновой, врача-хирурга заведующей отделением областной больницы имени Ленина М. И. Загребинной и многих других.

«Все во имя человека, для блага человека!» — этот центральный лозунг партии, с особой силой подчеркнутый на XXIV съезде КПСС, успешно претворяется в жизнь. Убедительное подтверждение этому — огромные социальные и культурные преобразования, которые произошли в Забайкалье в советское время и особенно в последнее десятилетие. Каждый год населе-

ние получает тысячи новых квартир, прекрасные клубы и дома культуры, школы и больницы, детские комбинаты. Неизмеримо вырос жизненный уровень забайкальцев.

В народном хозяйстве области сегодня работает шестьдесят тысяч специалистов, каждый третий житель учится в школе, техникуме или институте. Только за последние пять лет сорок профтехучилищ подготовили около шестидесяти тысяч рабочих по ста профессиям, а вузы и техникумы выпустили почти тридцать тысяч молодых специалистов. Теперь в Чите три высших учебных заведения: педагогический и медицинский институты, открывшийся в 1974 году — политехнический.

Раздвигает свои горизонты наука. В высших учебных заведениях, Забайкальском научно-исследовательском технологическом институте овцеводства и мясного скотоводства, в Забайкальском комплексном научно-исследовательском институте, в различных лабораториях и на производстве трудится более 320 докторов и кандидатов наук.

Коренные изменения произошли на древней земле ранее забытых и отсталых кочевников-скотоводов — в ордене Дружбы народов Агинском Бурятском национальном округе. Теперь здесь в двадцати пяти колхозах и четырех совхозах около миллиона овец. Люди, не знавшие прежде земледелия, выращивают хлеб на двухстах тысячах гектарах. И какой хлеб! В колхоз имени XXII партсъезда, где председателем депутат Верховного Совета РСФСР Дамби-Жалсан Дондоков, получающий устойчиво в зоне критического земледелия по 14—17 центнеров зерна с гектара, едут учиться культуре земледелия из многих хозяйств области.

Небывалого расцвета достигла культура агинских бурят. 37 лет назад в округе не было своих национальных кадров, а сейчас работает около полутора тысяч агрономов, зоотехников, врачей и учителей, причем около тысячи — бурят. В этом округе, в котором до революции была лишь одна начальная школа, ныне работает 48 школ, в том числе 24 средних, и педагогическое училище. Народный театр и филармония, 37 домов культуры и клубов, 46 массовых библиотек — такова сеть культурпросветучреждений. В округе есть свои известные писатели и поэты, самобытные художники и артисты.

В селе Хара-Шибирь когда-то стояло лишь три деревянных дома и одиннадцать юрт. А сегодня — это современный благоустроенный населенный пункт, где есть школа-десятилетка, Дом культуры, детский комбинат, больница, гостиница, пятьсот жилых домов. Люди более десяти национальностей в достатке живут и плодотворно трудятся единой дружной семьей. И не случайно, что приезжающих сюда гостей из зарубежных стран, в том числе и капиталистических, удивляет и поражает все то, что им приходится видеть.

Забота о человеке труда, его духовном

росте, широкой осведомленности составляет основу нашей идеологической работы. В связи с подготовкой к XXV съезду КПСС партийные комитеты уделяют пристальное внимание идейному, нравственному и эстетическому воспитанию трудящихся, подчиняя этим целям весь мощный арсенал идеологических средств, проводят большую работу по совершенствованию системы партийного, комсомольского и экономического образования, повышению идейного уровня и действенности учебы. Основное внимание наших идеологических кадров концентрируется на пропаганде и разъяснении ленинского идейно-теоретического наследия, глубокого смысла и значения докладов Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. Брежнева на XXIII и XXIV съездах партии, принятых в последние годы постановлений ЦК КПСС по вопросам экономической, социальной и государственной внешнеполитической деятельности.

Расширяет свои границы и лекционная пропаганда, она становится целеустремленнее, наступательнее. Улучшается состав лекторских кадров, тематическая направленность читаемых лекций, получают развитие новые формы и методы: циклы лекций, лектории, народные университеты, вечера вопросов и ответов.

За годы, прошедшие после XXIV съезда партии, партийные организации стали глубже анализировать состояние агитмассовой работы, обсуждать эти вопросы на бюро и партсобраниях. Оправдала себя практика единых политдней. Дальнейшее развитие получила деятельность института политинформаторов, возросло внимание к работе агитаторов. 1200 докладчиков партийных комитетов, около 12 тысяч политинформаторов и свыше 20 тысяч агитаторов сейчас работают в области. Заметную воспитательную работу среди молодежи проводят шесть тысяч наставников.

Наша печать, радио и телевидение выступают боевыми помощниками партийных организаций в мобилизации рабочих, колхозников, специалистов на новые трудовые свершения, ярко, оперативно и убедительно показывают успехи передовиков, критикуют недостатки, подтягивают отстающих. Заглавную роль в этом играет областная партийная газета «Забайкальский рабочий», отметившая в декабре 1975 года свой 70-летний юбилей.

В коммунистическом воспитании трудящихся активно участвует большая армия работников культуры и творческой интеллигенции.

Совершенствуют и зримо улучшают свою деятельность учреждения культуры области. Выступления агитбригад, концерты художественной самодеятельности, творческие отчеты и смотры вошли в систему, приобрели массовость. Заслуженной славой и известностью пользуются самобытные Малоархангельский и Урлукский народные хоры, неоднократные дипломанты Всероссийских и Всесоюзных смотров-конкурсов и ВДНХ.

Чита. Строится новый микрорайон «Северный»

Фото Г. Калачьяна

Стало традицией проведение Дней культуры на фермах, в селах и районах, а также в областном центре, куда приезжают многочисленные делегации из районов, в составе которых передовики производства и самодеятельные артисты. Они встречаются с шефствующими коллективами, отчитываются о своих трудовых достижениях, демонстрируют свое искусство и мастерство.

У нас родилась и стала действенной такая форма обслуживания населения, как агитпоезда, агитпароходы и самолеты.

Областной драматический театр, разместившийся в прекрасном новом здании, дал немало хороших спектаклей на героико-патриотическую тему, создал запоминающиеся образы героев-забайкальцев, борцов за народное дело по произведениям наших земляков: «Даурия» К. Седых, «Забайкальцы» В. Балябина, «Искры не гаснут» Н. Ященко. В связи со 150-летием со дня восстания декабристов в его репертуаре появился спектакль «Записки Марии Волконской», поставленный по пьесе М. Сергеева, и с новой режиссерской редакцией вышли на сцену «Забайкальцы». В 1975 году театр был приглашен на гастроли в такие крупные культурные центры страны, как Новосибирск и Ленинград. Все теснее налаживаются связи деятелей искусства с тружениками села. Уже не редкость гастрольные поездки артистов по районам области, к воинам-пограничникам.

Забайкальцы по-настоящему любят ум-

ного друга, наставника и воспитателя — книгу. И в шутку говорят, что слово «Чита» произошло от слова «читатель». В их распоряжении 1727 библиотек различных систем и ведомств, насчитывающих тринадцать миллионов томов. Ежегодно на пять миллионов рублей реализуют печатной продукции книготорговые организации. Эта любовь к книге особенно ярко проявляется в дни литературных праздников, книжных базаров и месячников, которые стали традиционными.

Свой вклад в эстетическое и нравственное воспитание трудящихся вносят и литераторы Забайкалья, создавшие ряд значительных произведений на историко-революционную тему, о прославленных воинах-земляках и наших современниках. Заметным явлением в литературной жизни России явился состоявшийся в 1965 году первый читинский семинар молодых писателей Сибири и Дальнего Востока, который открыл немало новых талантливых имен и дал им путевку в большую литературу.

Трудящиеся области хорошо знают наших писателей и поэтов не только как авторов книг, но и как активных общественных деятелей, пропагандистов литературы. Не так давно мы отметили десятилетний юбилей проводимых ежегодно литературных праздников «Забайкальская осень», в которых активно участвовали писатели и поэты Москвы и Ленинграда, Новосибирска, Иркутска, Хабаровска и других городов. Они группами выезжали в районы, где вы-

ступали перед многочисленной аудиторией хлеборобов и животноводов, горняков и лесозаготовителей со своими произведениями, делились творческими планами, набирались впечатлений от встреч с людьми. Такое общение с читателем приносит обоюдную радость и творческую пользу самим писателям. Они лучше познают жизнь и ее проблемы, получают новый заряд вдохновения.

Положительно оценивая роль литераторов Забайкалья, мы ждем от них новых произведений, прежде всего о современниках, о тех, кто прокладывает трассу мужества — БАМ, кто строит заводы и города, выращивает хлеб, осваивает кладовые земных недр; мы ждем от них большой кропотливой работы по выявлению и воспитанию молодых талантов, еще более активного участия в благородном деле формирования человека коммунистического общества.

Выполняя постановление ЦК КПСС "О работе по подбору, подготовке и воспитанию идеологических кадров в партийной организации Белоруссии», обком, горкомы и райкомы партии сосредоточили внимание на более широком информировании и идейно-политической закалке работников культуры, средств массовой информации и пропаганды, деятелей искусства.

Сердца забайкальцев наполнены чувством законной гордости — мы являемся гражданами великого государства, несущего по планете знамя мира и безопасности народов. Развернув социалистическое соревнование в честь XXV съезда КПСС, горячо откликнувшись на решения декабрьского (1975 г.) Пленума ЦК КПСС, тру-

дящиеся области под руководством партийных организаций направляют свои усилия на успешное выполнение задач дальнейшего экономического развития родного края, всемерное повышение производительности труда и эффективности общественного производства.

Партийные организации принимают меры к улучшению и совершенствованию социалистического соревнования, преодолевают проявления формализма в этом движении, поддерживают ценные начинания.

Мы вступили в такой период развития экономики своей области, когда умение мыслить перспективно, действовать с прицелом на будущее становится неотъемлемой частью партийного и хозяйственного руководства, когда каждая партийная организация, каждый коллектив, определяя пути научно-технического прогресса, должны четко предвидеть его экономические и социальные последствия.

В десятой пятилетке трудящимся Читинской области предстоит обеспечить новые высокие темпы роста экономики, существенно улучшить все качественные показатели работы, повысить производительность труда и в целом поднять эффективность общественного производства, провести большую работу на селе. Решение этих задач потребует огромного напряжения наших сил, значительного улучшения руководства народным хозяйством, усиления организаторской и воспитательной работы, развития творческой энергии трудящихся городов и сел. Над решением этих важнейших задач и работает вместе с трудящимися Читинская областная партийная организация, частица великой партии Ленина.

ПРАЗДНИК В ПЕВЕКЕ

Взял «Енисей» бесценный груз
В порту Владивостока —
Не шифер, не сосновый брус
И не дверные блоки.
Был десять раз бы рад Певек
Такому грузу ценному:
Теперь и в тундре человек
Живет по-современному.
Певеку так нужны дома,
Добротные, удобные,
Ведь там полярная зима,
Сплошная ночь холодная.
Но этот груз,
Но этот груз...
Да с этим грузом рядом
Померк и шифер бы, и брус,
Да что там шифер, что там брус,
Померк бы даже и арбуз
(Померк в Певеке бы арбуз!),
Корзины с виноградом!

Георгий ГРАУБИН

А океан раскачался
и раскачал теплоход.
Ох, как груз испугался!
Он сам по себе отвязался,
По палубе разбежался
И благим матом орет!
Матросы следом бегают,
Упрашивают, требуют:
— Да вы не бойтесь, это — шторм.
Вот вам вода, а вот вам корм.
Ешьте на здоровье,
На ваше, на коровье!

Ты, верно, понял
Из этих слов,
Что на Чукотку
Везли коров.
Туда дорога далека,
А путь один — вода...
Там ребятишки никогда
Не пили молока.
Хотя и есть на базе
Сушеное,
Сгущенное...
Но запахов лишенное!
Но не было ни разу
Парного молока!
Каково оно на вкус,
И старики не ведают,
Вот придет мычащий груз,
Все его отведают.
Даст попробовать корова
Натурального парного!

Дойное стадо плывет к ребятишкам —
 К чукотским девчонкам.
 К чукотским мальчишкам.
 А море волнами по борту стучит.
 А дойное стадо от страха мычит,
 Перила бодают коровы,
 Броситься в волны готовы.
 И по тревоге матросы
 Заводят на палубу тросы...

В Певекской бухте лодки
 Чуть не со всей Чукотки:
 Живой молокодельный завод приплыл
 в Певек!

Там в этот день недавний
 Такой был праздник славный,
 Который всем певекцам запомнится навек.
 Пришли для встречи стада
 Из школ и из детсада,
 Приехало немало детей издалека,
 И каждый понемножку,
 Кто рюмочку, кто ложку,
 Чудесного парного отведал молока!

ГУСИ

Летят на юг, за перевал
 Цепочкой гуси,
 Как будто кто-то навздевал
 На нитку бусы...
 А в их прощальном «га-га-га»
 Тоска такая,
 Что запечалилась тайга,
 Шумит, вздыхая.

Странна воронам их тоска
 И непонятна:
 На юге теплая река
 Журчит приятно.

Там пашни, там болотный рай
 У водоема.
 Любое место выбирай,
 Живи, как дома!

И цвет такой у райских птиц,
 Что прямо диво!
 А у летающих лисиц
 Хвосты, как грива.

Там пальмы чуть не до луны,
 Хвощи дурманны.
 Дают концерты ревуны
 И павианы.

Кричат фазаны в тишине
 И медососы.
 Там, словно шишки на сосне,
 Растут кокосы!

...А нитка выгнулась слегка
 И стала клином,
 Но та же смертная тоска
 В «га-га» гусином.

Прощай, смешливый бурундук,
 Прощай, рябина!
 Тот рай,
 Тот сытный теплый юг
 Для нас — чужбина.

ПРИВЕТСТВИЕ ГОРОДУ

Здравствуй, мой город!
Я встретился снова с тобой.
Ты, словно сына, меня ожидаешь всегда.
Сходен с любимой Агою
суровой судьбой
Город мечты моей давней — родная Чита.

Много воды утекло с той далекой поры,
Много исхожено было неторных дорог,
Искрой свободы в сердцах зажигая костры,
Шли декабристы этапом в Читинский
острог.

Мне ли забыть твой победный
стремительный шаг!
Как засверкали в руках забайкальцев
клинки!
И самурай отступал под напором
атак,
И атаманы бежали, бросая полки.

С городом славы я связан давнишним
родством,
Связан навеки любовью горячих сердец:
В давние годы, еще молодым чабаном,
Крепко с читинским парнишкой
дружил мой отец.

В мире свободном сегодня живут их сыны,
Пашут и строят, и новые песни поют.
Дружбу святую, которой доньше верны,
Время придет, и своим сыновьям отдадут.

Здравствуй, мой город!
Я встретился снова с тобой.
С лаской ты смотришь на сына бурятских
степей.
Сходен счастливой судьбою с любимой
Агой,
Город моих долгожданных
и старых друзей.

*Перевел с бурятского
А. НИКОНОВ.*

Арсалан ЖАМБАЛОН

ЧАПАЙ

А. С. Селезневу

Есть у меня знакомый.
Он мне давно знаком.
Фамилию имеет
Известную кругом.

Но в разговор заглазный
Зовет его наш край
Не именем, не отчеством,
А попросту — Чапай!

Не командир дивизии —
Другое ремесло:
Начальник управления
С уклоном на село.

Он носом чует пользу,
И говорит Чапай,
Когда ее почует,
Привычное — давай!

И глядь — в степи широкой,
вдали от гор и вод
Приветливый и шустрый
Поселочек растет.

Растет он и не знает
Ничего о том,
Что в планы не записан,
Оставлен на «потом».

Высокое начальство
Чапая — на ковер...
Высокое начальство
Заводит разговор.

Ругает для порядка
И покаянья ждет.
Потом пускает с миром,
Но выговор дает.

Ведь вырос тот поселок,
Уж как там ни крути,
В обход ужасно строгой
Финансовой статьи.

Ростислав ФИЛИПШОВ

Друзья! Ко мне не надо
С укором поспешать —
Я не за то, чтоб правила
Иные нарушать.

Но чувствовать нелишне,
Особо в наши дни,
Где правила живые,
А где мертвы они.

А время всех рассудит
И скажет — кто как жил:
Кто за статью держался,
А кто на стрежне был.

И потому по селам
Не молкнет говорок:
Опять Чапай построил,
Опять Чапай помог!

И Я ПРО НТР

Даже юный пионер,
Прочитав всего три книжки,
Скажет вам про НТР.
Ну, хотя бы понаслышке.

Был в гостях я, например:
За столом я слышал снова —
НТР да НТР...
(А про водку — ни полслова!)

Чудаки во цвете лет!
Как трещит от перегрузки
Захолустный интеллект —
Ихний ум, сказать по-русски.

Выступает инженер,
Сделав дело плоховато:
Не дошла, мол, НТР.
Вот она и виновата!

Шлет письмо пенсионер
По инстанциям высоким —
Не внедряют НТР
В пирожковом пищеблоке!

А поэт кроит размер
Заковыристо и модно —
Так велит, мол, НТР,
Так, мол, времени угодно.

Ладно. Я не так уж сер.
Понимаю толк в прогрессе,
Оставляю НТР
при особом интересе.

Знаю, что она важна.
Остаюсь о ней в заботах.
Но не идол же она,
А помощница в работах.

ЭВМ и полимер,
Сталь и уголь ежечасно
Поставляет НТР.
И спасибо. И прекрасно.

Все же счастье вижу в том,
Чтоб мы так на свете жили,
Чтоб когда-нибудь потом
Дети нас не позабыли.

Счастье в том наверняка,
Чтоб решить при всем народе,
Как ужиться на века
Человеку и природе.

НТР — вещей прибор.
Только б вещи не мешали
Богатеть душе любой
Чувствами, а не вещами.

В мире много разных мер
Вместе с точными весами.
Славься, славься, НТР!
Но и сами мы с усами...

Новосибирск, Академгородок

РУКОПИСИ РАЙНИСА

Держа в руках швейцарский тот альбом,
Где меж страниц цветы полей латвийских,
Полей далеких, но для сердца близких,
Для сердца Райниса, — я уверялся в том,

Что жизнь не коротка. Благослови,
Бессмертие, поэт. Ведь свободу
Он звал, давая своему народу
Глаголы гнева и глагол любви.

Я слаб. Но не устану на земле
Работать, чтобы хоть единым словом
Помочь народу в том часу суровом,
Когда он мыслит о добре и зле.

Рига

* * *

Все для тебя. Живи счастливо.
Но, в жизнь привычную уйдя,
Про шум Бенгальского залива,
Про шум декабрьского дождя

Не позабудь. Все будет снова —
И смех друзей, и грусть дорог.
Но только не забудь про слово,
Что я произнести не мог.

Оно живет. Оно вершило
Над нами нежный свой покров
Во храмах каменного Шивы,
Где влажно от морских ветров.

Все было ясно и неясно.
В душе рождался тихий свет.
И боги Индии прекрасной
Нам улыбались мудро вслед...

Махабалипурам, Индия

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Здравствуй, милая Чита!
Прибыл твой сыночек...
Под ногами суета
тополиного листа,
На зубах песочек.

Города получше есть.
Там всего хватает...
Забайкалье! Ваша честь!
Лишь друзей таких, как здесь,
там не проживает.

Ах, смолистый из хребта
тянет ветерочек...
Друг встречает. Красота!
Здравствуй, милая Чита!
Прибыл твой сыночек.

ЗАБАЙКАЛЬЦЫ

РОМАН

Книга четвертая

Глава I

Егор и двое его товарищей, которым удалось вместе с ним уйти живыми из-под расстрела, благополучно добрались до леса и, с короткими передышками, шли весь день, стараясь уйти как можно дальше от места страшного побоища. Однако глухие раскаты, грохот стрельбы долго еще доносились до их слуха.

У Егора сильно болела раненая нога, на остановках он прикладывал к ране лепестки «волчьего языка» и подорожника, бинтовал ее полосками изорванной исподней рубахи. Не лучше обстояло дело и у Федорова. Оба шли, опираясь на самодельные костыли из молодых березок, выручил кинжальный штык от японской винтовки, которую теперь нес на себе Номоконов.

К вечеру их начал донимать гнус, мучил голод, в это утро в вагоне их, обреченных на убой, совсем не кормили. На закате солнца спустились они в широкую, уходящую к востоку падь с речкой посередине, тут утолили жажду. Холодная, чистая как стекло, вода показалась им слаще меда. Напившись, Егор огляделся, узнал знакомую падь Сорочью, где не раз приходилось ему работать на сенокосе, когда он батрачил у Саввы Саввича. Понял Егор: ушли далеко от пади Тарской, да и отзвуков пальбы давно уже не слышно, наверное, страшная казнь была закончена. И, странное дело, радость, которую испытал Егор, когда удалось уйти из-под расстрела, словно испарилась, и на смену ей пришло чувство напряженности, ожидание чего-то страшного, и уж чудился ему отдаленный топот копыт, — не погоня ли? Внутренне содрогаясь, оглядываясь он, прислушивался. То же самое переживали товарищи его по несчастью. Номоконов прижимал руки к груди, пытаясь унять нервную дрожь, матово-бледное лицо оттеняла чернота клочковатой бороды. Федоров так же, как Егор, поминутно оглядывался, прислушивался.

— Ничего, товарищи, — пытаясь успокоить товарищей и самого себя, Егор старался говорить бодрее, — теперь уж не страшно, ушли далеко.

Роман Василия Бялябина — «Забайкальцы» — широко известное эпическое произведение о Забайкалье предреволюционных лет и периода гражданской войны, борьбы за утверждение власти Советов в Сибири и на Дальнем Востоке. Первые три книги романа неоднократно переиздавались, выходили массовым тиражом и неизменно вызвали большой читательский интерес.

Двадцать четыре года труда отдал писатель этому роману, и сейчас его работа подошла к концу. В нашем журнале публикуется завершающая произведение четвертая книга романа «Забайкальцы».

- Тише ты, — шикнул на него Федоров, — чего так громко-то?
- А кто нас тут услышит?
- Да все-таки место чистое, видно далеко и слышно.
- Ночевать-то где будем — здесь-то боязно.
- В лес отойдем.
- Тогда уходить надо, пока светло.
- Идемте.

Место для ночлега выбрали в густом березнике, в полуверсте от речки. Костер решили не разводять, наломали березовых веток, устроив из них постель, улеглись потеснее друг к другу, чтоб было теплее.

Плохо спалось в эту ночь Егору, болела раненая нога, от ночного холода нечем укрыться, донимали комары. Но больше всего не давали покоя кошмарные видения минувшего дня: то отчетливо всплывает в памяти больной казак в шинели и в валенках, которого к месту казни нес на руках бородач батареец, то момент, когда безоружные узники кинулись на палачей своих — японцев, гибли под ударами их штыков, но и сами били врагов кулаками, камнями, били насмерть! То видится Егору цепь японцев вокруг их вагона, залпы, пулеметные очереди. Но больше всего видится Егору Раздобреев — богатырь, жизнь свою отдавший ради спасения товарищей. И снова залпы, кровь, тела убитых... Егор гонит от себя страшные видения, старается думать о другом, о последнем сенокосе у Саввы Саввича, о Насте, но упрямая память настойчиво подсовывала ему кровавые картины казни. Уже перед самым утром забылся он тревожным, чутким сном. Проснулся он, разбуженный голосом Номоконова:

— Вставайте живее, ну! — тормозил друзей Номоконов. — Солнце-то уж вон куда поднялось, вставайте!

Егор нехотя поднялся с нагретого ложа, хрустнув суставами потянувшись, с радостью отмечая, что вчерашнего страха, ожидания погони как не бывало. Повеселели и товарищи.

- Костер-то будем разводять? — спросил Номоконов.
- А для чего он нам, варить у нас нечего.
- Да хоть посидеть у огонька, портянки высушить.
- На солнце высохнут, идти надо.
- Курнуть бы, — вздохнул Федоров.
- Ишь чего захотел! Ишо чайку бы горячего, с калачами.
- Дорогой мангыру нарвем на сопках, земляники полно в березняках, тоже еда.

— Где-нибудь выйдем на стан к пахарям, люди-то теперь все в поле, на пахоте, вот и поедим.

— А на голодно-то идти легче будет, пошли.

В сладостной истоме истекал жаркий июльский день. Большая жара уже спала, и казалось, что в остывающем воздухе сильнее запахла нежно-кремовые каши, разморенные полуденным зноем, алые саранки и бело-розовые марьины коренья. А на опушке березовой рощицы, где притаились Егор и двое его спутников, чудесно пахло спелой земляникой. Вдоволь поели ее наши беглецы, но голод не утихал, и есть захотелось еще сильнее. С нетерпением ожидали они наступления вечера, поглядывая, как все длиннее становятся тени от сопок. Но больше всего взгляды их притягивала телега и берестяной балок, что виделись на середине пади возле речки и небольшого колка. Само собою разумеется, что в балке есть хлеб — еда пахаря, который неподалеку, на слане пашет на тройке лошадей. Дальше еще видно пахарей: на конях пашут и на быках, чуть слышно доносятся покрикивания погонщиков. Но у тех пахарей ночевки, очевидно, на другом стану.

— Может, подаваться начнем помаленьку к стану этому? — предложил Федоров.

— Нет, — упрямо тряхнул головой Егор, — рано ишо, можем на разъезд белых нарваться. Подождем, когда хозяин будет на стану, а без него-то неудобно.

— У него, может, и хлеба-то одна коврига?

— Там видно будет.

На полевой стан Егор с друзьями пришли уже в сумерки. Позади них над сопками рдела узенькая полоска зари, на стану горел костер. Озаренные его светом сидели пахарь — русобородый человек, в соломенной, почерневшей от времени шляпе — и чернявый мальчуган лет десяти. При виде незнакомцев оба поднялись с земли. Мужик, окинув пришельцев внимательно настроженным взглядом, ответил на их приветствие:

— Не бойся нас, дядя, — сказал Егор, — мы люди свои, идем издалека, устали, проголодались. Разреши нам переночевать здесь у тебя. А если хлебушко найдется, удружи, будь добр.

— Бояться-то нам чего вас? Вы не разбойники, да и грабить-то у нас нечего. Садитесь к огоньку, погрейтесь, к ночи-то свежо станет.

В котле забурлила, вскипая, вода, мужик бросил в нее щепоть толченой чаги, подержав котел над огнем, приказал сыну:

— Тащи сюда чашки, хлеб да соль захвати, чеснок, — и, поставив перед пришельцами котел с горячей чагой, продолжал: — Ночевать-то останетесь, так нам еще лучше, веселее будет. А вот с харчами-то у нас не густо — всего две ковриги хлеба! Придется разделить их на двое, одну сейчас съедим, а другую утре. А потом уж бог даст день, даст и пищу.

Пахарь, назвавшийся Савелием, на дощечке топором изрезал пучок чесноку, густо пересыпал его солью и до влажности размял топором. Большую ржаную ковригу он разрезал на четыре части, три отдал гостям, четвертую разделил с сыном.

— Кушайте на здоровье, чесночку прихватывайте, шибко он для здоровья пользителен. Маловато хлеба-то, да что поделаешь: чем богаты, тем и рады.

— Спасибо, дядя Савелий!

— На здоровье!

Никогда еще Егору ржаной хлеб не казался таким вкусным, как

в этот раз. Савелий только головой покачал, глядя, как быстро управились его гости с едой, вслух же сказал другое:

— Для спанья-то палатку возьмем с телеги, свернем ее вчетверо вот и ладно будет. Под головы хомуты положите, седелки, а вот сверху укрыться-то будет нечем! У нас, окромя подседельника да шубы, какой сами укрываемся, ничего больше нету! Холодно вато вам будет?

— Ерунда, вить не зима же. А нам только бы уснуть, то и холод нипочем!

— Да время-то оно теплое, петровки!

Утром хозяин поднялся чуть свет, разбудил своих постояльцев. Проснувшись, Егор увидел над сопками с востока бледный, чуть под-
румяненный зарею рассвет и белую полосу тумана вдали под горой. На стану уже горел костер, над ним на тагане висел котел с водой. Хозяин укладывал на телегу мешки с овсом, сына послал за лошадью. Поеживаясь от утренней прохлады, друзья поспешили к огню, туда же подошел хозяин.

— Вот что, ребяташки, — заговорил он, обращаясь к Егору. — Вы, как я догадываюсь, к своим пробираетесь, к красным то есть?

Егор, держа над огнем протянутые руки, удивленно вскинул на него брови:

— С чего это ты взял, дядя Савелий?

— Соображаю, глядя на вас! На семеновцев вы никак не походите, и одежка на вас веретеном, ноги пораненые! Сразу видать, что в передряге большой побывали.

— Выдумываешь, дядя Савелий.

— Да вы меня не стесняйтесь, у меня у самого два братана в красных обретаются.

— Фамилии-то их как?

— Перфильевы.

— Есть в нашем полку Перфильев, в третьем эскадроне, имя его вот не помню, чудное такое, какие редко и встречаются.

— Пимон. Рыжие усы, ростом чуть меня повыше.

— Верно, Пимоним зовут его. Ну раз такое дело, то уж откроемся. Угадал, дядя Савелий, к своим пробираемся. А уж в передряге-то побывали в такой, што и вспомнить страшно, — и тут Егор рассказал о том, что произошло в пади Тарской, как из полутора тысяч расстрелянных белыми карателями только вот им троим удалось уйти от смерти!

Кончил Егор, и зловещая тишина воцарилась у костра, только вскипевшая вода бурлила в котле да потрескивали, разгораясь, дрова, ярким пламенем освещая сидящих вокруг, притихших людей. Потрясенный страшным рассказом старик словно окаменел, полными ужаса глазами смотрел на Егора. Молчали и недавние смертники. Егор, сгорбившись, обхватив руками колени, смотрел мимо костра, и чудилось ему, что тени погибших витают над ним. А в глазах — Тарская, вагон, откуда вместе с другими кинулся он навстречу смерти, штыки карателей, залпы, тела убитых, стоны, кровь. Раздобреев с окровавленной доской в руках! Дрова потрескивают в костре, а Егору слышится — хряст, хряст от ударов доской Раздобреева...

— Ох, Кеша, дорогой наш Кеша, — со стоном выдохнул Егор, распрямившись, упираясь руками в землю. — Кабы не ты, дорогой наш друг, не сидеть бы нам у костра этого.

— Не сидеть бы, — эхом отозвался Номоконов.

— Вот человек был, — прошептал Фодоров, — царство ему небесное!

— Ужас, ужас! — очнулся от оцепенения старик. — Шибко, знать, молят за вас богу родные, шибко! Из какого аду вырвались, боже ты

мой милостивый! Слушаю, и волосы дыбом встанут, — ужас! И как только земля-то носит злодеев этих, казнителей!

— Но ничего, — помотал головой Егор, словно отгоняя от себя страшные видения, — отольются им слезы сиротские и кровь погибших товарищей наших. Рассказывать будем народу нашему, штобы еще больше восставали против палачей проклятых, мстили палачам нещадно!

После все молча принялись за еду. Хозяин так же, как и вечером, ковригу хлеба разделил на четверо, роздал гостям и сыну поровну, себе от четвертинки, которая досталась сыну, отрезал тоненький ломтик.

— Себя-то обделил, дядя Савелий! — сказал ему Егор.

— Обо мне не печальтесь, кушайте на здоровье. Домой я надумал съездить, там и поем досыта. Да-а, — с уважением глядя на Егора, старик одобрительно покачал головой, — верно ты сказал, што поднимать надо народ супротив казнителей этих, злодеев, навалиться на них всем миром — и крышка им проклятым! А народ и так-то озлоблен на них до невозможности, а теперь, как услышат про это злодейство, все поднимутся от мала до велика! Будь бы помоложе, и я не отстал бы.

— Молодец, дядя Савелий, спасибо!

— Вот и надумал я помочь вам, чтобы до своих-то добраться скорее. Сделаем так: сейчас мы едем на пашню, овес я рассею. Ванюшка боронить будет, а сам я домой смотаюсь. Да ишо кто-нибудь из вас бы со мной, вдвоем-то оно бы способнее. Там и харчей соберем вам на дорогу и насчет коней сообразим! Кто пожелает со мной?

Номоконов переглянулся с Егором:

— Ежели ехать, так мне придется, как ты думаешь?

— Езжай. А мы с Федоровым опять в тот же безрезник подадимся, где вчера обрелись. Здесь оставаться опасно. Как вернетесь, к нам туда приходи, Иван, расскажешь, что и как.

— Ладно.

Хозяин с этим согласился, и вскоре стан опустел. Савелий с сыном и Номоконовым отправились на пашню, Егор с Федоровым поковыляли в лес. Устроились они на том же месте, где вчера провели почти полдня. Отсюда им хорошо видно широкую елань, работающих на ней хлеборобов; в одном месте пашут на тройке лошадей, в другом в плуг запряжено три пары быков, в третьем на четырех лошадях боронят свежую пахоту. Ближе всех находилась к ним пашня Савелия; было видно, как он с мешком через плечо шагает по пашне, проворно раскидывает овес. Мальчуган запрягает двух коней в бороны, ему помогает Номоконов.

Взошло солнце, и под лучами его мириадами радужных блестков заискрились отягченные росой цветы и травы. Где-то далеко закуковала кукушка, и совсем близко выщелкивал сибирский соловей. Слушая незамысловатые рулады сибирского певца, Егор старался не думать о событиях в пади Тарской, пытался восстановить в памяти последнюю встречу с Настей... В этот момент Федоров тихонько дернул его за рукав, потянул к себе винтовку. Егор глянул в ту сторону и в промежутке между берез увидел козу! Она, пощипывая травку, выходила на полянку, а Федоров уже прилаживал на обгорелый пенек винтовку:

— Стой! — крикнул Егор, локтем вышиб из рук товарища оружие. Как метнулась вспугнутая им коза с полянки, Егор не видел, столкнувшись глазами с изумленным взглядом Федорова.

— Ты чего это? — не понимая, что произошло, спросил Федоров.— Почему стрелить не дал?

— А ты слепой? Не видел, что это matka, детеныш у ней — инджиган¹. Убил бы matka и его погубил бы.

— Вон оно што! Подумаешь, великое дело — matka, инджиган!

Людей убивают тысячами.

— Людей палачи убивают, каратели, — а ты кто?

— Козу нужда заставляет убить, голод!

— Чего ты мелешь! — возмущенный упрямством Федорова, повысил голос Егор. — Какой голод; вечером вчера, утром сегодня хоть и не совсем досыта, а все-таки поели. Номоконов уехал за харчами!

— Што и за человек ты, никак не пойму? С тобой и с ружьем подохнешь с голоду в тайге! — И, отвернувшись, Федоров прилег, положив голову на приклад винтовки, притих, не желая больше разговаривать.

Молчал и Егор. То, что произошло здесь, напомнило ему случай, когда и он чуть не убил козулю-matku! Это было весной 1919 года, когда партизанский отряд Хоменко обосновался в здешних же местах в таежной падушке Гришин Хутор. Находясь вдаль от сел, партизаны кормились главным образом тем, что добывали в тайге охотники. Однажды и Егор напросился идти на охоту. Взяли его охотники, из лагеря идти пришлось далеко, потому что вблизи коз распугали. На рассвете заняли места на перевале. Егору досталась круглая лужайка на опушке. Укрывшись за валежиной и густой порослью вереска, он приготовился, уложив винтовку на сучок, замер в ожидании. Коза вышла на полянку уже перед восходом солнца. Медленно, грациозно выступая стройными ножками, шла она прямо на Егора! Сделает два—три шажка, пощиплет травку и вдруг вскинет красивую сухую головку, сторожко поводя ею, принохивается, но слабый утренний ветерок тянул от нее на охотника, и она его не чуяла. Всю ее, как на картинке, видел Егор; и черный пяточок на носу, такой же ободок ноздрей, розоватые раковины больших ушей, даже маленькие раздвоенные копытца на ногах! Она уже вылиняла, красноватая гладкая шерсть лоснилась на боках. Не чуя опасности, она подходила к Егору все ближе и ближе. И вот, когда осталось не более пятнадцати шагов, коза опять вскинула головку, глядя прямо на Егора. Он изготовился к выстрелу, целясь в грудь ей между лопаток.

Еще миг... и в этот момент Егор увидел глаза ее — большие, карие, чуть влажные. И будто что-то оборвалось у него в груди, он шумно вздохнул, откинул от себя винтовку! Много видел Егор на войне всяких смертей, сам стрелял в людей, рубил шашкой во время атак, и не было к ним жалости, а тут коза эта словно пронзила его глазами, сдавила сердце! «Вить мать она, дите у ней», — мелькнуло у него тогда в мыслях, и облегченно вздохнул, когда она прыгнула от испуга. Даже не прыгнула, а как бы взлетела, распластавшись в воздухе, и скрылась молниеносно, а следом за нею стрелой мелькнул маленький красненький инджигашек.

Номоконов вернулся из села к раннему обеду. К лесной опушке, где скрывались его друзья, он подъехал в тарантасе, на рыжем вислозадым иноходце. В ожидании спешивших к нему друзей, он похаживал вокруг иноходца, оглаживал его, поправлял на нем сбрую, таловым прутом сбивал с него паутов. Уже по внешнему виду Номоконова Егор догадался, что прибыл он с добрыми вестями. Он так и светился радостью, обнажая в улыбке желтые от курева зубы, хвастал:

— Вот когда заимел виноходца! Золото, сто сот стоит, виноходь под ним... галопом не догнать.

¹ И н д ж и г а н — козленок (областн.).

— Да ты про дело-то говори, холера! — тормошил говоруна Егор, горя нетерпением узнать, что там и как. — С чем приехал-то?

— Все в порядке, — натянув вожжи и ухватившись рукой за облучину, Иван ловко запрыгнул на переднее сиденье, достал из кузова кнут. — Садитесь, мигом домчу!

— Да не тяни ты за душу, волк тебя заешь! — усаживаясь на заднее сиденье, ругался Егор. — Рассказывай живее!

— Сейчас. Но-о, Рыжко, давай милок, прибавь. С хозяином надо распротиться.

— Ты будешь говорить или нет? Ботало осиновое, — уже не на шутку рассердился Егор. — Вот как ахну костылем по башке!

— Все бы ахал. Сказано вам, что дорогой все расскажу до тонкости.

— Ну и рассказывай, смеешься ты, што ли? — взъярился и Федоров.

— Красные зашли в село, понятно вам? Даже твоего, Егор, полка — Первого конного... Не весь полк, а один эскадрон.

— Да ну! — враз повеселел Егор. — Кто командир-то у них, видел?

— А то нет? Разговаривал даже, про расстрел в Тарской рассказал, все подробно! Про тебя он спрашивал, знакомец твой! Фамилия-то? Эка паря, забыл вить, сюда ехал помнил, здоровяк, кулачищи-то, как гири двухпудовые. Усы черные, да и весь-то на цыгана похож.

— Тимофеев Алеха, — обрадовался Егор, гнев его на болтливость Ивана прошел так же быстро, как и возник. — Он, Алеха, больше некому. Один он у нас такой. Гони живее!

— И так гоноу, колёсся-то где хватят земли, где нет.

Уже подъезжая к стану, Иван сдержал иноходца, перевел его на шаг. Оглянувшись на Егора, сказал:

— Знаешь што, отдадим винтовку эту Савелию! Человек он хороший, для нас вон как постарался.

— На троих одна и ту отдать?

— Для нас есть у Тимофеева в обозе трехлинейки, я уже договорился с ним. Коней для вас ликвидизируют у богачей, а себе я даже шашку достал.

— Ежели так, то, чего же, отдадим старику винтовку.

— Радехонек будет!

Глава II

1919 год, июнь. Вот и лето подошло, а планы семеновских генералов — разгромить, уничтожить мятежных большевиков — проваливались один за другим. Четыре полка красных партизан продолжали действовать в низовьях Аргуни и Урова, Газимура и Урюмкана, имея центром станичный центр село Богдаты.

Однако положение у красных значительно ухудшилось: много отважных борцов за свободу сложило свои головы в боях под Нерчинским Заводом, под Кунгуровой, в зерентуевском бою, в башуровском, на Газимуре. Убитых бойцов наскоро хоронили без гробов в братских могилах, а раненых увозили в глубокий тыл — в таежные села Богдатской, Усть-Уровской и Аркиинской станиц, где врачами были местные знахари да бабки-травницы.

В связи с таким положением почти прекратился приток новых добровольцев, поредели партизанские эскадроны, оскудели боеприпаса-

ми. Особенно плохи дела были в Четвертом кавалерийском полку, которым командовал Степан Толстокулаков — статный, бравый детина из казаков Усть-Уровской станицы. Толстокулаков так же, как и Макара Якимов, был рядовым, неграмотным казаком, и все-таки партизаны выбрали его командиром полка, взамен Корнила Козлова, убитого в зерентуевском бою. Командиром Степан оказался боевым, энергичным, однако последние два боя по Урюмкану оказались неудачными. Боеприпасов израсходовали много, а пополнить их было нечем, не отбили у белых ни одного обоза. В связи с создавшимся положением решил Степан съездить в Богдаты к Журавлеву, посоветоваться с ним, как быть дальше.

Ранним утром, когда хозяйка квартиры еще доила коров, Степан разбудил спавшего в сенях партизана и приказал ему сходить за полковым писарем. Сердитый спросонья партизан нехотя поднялся, обуваясь, ворчал себе под нос: «Сам не спит и другим не дает. Ишо и черти в кулачки не бьются, а ему уж писарь запонадобился».

Писарь Федор Ярославцев появился в избе, когда Степан уже сидел за столом и вместе с хозяином пил из самовара чай с молоком и пшеничными калачами.

— Проходи, товарищ, — пригласил хозяин, — чаевать с нами.

Федор не возражал и уже фуражку снял, приглаживая рукой губ, но Степан, поднявшись из-за стола, кивнул головой на дверь:

— Выйдем на минутку, дело есть.

Вышли. На дворе сыро, небо заволокли серые, мохнатые тучи, и уже начал сеять мелкий, как сквозь сито просеянный, дождик. Хозяйка выгоняла в улицу коров; пестрое стадо валило улицей; пастух, натягивая от дождя мешок углом на голову, монотонно выкрикивал:

— Коров выгоняй, коров-ов!

Степан присел на низенькую скамейку на крыльце, кивнул писарю: садись.

— Чего звал! — спросил Федор, усаживаясь рядом.

— К Журавлеву хочу поехать сегодня, насчет боеприпасу посоветоваться. Вить это же беда, обеспатронились начисто. Сколько у нас осталось патронов, ежели на круг взять, по десятку на винтовку будет?

— Едва ли?

— То-то и есть. Вот и хочу поехать к Павлу Николаичу.

— А чем он нам поможет? Советом в бою добывать патроны, оружие, так это мы и сами знаем.

— А ты помнишь, людей Журавлев посылал в Аркию, золото добывать на прииске. От нашего полка тоже ушли пятеро?

— Помню, а что?

— То, што золота добыли порядочно. И с этим золотом Журавлев посылал Воросова и Михаилу Сапожникова за границу, патроны на него закупить у китайских купцов. Съездили они и патронов закупили, и кое-што из оружия. Вот я и поеду, попрошу, штобы поделились с нами.

— Зряшное дело. Не даст нам ничего Журавлев. Не любит он таких попрошаек. Да и то сказать: только одному дай, а там и другие потянутся, как мухи на мед! На готовенькое-то много охотников найдется. Да будь бы я на месте Журавлева, тоже не дал бы. Так что лучше всего не ездить никуда. Патронов Журавлев все равно тебе не даст, а наше с тобой дело — вообще на глаза ему не попадаться недели эдак две.

— Это почему же? — насторожился Степан.

— Нагрезили малость ребята наши ночью.

— Чего такое?

— Из полка сиганули, второй эскадрон почти что весь целиком.

— Ка-ак! — бледнея, изменившимся голосом переспросил Степан. — Дезертировали, што ли? С оружием?

— Само собой. Да ты шибко-то не переживай, не волнуйся, и никакие они не дезертиры, что ты их не знаешь? Просто видят, что у нас вроде затишье наступило, вот и решили домой съездить, своих попроведать. К тому же пообносились все страшное дело как, обовшивели. Побудут дома с недельку, одежонку исправят, по домашности кое-чего подладят и вернутся. Никуда они не денутся.

— Гады, гады ползучие! — нервно потирая руками колени, матюгал Степан беглецов. — Изменщики проклятые! Узнает про такое Журавлев, голову снимет!

— Да ну-у, что мы ему докладывать будем обо всяком пустяке. Помалкивай, знай, и всего делов. А гляди через недельку они заявятся! Ребята надежные, почесь все нашей Усть-Уровской станицы. Может быть, ишо и патронами где-нибудь разживутся.

Федор набил табаком трубку, закурил и, как будто ничего особенного не произошло, продолжал спокойно рассудительным тоном:

— Винтовки у нас почесь наполовину берданы, патроны-то к ним сами наделали бы, будь бы у нас свинец. Опять же пороху нету, пистонов! Это как у той бабы, что говорила старику: «Будь бы мясо — пельменей настряпала бы, муки нету!» То же самое и у нас. А тут новое горе: с питанием стало плохо, хлеб есть у жителей, а партизаны наши почесь сплошь охотники, им мясо подавай, а их чаем потчуют да кашей надоваливают с простоквашей. А наша хозяйка щей постных наварила нам вчера, да таких, что ими только собаку ошпарить!

— Чего ты расплакался тут! — вскипел Степан и без того расстроенный самовольным уходом из полка партизан. — Мяса нету! А что у богачей здешних овец не стало, быков?

— Остынь, не пори горячку-то. В уставе нашем что сказано, забыл? Брат у населения продукты для питания под роспись только в случае крайней необходимости. А какая же тут необходимость, когда тайга вокруг и зверя там всякого полно. Послать человека три охотников хороших, вот тебе и мясо.

— А патроны где взять?

— Да много ли их потребуется? Десяток зарядов дадим и десять коз приволокут ребята. Это уж хоть на бобах не ворожи, приволокут!

— Оно-то, конечно, так, — Степан с тоской во взгляде посмотрел в сторону тайги, что темнела сквозь сетку дождя; она, с двух сторон наступая на село, укрывала собою горные кряжи и хребты. Часто отсюда доносилось знакомое баяканье гурана. Сила охотничьего азарта всегда влекла Степана в тайгу, особенно потянуло его туда теперь, но, понимая, что для командира полка это невозможно, он лишь тяжелехонько вздохнул и сказал примирительным тоном:

— Ладно уж, пошли человека три-четыре да таких, штобы патроны-то зря не жгли.

— Насчет этого, будь спокоен. Выбрать-то есть из кого.

— Так ты говоришь не ездить к Журавлеву?

— Конечно. У нас одна надежда пополнять наши запасы — добывать их в бою. А так, — Федор жестом безнадежности махнул рукой, — сам плох, не даст бог. Только бы вот ребята поскорее вернулись. Но, думаю, долго-то они не задержатся.

Степан еще раз посмотрел на таежные сопки, поднялся со скамьи:

— Ладно, пошли чай пить.

Как раз в это время на станции Мациевской, далеко от сел и станций, занятых партизанами, разгружались эшелоны Первого Забайкальского казачьего полка, что прибыл из Читы вместе с приданной ему горной батареей.

Полк этот в ставке белого командования считался самым надежным, поэтому и назывался «имени атамана Семенова». Укомплектован он был полностью казаками действительных сроков службы, которые в отличие от других полков и обмундированы были лучше и хорошо вооружены. Причем, винтовки у них были коротенькие — японские карабины. В задачу полка входило: со станции Мациевской следовать походным порядком долиной Аргуни, в районе 4-го военного отдела влиться в состав армии генерала Шемелина и действовать по его указанию.

Штабисты походного атамана были хорошо осведомлены о том бедственном положении, в котором находились красные повстанцы. Все они не сомневались в скором разгроме «большевистских шаек» и были уверены, что 1-й полк ускорит этот разгром. Эта уверенность была настолько велика, что командир полка, полковник Эпов, имел приказ: «После выполнения боевой задачи полку надлежит следовать в город Сретенск на зимние квартиры».

Глава III

Сердитый, с похмелья, лежал на кровати в горнице покровский поселковый атаман Филат Степанович. Вчера гульнул он на именинах у друга своего Поликарпа Дятлова, да так, что не помнит, как его доставили домой. Проспал бы атаман, вероятно, до самого обеда, если бы не жена.

— Вставай живее, — тормошила она мужа, трясла его за плечо, — солнце-то уж вон куда поднялось!

— М-м, — невнятно промычал атаман, переворачиваясь на другой бок.

— Человек вон приехал с пакетом, — не унималась атаманша, — из станицы, наверное.

— Отвяжись!

— Вставай, холера, дело-то, поди, важное, военное.

— Ох, кого это там принесло опять, — с трудом оторвавшись от подушки, атаман сел, опустил ноги на пол и, облокотившись на колени, сжал ладонями виски.

— Одевайся, Степаныч, ждет человек-то.

— Да будьте вы трижды прокляты! Ни днем, ни ночью нету покою, — ругался Филат, проклиная свое атаманство. Да и было за что: никогда еще не было у него столько хлопот, как в этом суматошном году. То подводы с него требуют, то сено подавай, то овес, то коней, то казаков мобилизуй. А сегодня к тому же голова трещит так, что моченьки нету.

— Ох, — поднял он на жену страдальческий взгляд, — посмотри-ка, не осталось ли в графине-то?

Бокал водки, который принесла ему заботливая жена, оживил атамана. В голове у него прояснилось, боль поутихла, он запил водку огуречным рассолом, поблагодарил жену и, одевшись, вышел на кухню. Там ожидал его приезжий паренек лет семнадцати и очередной рассыльный, пожилой сивобородый Федот Нилыч, отбывающий дежурство за сына.

Хозяйская дочь, розовощекая, черноглазая Маринка, очень попол-

невшая на шестом месяце беременности, вынимала из печи пшеничные булки, ставила их рядом на кутней лавке. Пахло печеным хлебом и медовым душиком подсыхающей травы, которой застелен чисто проскобленный пол; на столе, исходя паром, шумел пузатый самовар.

При появлении Филата гонец встал, приветствуя атамана, подал ему пакет под сургучной печатью.

Атаман вскрыл пакет, посмотрел на исписанную фиолетовым карандашом бумажку и, досадуя на свою неграмотность, спросил гонца:

— Ты небось грамотный?

— Ага, — кивнул головой парень, — могу прочитать.

— Давай.

— «Покровскому поселковому атаману...» — бойко начал паренек.

Слушая его, атаман лишь головой покачал, дивясь про себя: «Смотри-ко ты, как чешет, не хуже моего писаря. Как водой бредет».

— «Первый Забайкальский казачий полк, — продолжал парень, — прибывает в нашу станицу. Предлагаю к 29 мая сего года приготовить сто пудов овса и пять одноконных подвод, каковые предоставить в распоряжение полкового фуражира. Об исполнении донести. Станичный атаман вахмистр Пинигин. Писарь урядник Березин».

К удивлению гонца, атамана не только не огорчили предстоящие хлопоты, но он даже повеселел, выслушав предписание начальства.

— Вот это здорово, первый полк к нам! — заулыбался он, глядя бороду. — Марина, слышишь?

— Слышу, тятя, Миша приедет! — Маринка так и зарделась маковым цветом, радостью заискрились карие глаза. — Вот не думано-то, не гадало, аж не верится.

— Дуреха, чего же не верить-то, ясно написано: двадцать девятого мая, значит, завтра жди муженька в гости. Иди, обрадуй матерю, да начинайте готовиться встретить дорогого гостя. А оно может так получиться, что и господа офицеры к нам пожалуют, ежели полк-то у нас задержится. Иди, а у меня ишо и других делов полно.

И к гонцу:

— А ты, молодец, письмо-то отвези к писарю моему, пусть он там распишется как надо, да скажи ему, чтобы живой ногой ко мне, понял?

— Так точно, господин атаман!

— Ступай.

Парень, подражая старшим, крутнулся налево кругом, вышел. Филат, повеселевший от радужных вестей, и не заметил, что головная боль у него утихла, на душе стало легко, потянуло на разговоры и выпить захотелось:

— Агаха, — позвал он жену, — поставь-ка нам графинчик! Чтобы Федот Нильч проздравил нас с радостью великой.

— Опохмелился и хватит, — резко оборвала его атаманша, — напьемся и про дело забудешь! Из станицы-то што пишут, забыл? Надо все исполнить и к приезду зятя приготовиться, родных оповестить, пригласить к завтраму, а у нас ишо не у шубы рукав! Работники на пашне, а надо кого-то за овцой послать в табун, заколоть ее, да поросенка, а то и двух. Да мало ли делов-то?

— Верно, Агаха, верно! — согласился атаман. — А по чеплашечке-то уж налей нам с Федотом Нильчем, выпьем и за дело. Все справим в лучшем виде. Проходи, дядя Федот, к столу.

Федот не возражал, положив фуражку на скамью, прошел к столу, присел, разглаживая усы. Выпили по одному бокальчику, больше атаманша не разрешила, закусили соленым огурцом.

— Вот что, дядя Федот, — Заговорил атаман, — овес-то мы возь-

мам, пожалуй, из общественного амбара? Как по-твоему, ладно будет? А потом соберем как-нибудь, возместим, верно?

— Ну что ж, тебе виднее. Из амбару, так из амбару. Вахтура позвать, что ли?

— Позови. И десять подвод к завтраму набери.

— Кого назначить?

— Очередь в нижней улице. Значить, так, можно Романа Вдовина, Калиника, Михалева, Руфу Пичуева и других там по порядку.

— Поликарпа Дятлова, чего обходишь.

— Дойдет ишо очередь и до Поликарпа.

— Там жди, когда она дойдет. — Федот вышел из-за стола, перекрестился на иконы. — Спасибо за угощенье.

— На здоровье. Насчет подвод-то, поторапливайся.

— Сделаю. Вот насчет Ромахи-то Вдовина поговорить хочу, вить у него парень-то совсем недавно с подвод вернулся и опять его же? Вить неправильно, Филат Степанович! Плуг остановится у человека, без паров останется! То же самое и у тех ребят. Лучше всего назначить Дятлова, пусть пошлет работника на трех подводах, две взять у Овчинникова, остальные наберем. Вот оно и ладно будет. А у Овчинникова с Дятловым не убудет, и пахота не остановится, у них, окромя рабочих, гулевых кобыл косяки степь красят.

— Это уж дело его, Федот Нилыч, а што касаемо подвод, так у Романа три годных души, а у Дятлова одна! Так с какого же пятрика он за чужие души отбивать будет?

— Ду-уши. А помнишь, весну-сь, вот когда также потребовали с нас овес, подводы, коней под верх, так брали по справедливости, у богатых, справных хозяев, так что и пахота ни у кого не остановилась! Оно и правильно, вить вешний день год кормит.

— Это ты про то, как красные-то к нам заходили?

— Востанцами их называли, а какой они масти я не интересовался. Димов Михайло каким-то начальником у них. Он этот Димов, сказывают, в большаках состоит, а человек ничего-о, очень даже справедливый. Что верно, то верно.

— Так ты это што же, Федот Нилыч, — у атамана от удивления глаза полезли на лоб, ломко изогнулись рыжие брови, — Мишку Димова восхваляешь за то, што он тут пропаганды разводил большевицкие?

— Может, он и говорил про каких-то, я не слыхал, а вот про рабочих да про бедных людей рассказывал — мне даже пондравилось. Хорошо говорил, умный, видать, человек.

— Умный? — атаман говорил уже сердитым тоном, веселость с него как рукой сняло. — Ничего ты, старик, не понимаешь! Они, эти умные, на словах-то, как на гусях, жизнь райскую сулят людям, а на деле того и гляди оглоблей в рот заедут! За такие слова, што ты мне тут наговорил, знаешь што бывает? Али в большевики записался, старый хрыч!

— Ты меня не пужай! — взъярился дед, донельзя разобиженный словами атамана. — Я не из боязливых, а хоть худой да казак забайкальский, четыре года отслужил верой-правдой царю батюшке! Два сына в дружине ходют, а ты меня большевиком обозвал! Сам ты, хлеб-соль, не слушай¹, большевик окаянный Не глянется, што я правду сказал про Дятлова? Ишь навалился дружков своих выгораживать!

---

¹ В Забайкалье с большим уважением относились к хлебу, даже говорить непристойные Слова воздерживались, если на столе лежит хлеб. А если приходилось ругаться, то оговаривались: «Хлеб-соль, не слушай».

— Хватит! Указчик нашелся! Все-то командовать зачнете, исполнять будет некому. Ступай исполняй, как приказано!

— Нет уж, как не было правды, так ее и не будет вовек, по всему видать, — махнув рукой, дед поднялся со скамьи, направился к выходу, ворча себе под нос. — Жизнь подошла проклятая, слова никому не скажи!

Выйдя в улицу, Федот дал волю языку:

— Ишь разорался, стервуга рыжая. Не на таковского нарвался, не таких видал, да редко мигал. Вот назло ему возьму и назначу Овчинникова взамен Ромахи и Дятлова то же самое! Нечего им потакать!

В то же время атаман ругал Федота, меряя ногами комнату. Очень уж досадил ему старик неуместным рассказом про Димова.

— Крыса седая, прихвостень большевицкий. В станицу бы его старого черта! Не охота связываться, греха лишнего брать на душу, а надо бы проучить, чтоб не болтал, чего не следует.

Высокое, безоблачное небо голубело над станицей. Жаркий начинался день, опустели широкие елани, на черных полосах свежей пахоты одиноко торчали покинутые пахарями плуги. Распряженные быки и лошади сбасались от жары и овода в зарослях тальника возле речки. На полевых станах дымили костры, возле чаевали хлебопашцы. Все они после чая забьются в палатки, берестяные балки и под телеги, чтобы отоспаться, пока не спадет полуденный зной. Все живое попряталось от жары, все вокруг словно вымерло, затихло. Лишь в поселке Покровском необычное оживление: по главной улице с песнями проходил Первый Забайкальский казачий полк. Посмотреть на казаков сбегались со всего села девки, бабы, старики. Казаки в полку на подбор молодые, боевые, обмундирование на всех одинаковое: гимнастерки цвета хаки и такие же брюки с лампасами. Сотня за сотней стройными рядами шли они, колыхая пиками, подмигивая молодухам.

Не в ладах с революцией были казаки Чалбучинской станицы. Из всех ее пяти сел не более десятка человек ушло к красным, все остальные служили в номерных белогвардейских полках, батареях и в станичной дружине. Поэтому и отношение сельчан к первому полку самое доброжелательное: девки улыбаются казакам, бросают им цветы, старики одобительно кивают головами, судачат промеж себя.

— Вот это по-олк!

— Казачки подобрались один к одному.

— На этих даже смотреть радостно: форма на всех одинаковая, и пики у них, и кони в сотнях по мастям, завьючены как полагается, и казаки молодец к молодцу, сердце радуется! А то вон, как проходил наместни четырнадцатый полк, — помнишь, сват? Я как глянул на них, за голову схватился: не казаки, а сброд какой-то, одеты все по-разному, погоны у кого желтые, у кого красные, не поймешь, навроде казак, а погоны на нем малиновые, адали в пехоте.

— Это же действительной службы казаки. Эти, брат, как одного гнезда собаки, дружные.

— Да, уж от этих пощады не будет красюкам!

— Теперича держись, комиссары!

По-иному заговорили старики, когда следом за полком показалась конно-горная батарея, прислуга которой состояла сплошь из широкоскулых, плосколицых харчон. Очень уж плохими делами прославились харчоны даже в тех станицах, что были настроены враждебно к красным партизанам. И здешние старики отзывались о пришельцах недружелюбно:

— Этих-то зачем напринали в батарею, што им казаков наших не стало?!

— Ишь, хари-то какие, разбойные, кирпича просят.

— Зверюги, как расскажут про них, грабители.

— Жалко, полк-то не остановился у нас. В Горбуновой, говорят, заночует.

— И наших казаков в этом полку пятеро служит.

— Двоих я видел: Сеньку Фанова да Яшку Михалева. Даже поговорил с ними, отпросились они на день своих попроведать.

— То-то я видел, к атаману один заехал на вороном коне, должно быть, зять его.

— Он самый, Мишка Ушаков, обрадует Маринку.

Глава IV

Шумно было в этот день и весело в просторном доме поселкового атамана. Сегодня у него радость — хоть на один денек да заехал зять Мишка. По этому случаю и устроил Филат гулянку. На столах у него и вареного, и жареного полным-полно, есть чего и выпить, и закусить. Гости на подбор самые зажиточные, степенные бородачи, почти все они в старомодных мундирах и сюртуках, шаровары с напуском, на груди медали, кресты, цепочки от часов. На бабах сатиновые кофты, юбки в пять полос, кашемировые платки, на ногах полусапожки с резинками.

Среди гостей выделяется могучей фигурой пегобородый, бровастый Поликарп Дятлов. На широченной груди его блестит георгиевский крест и две медали — память о русско-японской войне.

Гости уже порядком охмелели, развязали языки, затараторили бабы, и только зычный бас Поликарпа перекрыл весь этот гомон.

— Кум Филат, — басил он, раззявя зубастую пасть, — с гостем тебя!

— С госте-ем! — подхватили сразу несколько голосов, чокаясь, стаканами.

— Здоровья ему дай бог!

— Домой возвратиться подобру-поздорову!

— Да варнаков-то этих, красюков, изничтожить скорейча!

— Спасибо, гостюшки дорогие, — раскланивался Филат. Проходя вдоль столов, он усердно подливал в опорожненные рюмки и стаканы.

— Михайло Матвейч, служивый, — тормозил Мишку сидевший слева от него бородач с желтыми петлицами на отворотах сюртука, с двумя рядами светлых орленых пуговиц, — скоро войну-то прикончите?

— Скоро, — мотал в ответ чубатой головой Мишка.

В новеньком японском мундире с погонами защитного цвета, сидел он в переднем углу и глаз не сводил с открытой двери на кухню, где хлопотали около печки две стряпухи и с ними его Маринка. Михаилу эта гулянка как кость в горле. Ему бы этот день с Маринкой побыть наедине, а тестю захотелось гульнуть, и Мишка не смог настоять на своем. Утешало его лишь то, что пиршество в их доме продлится недолго: кто-то из гулеванов пригласит всю компанию к себе, и пойдут они из дома в дом, пока не обгостят всех участников гулянки. Так оно и получилось, первым заявил об этом Поликарп Дятлов:

— А теперича, ко мне милости прошу, — зарокотал он пьяным басом, поднимаясь из-за стола. — Ко мне, господа хорошие.

— Нет уж дозволю, Поликарп Митрич, — запротестовал один из

гостей. — Как же это к тебе пойдем мимо моего дома? Рази это порядок? Уж не обижайте меня, гостюшки дорогие, а поначалу ко мне пожалуйте!

— К тебе, дак к тебе, — согласился Поликарп. — Пошли-и!

Гости одобрительно зашумели, выходя из-за столов, благодарили хозяев за угощение, потянулись к выходу. Филат, по обязанности хозяина, от большой выпивки воздерживался, на ногах держался крепко. Провожая его, Мишка сказал:

— Вы идите с мамашей, а мы с Маринкой управимся тут, по-дойдем.

— Миша, казачок ты мой дорогой, — расчувствовался начавший хмелеть Филат. — Как ты, доволен гулянкой, а?

— Доволен, доволен, спасибо!

— Ну я пошел, не задерживайтесь тут, не ломайте компанию!

— Придем, — заверил Мишка, помогая тестю сойти с высокого крыльца, а сам в это время думал: «Приду я к вам, черта лысого! Ишь обрадовались казаку семеновскому, а вот что вы запоете, когда заявлюсь к вам без погонов да с краской звездой на фуражке? Небось, на гулянку-то вас не потянет тогда!»

Михаил не только знал о существовании в полку заговорщицкой организации, но и был одним из ее участников. В этой организации, созданной покойным Раздобреевым, насчитывалось около тридцати заговорщиков, руководил ими боевой фронтовик урядник Илья Стрельников, ближайшими помощниками которого были вахмистр 5-й сотни Писменов и фельдшер Васильев. Заговорщики распространяли среди казаков большевистские листовки, воззвания, подговаривали их переходить на сторону красных. По этой причине Мишке и отпуск дали всего на один день. Отпуская его, Писменов наказывал:

— Не вздумай задержаться, здесь события назревают важные, и нам теперь не до отпусков.

— Неужто скоро?

— Ждем сигнала. Человека туда послали для связи, понятно?

— Понятно.

— Тем ребятам, какие с тобой тут останутся, не проболтайся под пьяную руку!

— Да ты што? Сроду я не напивался.

— То-то.

Однако уехать из села на следующий день не удалось Мишке, подвели сослуживцы-односельчане, набралось их четверо, и всем так же, как и Мишке, родственники устроили на радостях гулянки, которые продолжались и весь следующий день. Напрасно Михаил пытался отвлечь их от пьянства, уговаривал ехать скорее в полк, казаки и слушать не хотели, стояли на своем:

— Брось ты, Мишка, чего торопишься-то?

— День-то, два и просрочим, так какая беда.

— В кои веки с родными увиделись, да не гульнуть?

И Михаил, скрепя сердце, махнул рукой и поневоле согласился. «Черт с ними, пусть гульнут еще денек, да и я побуду с Маришей! От Писменова отговорюсь как-нибудь».

Глава V

Не задерживаясь в Нерчинском Заводе, центральном селе 4-го военного отдела, первый полк проследовал в направлении долины Урова и в селе Грязная Зерентуевской станицы остановился на отдых.

Туда же на третий день своего отпуска прибыли Мишка и четверо его друзей.

День близился к вечеру, когда они въезжали в село, до отказа заполненное казаками. Куда бы ни глянул Мишка, везде он видел казаков, кое-где оседланных коней. На площади, посреди села, рядом выстроились зеленые походные двуколки, зарядные ящики и три горных орудия, возле которых в струнку вытянулся часовой, широкоскулый, колченогий харчон в японском мундире и с обнаженной шашкой, прижатой к плечу.

Казаки шагом проехали мимо батареи, свернули в следующую улицу, и тут Михаил увидел шагающего им навстречу вахмистра Писменова.

«Вот тебя-то мне и надо», — подумал Михаил и, рысью подъехав к нему, придержал коня, правую руку кинул под козырек фуражки.

— Здравия желаю, господин вахмистр, честь имею явиться!

Вахмистр, молодцеватого вида, кареглазый, с таким же, как у Мишки, черным чубом и лихо подкрученными кончиками усов, ответно козырнул, перевел взгляд на казаков:

— Вы, ребята, езжайте в сотню. Вон мы расположились, с того краю улицы, устраивайтесь на постой. А к тебе, Ушаков, разговор у меня есть.

Казаки отъехали, Мишка спешился и с конем в поводу отошел за вахмистром к дощатому забору.

— Ну? — спросил он, глядя в построжавшее лицо вахмистра. — Ругать будешь?

— Дрыном бы тебя хорошим, дрыном, — не повышая голоса, ответил вахмистр. — Тут такое дело заворачивается, а ты там с бабой валандался.

— Да не виноват я, Николай Николаич, сотенщики мои подвели, сволочи, я как ни бился...

— Ладно, — перебил вахмистр, — оправдываться потом будешь, а сейчас слушай: переворот учинить решили здесь, в эту ночь, понял?

— Чего не понять-то? Ясно как день. Только не рано ли?

— Ничего не рано, мы тут... ну, одним словом, так порешили, — и явно чего-то не договаривая, вахмистр устремил на Мишку пристальный взгляд.

— Ты говори толком, чего мямлишь? — взъелся Мишка, догадываясь, что Писменов что-то от него утаивает.

— Спросить хочу, не трусишь, когда до дела дойдет? С офицерами-то мы нянчиться не будем.

— Ты какой-то чудной сегодня! Чего ты плетешь?

— Скажу начистоту: на собрании вечером товарищи засумлевались что-то насчет того, что с чистой ли ты душой идешь с нами?

— С чего это им взбрело в башку такое?

— Когда шли через ваш поселок, ребята наши видели, как тебя там встречали. Дознались, что хозяйство у тебя большое, дом такой... одним словом, первейший в своем селе богач! Как же мы можем... Дело-то вишь какое...

— Вот оно што! — расхохотался Мишка, — всю жизнь в работниках! Вырос в чужих людях, ох и чудаки! Дом-то тестя моего, а я у него тоже почти что в работниках состоял! — И тут Мишка коротко рассказал вахмистру о том, как он очутился в богатом доме поселкового атамана.

— Ну, тогда другое дело, — заулыбался Писменов, — а почему переворот решили в эту ночь совершить, момент подошел подходящий. Сам Журавлев будет неподалеку отсюда, с третьим полком ихним,

каким сослуживец мой — Мишка Швецов командует, в случае какой заминки, они подойдут к нам на выручку. Но зачем сами, задача такая: штаб захватить, офицеров к ногтю, захватить батарею, пулеметную команду, казаков, какие супротив нас пойдут, разоружить.

— Вот так бы и рассказал сразу, а то ишо засумлевался чего-то? Будто первый раз меня увидел, про Даурский-то фронт забыл? Вместе были, в одной сотне.

— Знаю, Миша, кабы не знал, так стал бы я с тобой растабаривать! Так вот увяжись с Золотаревым Василием, он будет за старшего, крой к нему.

В то время как Михаил устраивался на постой, расседывал коня, через два дома от его квартиры, два казака точили топоры, в хозяйском сарае. Большое из нерчинского камня, круглое точило вертел за железную ручку Григорий Баранов. Точило тяжелое, величиною с переднее колесо, с бурого от натуги лица Григория градом катился пот, даже гимнастерка его взмокла, потемнела под мышками и между лопатками вдоль спины. А могутный, широкоплечий Золотарев все крепче нажимал на широкий плотницкий топор, по лезвию которого стекала желтоватая струйка воды в корыто под точилом. За этим занятием и застал их Михаил.

— Вы что это, по дрова ехать налаживаеетесь? — пошутил он, приветствуя односотенцев.

— По дрова, — хмуро улыбаясь, ответил Золотарев и, пробуя пальцем лезвие, спросил: «Писменова видел?»

— Сейчас от него. К тебе послал, под твою команду приказал поступить.

— То-то. Четверо нас пойдет. Григорий вот с нами, Трошка Гловтов. Выпало нам троих офицеров угробить.

— Нашей сотни?

— Ну да, есаула Миронова, сотника Квятковского и хорунжего Мальцева. Все трое как раз в одном доме поселились, там и наведем им решку. Хватит им над нами издеваться да мирных жителей расстреливать. В Аргунске-то расстрелял Миронов двоих, помнишь.

— Помню. Да в одном ли Аргунске, и расстреливали людей, и дома сжигали, всякого было вдоволь. Ну, а других офицеров то же самое?

— Да нет, какие из них не злодеи были оставим в живых. К примеру, сотника Климова, хорунжего Гаркуша, этих не тронем.

— Та-ак, а топоры-то к чему точите?

— Для этого самого и точим, — и на изумленный взгляд Мишки, он пояснил, — решили без шума, холодным оружием действовать. Вот мы топорами их гадов.

— Да вы што, ополоумели? — переводя возмущенный взгляд с одного на другого, упавшим голосом еле выговорил Мишка. — В мясники заделались, шашки-то у вас на што?

— Чего ты забоялся-то, — вскипел в свою очередь Золотарев. — Шашки! Сами знаем для чего они, да беда-то в том, что рубить ими несподручно будет в избе, понял? Вот почему и берем топоры. Так что остынь, не горячись, а лучше закурим твоего, да смени вон Григорья, поверти точило.

— Хватит уж, — возразил Баранов, свертывая самокрутку. — Ты што обтесывать офицеров-то собрался? Али под фуганок их подгонять?

— Неправильно это, не по-казачьи, — Михаил хотя и закурил, и говорил уже спокойнее, но продолжал стоять на своем. — Вы там как хотите, а я так не согласен, шашкой буду орудовать, ежели придется. Шашкой!

Глава VI

Михаил засветло оседлал коня, привязал его к телеге с травой, накошенной в огороде, и, подождав, когда стемнеет, отправился к Золотареву. Там его уже поджидали Золотарев и двое других заговорщиков: Баранов и Трофим Глотов — небольшого роста, крепко сложенный казак Курльчинской станицы. Все трое молча сидели на бревенчатом предамбарье, курили; тут же в ограде хрустели прошлогодним сеном оседланные кони их, привязанные к пряслу.

Хозяева в доме уже спали, в сон погрузился притихший поселок, даже собаки не тьякали, лишь откуда-то издали доносился еле слышный шумок водяной мельницы.

— Я не опоздал, — спросил Михаил Золотарева, присаживаясь с ним рядом.

— Да нет еще не опоздал, — чутко прислушиваясь к чему-то, тихонько ответил Золотарев. — Сигнал ждем, как прокукует кукушка, тогда и двинемся.

— Ночи-то короткие, не опоздать бы.

— Ничего-о, к утру-то спать крепче будут.

Больше Михаил не расспрашивал, задумавшись, надолго замолчал. Противоречивые мысли роились в голове Михаила, он не возражал против расправы с офицерами, особенно такими, как сотник Квятковский, перешедший в полк из карательного отряда, где он принимал участие в расстрелах, порках мирных жителей. Под стать Квятковскому был и есаул Миронов. Один из казаков Онон-Борзинской станицы уверял, что Миронов был в числе тех карателей, которые расстреливали людей в Курунзулае, жгли их дома. Михаил понимал, что оставлять в живых этих злодеев нельзя, и все-таки простецкую душу Мишки терзали сомнения: «Ох, неправильно, однако, мы поступаем, — думал он, навалиясь грудью на шашку, — уж лучше бы арестовать их и судить. А там уж ежели кому присудят расстрел, значить, так ему и надо!» Он уже хотел поделиться этими мыслями с Золотаревым, но в это время на северной окраине села пять раз кряду прокуковала кукушка! В ответ ей на другом конце села трижды пропел петух.

— Вот он сигнал, идемте, — поднявшись с предамбарья, приказал Золотарев.

Идти пришлось недолго. Новый под тесовой крышей дом, где помещались офицеры, находился неподалеку. Войдя в ограду, заговорщики остановились у высокого крыльца. Золотарев, снимая с себя винтовку, шепнул Баранову:

— Оставайся здесь, оружие наше карауль и наблюдай, если кто из них в окно выскочит, руби его насмерть.

— А ежели в окно выскочит, которое в улицу?

— Если не догонишь, стреляй.

— Понятно, — мотнул головой Баранов, пробуя, легко ли вынимается из ножен шашка.

Золотарев даже шашку с себя снял, прислонил ее к стене. То же самое проделал и Глотов. Оба они с топорами в руках поднялись на крыльцо, следом за ними и Мишка.

Золотарев трижды стукнул кулаком в сенную дверь, в доме скрипнула половица, в сених послышались шаги, робкий голос за дверью:

— Кто там?

— Свои, с пакетом из летучей почты, — условленным паролем ответил Золотарев.

Дверь открыл вестовой Миронова Суровцев, с зажженной лампой в руке. Он еще не спал в ожидании заговорщиков, но, очевидно, стру-

сил в последнюю минуту. Михаил видел, как в руке его мелко дрожала лампа.

— Спят, — сообщил он и зачастил полушепотом, — распянехоньки, бутылку коньяку выпили вечером, за картами меня посылали, а я за воротами постоял.

— Ладно, — не слушая, перебил Золотарев, — веди к ним.

Спертый воздух комнаты, где спали офицеры, пропитан устоявшимся винным запахом и табачным дымом. Посреди комнаты стол, на нем две пустые бутылки, стаканы, блюдец с окурками, пачка сигарет и наган без кобуры. Все это увидел Михаил при свете лампы, которую бледный как мел вестовой держал выше головы; пропуская вперед заговорщиков, он сам прижался к стене.

Хищно ощерившись, Золотарев перекинул топор в правую руку, шагнул к кровати, где густо храпел есаул.

— А ну, вставай, вражина! Получай гад! — и, сдернув со спящего одеяло, Золотарев, как, рубанул его по голове.

Михаил успел еще увидеть, как Готов поднял топор на Квятковского, но, видно, не сразу зарубил его; сотник, защищаясь, загромождавая руками, заорал во все горло. Готов ударил его вторично. Крик сотника и грохот упавшего со скамьи цветочного горшка разбудили хорунжего Мальцева. Михаил левой рукой ухватил со стола наган, замахнулся на хорунжего шашкой, но тот, миг сообразивший, в чем дело, кошкой сорвался с постели и, кинувшись на Мишку, ударил его головой в грудь. Падая навзничь, Мишка в упор выстрелил хорунжему в грудь.

Когда Михаил поднялся с пола, все три офицера лежали мертвые, в лужах крови. Готов, тяжело опустившись на стул, поднял с полу чайник с водой и пил прямо из носка, стуча по нему зубами. Насмерть перепуганный Суровцев, словно застыл у двери с лампой в руке.

— Ты что наделал! — напустился на Мишку Золотарев, большой, страшный, с окровавленным топором в руках. — Слышишь, что в улице-то поднялось. А все из-за тебя, дураком непутевый!

Только теперь до слуха Михаила донесся с улицы шум, конский топот, ружейная стрельба.

— Я ж нечаянно, — начал было Михаил; Золотарев только рукой махнул и, бросив топор под стол, метнулся вон из комнаты, следом за ним Готов и Мишка, на ходу кинув шашку в ножны.

На дворе уже совсем рассвело, по улицам металась конная, пешие казаки, беспорядочно хлопали выстрелы. Более усиленная стрельба доносилась с южной окраины села; тяжело бухали залпы, прерывистым лаем захлебывались пулеметы. Там сопротивление повстанцам оказала шестая сотня, сплошь состоявшая из дружинников! К ним присоединились два взвода из пятой, несколько уцелевших офицеров из других сотен и половина пулеметной команды, захватившая с собой пулемет «максим». Всем им удалось выбраться из села и умчаться по дороге на Нерчинский Завод.

Золотарев напрасно ругал Михаила, не по его вине в селе поднялась тревога. Как выяснилось позднее, произошла она так: заговорщики, без шума сняв часовых, овладели батареей, перебив офицеров, захватили штаб, а войскового старшину Чипизубова решили взять живьем. Стрельников с группой казаков был уже в ограде дома, где квартировал Чипизубов, как в селе поднялась суматоха: в шестой сотне взвела сигнальная труба, в разных местах захопала выстрелы! Вбежавший на крыльцо Стрельников и в дверь постучать не успел, как из дома в шинели, накинутой на плечи, с наганом в руке вышел сам Чипизубов.

— Что за шум? — только и успел он спросить. Стрельников облапил его сзади за руки, и тут случилось непоправимое: один из казаков вскинул винтовку и с одного выстрела уложил насмерть обоих — офицера и Стрельникова. Казаки на руки подняли Стрельникова, понесли в околосок и не донесли. Организатор переворота Илья Стрельников, которого намечали в командиры полка, скончался на руках казаков, не приходя в сознание.

К восходу солнца все было закончено, затихла стрельба. В селе задымили трубы, в улицах, оправившись от испуга, стали появляться жители. Вздуродраженные происшедшим, казаки разъезжались по сотням, обрывая погоны, прикалывая алые ленты — кто на грудь гимнастерки, на рукав, на фуражку взамен оторванной кокарды.

В 3-й сотне, где служил Михаил, не выбыло из строя ни одного человека. Все они, привыкшие к боевой готовности, заняли привычные места в шеренгах, выравняли ряды. Перед слитным строем их гарцевал на вороном офицерском коне урядник Чупров. Писменов назначил его временно командовать сотней.

— Сотня-я, слушать мою команду! — несказанно польщенный оказанным ему доверием, он, пряча в усах довольную улыбку, сдерживал затанцевавшего под ним Воронка, держал к казакам речь: — Товарищи! Как мы теперь, значить, не беляки-семеновцы, а сознательные красные казаки революционной армии. А поэтому все прежние погоны, кокарды и всяки там чины, звания отменяем начисто. Командиры у нас будут выборные, называть их будем просто: товарищ командир полка, командир эскадрона и так далее. Командиром полка у нас сейчас товарищ Писменов, от его приказ: выступить сейчас же и следовать на Уров, где нас ждут наши товарищи красногвардейцы и, значить, товарищ Журавлев. По дороге, значить, остановку сделаем, митинг проведем, чтобы командиров утвердить, а какие, значить, не по душе нам, то и новых изберем, понятно? Вопросы будут? Нет, тогда выступаем, — и, приподнимаясь на стременах, по-командирски зычно повысил голос: — Сотня, смирно-о! Справа по три, за мной, ма-арш!

На луговине за поскотиной остановка в ожидании, пока подойдут другие эскадроны; казаки по команде «вольно» спешили, сбиваясь кучками, занялись разговорами, куревом. В это время мимо них, в окружении конного конвоя, гнали арестованных харчунов батарейцев. Казаки люто их ненавидели за мародерство и жестокие расправы с населением. Поэтому-то теперь, глядя на понурые, с опущенными головами фигуры семеновских наймитов, никто не пожалел их, не сказал доброго слова о них, хотя все понимали, что суд будет скорый и беспощадный. Лишь один из казаков проговорил со вздохом:

— Это куда же их? Неужто на расстрел?

В ответ послышались негодующие голоса:

— А чего же, в зуб им смотреть?

— Хватит им тиранить да грабить мирных жителей!

— В Доно-то что они вытворяли, казнители проклятые. Палачи, с желаньем шли расстреливать да пороть стариков тамошних!

— Ишь хари-то какие, разбойные!

Вскоре раздалась команда «По коням!» — и полк, эскадрон за эскадронам, двинулся в поход. Когда выехали за поскотину, Михаил вновь увидел арестованных, колонна их маячила далеко впереди, там, где дорога полого поднималась в гору. Но вот все они свернули с дороги влево и, в ту же минуту, над толпой, словно короткие вспышки молний, засверкали клинки! Понял Михаил: суд над белыми наймитами свершился, и казаки, не желая тратить патроны, рубят их шашками.

Полк проходил тем же проселком, мимо порубленных харчонов. Все они, двадцать восемь человек, лежали неподалеку от дороги, истекшая кровью.

А день разгорался такой чудесный; так ласково пригревало солнышко; с голубого, без единого облачка, неба серебристую трель сыпали жаворонки! Такой же, как небо, голубел по обе стороны острец, искусно расцветенный желтыми маками и розовыми гребешками дикого клевера. Все вокруг цело, благоухало, и диким казалось, что здесь, среди этой прелести, только что разыгралась кровавая бойня. Казаки, вопреки своим обычаям, даже не раздели порубленных ими батарейцев, так и лежали они в новехоньком обмундировании, алая лампасами и погонами на залитых кровью гимнастерках. Конь Михаила, чуя кровь, тряс головой, фыркал, прядал ушами. Казаки, глядя на трупы, перекидывались словами:

— Не могли уж подалее от дороги-то!

— Ничего-о, пусть другие глядят да казнятся!

— А лампасы-то, как у всамделишных батарейцев, казачьих, красивые!

— Семенов-то в казаки их произвел!

— Чего же одежду-то не снимали с них?

Ближе других к дороге лежал бритоголовый харчон, он был еще живой, лежа ничком, скреб руками землю, хрипло бормотал что-то, из разрубленного плеча его струилась кровь. Глянув на него, Михаил не вытерпел, сорвал с плеча карабин и, не спрашиваясь у взводного с ходу, двумя выстрелами прекратил мученья умирающего бандита. Никто не упрекнул Мишку; взводный лишь оглянулся на выстрелы, погрозил ему кулаком.

Полк остановился недалеко от места казни. Здесь решили провести первое полковое собрание, на котором избрать новых командиров, обсудить план дальнейших действий. Спешенные казаки расседанных коней пустили пагасить, сгрудились вокруг зеленой полковой тачанки, которую вмиг приспособили под трибуну. К ней уже приспособили полковое знамя, на алом полотнище которого еще ничего не было написано.

В это время из села полным галопом мчался всадник на коне темной масти. Сначала на него никто не обратил внимания, полагая, что это один из отставших от полка казаков, и только, когда тот подскакал ближе, узнали в нем офицера! Раздались удивленные голоса:

— Ведь это офицер, братцы!

— Куда же его черт гонит?

— Жизнь ему надоела, что ли?

— Может, проспал, не слыхал, как мы перевернулись. Вот и спешит к своим?

— Товарищи, ведь это Гаркуш!

— Точно, он самый, хорунжий Гаркуш!

— Судить его, сам напрашивается.

Казаки, дивясь смелости офицера, расступились, пропуская его к трибуне, на которую только что поднялся Писменов и еще двое из организаторов переворота. Гаркуш как был в офицерском обмундировании, так и прибыл с наганом на боку, при шашке и даже погонов не снял с гимнастерки, лишь на фуражке его не было уже кокарды. Худошавое, обрамленное черной бородкой, лицо офицера не выражало и тени страха, казалось даже, что улыбочивые, карие глаза его светились радостью. Еще больше удивились казаки, когда Писменов, дружески улыбаясь, приветствовал офицера пожатием руки и ему первому предоставил слово!

— Товарищи, — громко, чтобы все слышали, начал он, держась правой рукой за древко знамени. — Я не офицер, как вы полагаете, а бывший политкаторжанин, большевик!..

Шум, рокот удивленных голосов, всколыхнул тишину:

— Большевик, сильнокаторжный!..

— Вот это да-а, мать твою!

— А мы-то думали!..

— То-то был он не такой, как другие прочие.

— Может, врет, пушку залиёт нам.

— Проверить надо ладом!

— Тише, товарищи, тише! — потрясая руками, призывал к порядку Писменов. — Чего вы загомонили все враз! Дайте досказать товарищу Чугуевскому! Да, да, Чугуевскому, я сам это подтверждаю. Тише! Продолжай, товарищ Чугуевский.

— Товарищи, я ничуть не обижаюсь, что вы усомнились в правдивости моих слов. Так оно и должно быть. Мы с вами должны быть бдительны и никому не верить на слово, так учит нашу партию товарищ Ленин!

И снова шум, выкрики, одобрительные голоса:

— Верно-о!

— Продолжай давай! Просим!

— В какой тюрьме-то отбывал?

— Тихо, товарищи, тихо, — теперь и сам Чугуевский просил тишины. — Товарищ Писменов назвал вам мою фамилию! Правильно, я не Гаркуш, а Чугуевский Андрей Ефимович, из казаков Догьинской станицы. В партию большевиков вступил на царской каторге, которую отбывал за соучастие в убийстве зверюги офицера Токмакова, шесть лет провел в Горно-Зерентуевской тюрьме. К вам в Первый Забайкальский полк меня послал читинский комитет партии большевиков, чтобы донести до вас призывы нашей партии, ленинские слова правды о том, против кого вам следует повернуть оружие. В условиях строжайшей конспирации, особенно после ареста, всем вам известного товарища Раздобреева, я не мог бывать на тайных собраниях нашей организации, лишь изредка встречался с товарищами, чаще всего с товарищем Стрельниковым, так нелепо погибшим сегодня, в день нашей победы. Почти же его память минутой молчания.

Казаки обнажили головы, замерли, как в строю, по команде «мирно». И такая наступила тишина, что стало слышно, как в траве близ дороги стрекочут кузнечики, а в голубой выси щебечут жаворонки. Кончилась скорбная минута, и снова заговорил Чугуевский.

— Сегодня вы, дорогие товарищи, совершили большое дело, перешли на сторону восставшего народа, — продолжал Чугуевский, все также придерживая правой рукой древко знамени. — Я счастлив бесконечно, что в этом есть и доля моего участия! Это могут подтвердить товарищи Писменов, Васильев и другие наши соучастники.

— Верно, — Писменов даже руку поднял кверху, как бы клятвенно заверяя правдивость сказанного Чугуевским.

— Истинная правда, — подтвердил Васильев. — Мы и книги запретные получали от хорунжего, то есть, от товарища Чугуевского. И всякие там другие указания.

— Переходим ко второму вопросу, — объявил Писменов. — Теперь нам надо командира полка избрать. И я так думаю: все вы слышали, кто такой есть дорогой наш товарищ Чугуевский, и это совершенная правда. Так вот, поскольку товарищ Чугуевский большевик идейный, к тому же он бывший офицер, значить, и в военном деле может руководить, а потому вся статья ему быть нашим командиром!

Новым гулом восторженных голосов взорвался казачий митинг, и, когда дело дошло до голосования, все дружно подняли руки за нового командира. Затем утвердили командиров эскадронов. Заминка произошла с прислугой батареи, батарейцев среди казаков не оказалось; кое-как набрали ездовых, за командира временно назначили Золотарева.

Жаркий летний день перевалил на вторую половину, когда полк и конно-горная батарея под общей командой Чугуевского вышли в долину Урова и вброд перешли небольшую, сильно обмелевшую в этом году реку.

Уров, являясь левым притоком многоводной пограничной Аргуни, в Забайкалье прославился тем, что жители сел, расположенных в его горнотаежной долине, издавна подвержены ревматической болезни. У них сильно утолщались суставы ног и рук, у иных выростали зобы, и люди становились калеками на всю жизнь. Возникновение этой болезни приписывали светлой, на вкус приятной воде Урова, поэтому и болезнь называли «уровской».

Калечил Уров, сильно калечил людей, и все-таки никто из них не соглашался переселиться в другой район! Очень уж богата уровская долина всем, что нужно для жизни человека: необозримая тайга, где полным-полно всякого зверя, совсем рядом — раздолье для охоты; в достатке плодородной земли, богаты травой пастбища и сенокосные угодья, а сам Уров богат рыбой! Все это и прельщало местных жителей, к уродующей же их болезни они привыкли, к тому же уровских казаков и на военную службу не брали. А это уж расценивалось как благо. Вот в такое-то село на Урове и прибыл восставший против белых генералов казачий полк.

Радостным был этот день и для партизан третьего кавалерийского полка, которым посчастливилось первыми встретить и приветствовать казаков-повстанцев. В минувшую ночь полк в полной боевой готовности выступил из села и до утра находился на полпути к Грязной, чтобы в случае надобности прийти на помощь повстанцам. Только утром, когда получили сообщение, что переворот свершился, вернулись в село. В штабе бодрствовали ночью Журавлев и его боевые товарищи. Теперь все они с нетерпением ожидали прибытия казаков, будущих своих соратников. За околицей вдоль дороги выстроились спешенные партизаны 3-го кавполка.

А через дорогу от строя партизан зеленую лужайку расцветили пестрые толпы сельчан: молодежь, как водится, тешилась играми, танцами под гармошку; старики, собираясь кучками, дымили табаком, судачили:

— Целый полк, да ишо и батарея в придачу! Это не хухлы-мухлы!

— Ни единой пушки не было у наших и, на тебе, батарея!

— Вот бы и другие-то полки ихние так же поступили! Оно бы и войне конец!

— Пойдут и другие, перевертываться зачнут! Лиха беда — начало!

Полк новых повстанцев шел, как и положено, походным порядком. Пики казаки после переворота подавали в обоз, оставили по одной на сотню, и еще одну, на которой теперь впереди полка реяло алое знамя.

Когда передовой разъезд, а за тем и головная сотня показались из-за пригорка, заросшего густым боярышником, партизаны в строю задвигались, выравнивая ряды; напротив них шпалерами кучились вдоль дороги толпы сельчан.

Полк повстанцев, не доехав до строя партизан полсотни шагов,

остановился. Партизанский командир Швецов громовым голосом командовал: «Полк смирно-о-о! Равнение направо» — И сам, повернув голову в сторону повстанцев, приложил руку к фуражке. Журавлев, Бородин и Плясов пошли к ним навстречу. Приветствуя командующего фронтом и его соратников, Чугуевский отсалютовал им шашкой, сошел с коня. Журавлев обнял его и трижды поцеловал. Затем Журавлев обратился с приветственной речью к казакам, поблагодарил их и закончил речь такими словами:

— Отныне мы вместе с вами будем сражаться до полной победы над силами контрреволюции. И уж недалеко то время, когда на всей земле нашей не будет ни белых, ни интервентов, власть труда воцарится во всей Советской России.

Мощное слитное ура казаков, партизан и жителей села всколыхнуло воздух, эхом покатилося по горам.

В тот же день была укомплектована батарея: нашлись среди партизан артиллеристы, не только ездовые, но и наводчики, заряжающие и все другие номера прислуги. Командиром батареи был назначен Деомид Матафонов. Новый полк получил название Пятого кавалерийского революционного, командиром его приказом по фронту утвердили Андрея Чугуевского!

Глава VII

Золотая осень — такой эпитет вполне подходит к этому времени года в Забайкалье, где много солнечных дней в эту пору. Кончился сенокос, сено сметано в стога и зароды, осиротели островерхие балаганы, косари сменили звонкие литовки свои ка серпы. Страда, все от мала до велика на пашне, с раннего утра и до вечера жнут и жнут без разгиба поспевшие хлеба.

Хороша эта пора в Забайкалье, нет уже того гнуса — комаров, паутов и мелкой «мошкар», что донимали людей во время пахоты и сенокоса! Нет летней жары, солнышко ласково греет, и такое благодатное тепло стоит над полями, что любо-дорого. Однако по ночам уже подмораживает, и пожухлые травы в низинах к утру припудрят пушистым инеем, тоненьким ледком покроются лужицы. В сентябре пожелтеют поля, елани, сопки скинут свой многокрасочный летний наряд. Но осень по-своему украсит кормилицу землю, в золото оденет она поля спелой пшеницы, на склонах сопки заколышется под ветром золотистый ковыль. Золотом покроются и березовые рощи, да еще разукрасят их зелень сосен и яркий багрянец трепетных осин! Нет, не зря забайкальскую осень называют золотой!

Осень 1919 года была особенно хороша: до самого покрова не было ночных заморозков, дни стояли солнечные, теплые! По этой причине и отлет птиц начался позднее обычного, только во второй половине сентября потянулись к югу табуны уток, треугольные косяки гусей, журавлей, белоснежных лебедей. Если бы эти птицы могли рассуждать по-человечески, они немало дивились бы, с высоты своего полета, почему это люди на земле стали все меньше и меньше сеять хлеба? Почему они не спешат с уборкой урожая? Вот и в эту такую благодатную осень на полях виднеются несжатые полосы? Да и возов со снопами куда меньше, чем в былые годы! Не понять залетным гостям, что всему тут виною война; кончилась одна, началась другая, и самые-то боевые хлеборобы воюют, одни в белых, другие в красных. Потому и осыпается зерно на несжатых полосках! Даже старикам не стало покоя, особенно в этот беспокойный год! Мало того, что

в рабочую пору принимай непрошенных гостей, корми их, да еще и вези, куда прикажут! Проклиная все на свете, запрягают старики лошадей, мажут дегтем колеса и, распрощавшись с родными, едут неведомо куда! Им бы снопы возить со своих пашен, а они везут японцев на позиции да ящики со снарядами, с патронами для них же, чтобы этим супостатам было чем стрелять в сыновей и братьев стариков коневозчиков! Тяжко на душе у дедов, темнеют лицом они, глядя на чужеземцев, костерят их на чем свет стоит и все-таки везут! Попробуй-ка не подчинись им, так в момент узнаешь, почему фунт лиха!

В одном из таких обозов ехал на трех лошадях и пантелеевский работник Ермоха. Вообще-то это был редкостный случай, что и Савву Саввича принудили выставить три подводы! Его всегда обходили, ибо гужевая повинность, как и налоги по тем временам были подушными, а какие же годные души у Саввы Саввича? Один сын у него офицер семеновский, ему льгота полагается, другой сын — писарь, главное лицо в поселке, а сам Савва Саввич звание старшего урядника имеет, три лычки заслужил на военной службе, да и человек он влиятельный на всю станицу, поэтому, когда требовали выставить подводы, посыльные проходили мимо пантелеевской усадьбы. Ну, а если у кого-то из «годных душ» всего одна или две лошаденки, то кто же виноват, надо было уметь нажить! Так оно и шло истари, к этому все привыкли и на такую несправедливость не жаловались.

Однако в этот раз с поселка потребовали столько подвод, что пришлось задеть и Савву Саввича. Поселковый атаман, проклиная в душе «господ общественников», избравших его на этот пост в такое тревожное время, самолично отправился к Савве Саввичу и приветствовал его почтительным полупоклоном.

— Мое почтение, Савва Саввич! Как здоровьице?

— Спасибо, бог грехами терпит, — пожав атаману руку, Саввич уперся в него выжидающим взглядом. — Какая нужда ко мне?

— Нужда большая, Савва Саввич. Оно и вести хорошие, слышали небось от Семена Саввича, что наши-то вот-вот наведут краснюкам решку! Из станицы сообщили по секрету, громаднейшую силу на них двинули, хотят давануть разок да так, чтобы и духу поганого не осталось.

— Слышал.

— Все бы хорошо, да подводами-то нас затирали, Савва Саввич! Ден пять тому назад отправил обоз на восемнадцать телегах, и те еще не вернулись, а уж новые требуют! Да ишо впятеро больше! Оно, конечно, дело нужное, сам понимаю, но где их набрать? Вот и пришел к вам, Савва Саввич, просить, из милости. Назначать вас на такое дело я не имею прав, как вы есть человек заслуженный, сын у вас благородного звания и так далее, поэтому уж прошу по-дружески — выручай, Савва Саввич, подвод пять бы, ежели милость на то будет?

— М-да-а, — польщенный в лучших своих чувствах, Саввич разгладил бороду. — Что ж делать, помочь надо и хоть не пять, а трех велью запречь Ермохе. Пускай съездит, раз такое дело.

Так вот и попал Ермоха в подводчики. Ранним утром в день отъезда Савва Саввич, услышав стук колес в ограде, скрип наружных ворот, понял, что это рыжий Никита с двумя подростками — работниками — поехал по снопы. Встать Савве Саввичу было еще рано, но, вспомнив, что Ермоху надо отправить в обоз, чертыхаясь про себя, он поднялся и, наскоро одевшись, вышел на веранду. Солнце еще не взошло, алая заря на востоке отражалась на оконных стеклах зимовья, как румяна на лице бабы-шеголихи. Ермоха уже запряг

лошадей в три телеги, в каждую положил сена и по мешку овса, чтобы в дороге было чем кормить коней.

— Каков мошеник! — сердито проворчал Савва Саввич, остановившись у дверного косяка. — Что ни лучших коней запряг, с-сукин сын, и даже таво... не спросил, можно ли! Волю какую забрал, стервец! Оно, положим, дорога дальняя, на худых-то конях и не суйся, но вить надо же порядок знать, спросить, посоветоваться. Ну подожди у меня, я до тебя доберусь, узнаешь ты у меня кузькину мать!

А Ермоха, уже одетый по-дорожному, еще разок оглядел всю упряжку, вслух рассуждая сам с собой:

— Ну, кажись, все, лагушка с дегтем на месте, топор в натопорне, харчи, шуба... можно ехать. — И, проезжая мимо Саввича, тронул рукой шапку на голове. — Прощай, хозяин, покедова.

— С богом, Ермошенька, в добрый путь!

Он еще хотел что-то сказать старому работнику, но только рукой махнул да закрыл за ним ворота.

На третий день пути антоновские возчики переправились на пароме через Онон, двинулись дальше. Чуть не на версту растянулся обоз. Скрипят тяжело нагруженные телеги, из-под колес клубится пыль, серым облаком висит она над обозом, оседает на потные спины лошадей, на одежду и лица возчиков, припудривает бороды стариков, хрустит на зубах. Пыли этой еще более прибавилось, когда, обгоняя обозников, мимо них проследовал казачий полк. Казаки разных возрастов, на разномастных конях, одетые по-разному: иные в полушубках, другие в шинелях русских, японских, с погонами — какие кому вздумалось пришить. Глядя на них, Ермоха сердито ворчал, обращаясь к шагавшему рядом с ним старику:

— Не поймешь, что это за войско такое? Одеты всяко-разно, погоны на них и желтые казачьи, и красные батарейские, и черные, и малиновые, как у солдат в пешехоте! И так-то на казаков не похожи, а в эдакой одежде и вовсе.

— Какие они казаки, — вздохнул дед и, помолчав, продолжал: — Вот раньше были казачки, на них и смотреть-то было приятно! Бывало выедем на конное занятие, сотня наша в Калге стояла, в летних лагерях, а командиром у нас был сотник Мунгалов...

К вечеру прибыли в большое село с церковью посредине. Остановились на ночлег. Ночевали на дворе, в кругу телег и привязанных к ним распряженных коней, под охраной конвойных солдат. Старики уже привыкли к таким ночевкам, развели костры, наварили чаю, радехонькие и тому, что коней-то сегодня есть чем покормить; привезли им откуда-то два воза пшеничной соломы, оно и не ахти какой, но все-таки корм.

В этот вечер обоз еще более увеличился, телегах на двадцати прибыли новые коневозчики, среди которых Ермоха узнал Демида Голобокова с Верхних Ключей, обрадовался ему как родному, помог распрячь лошадей, задать им корму, а Демида угостил горячим чаем. Потом они долго сидели у костра, разговаривали. Демид поведал Ермохе про свое житье, про мать Егора Ушакова — Платоновну.

— Живет ничего, постарела шибко, осунулась, как услышала, что сказнили Егора-то. Известное дело, мать.

— Конечно, — вздохнул Ермоха, прикуривая от уголька.

Ранним утром старикам приказали запрягать и ехать на площадь к церкви, чтобы там разгрузить телеги. Обрадованные старики, запрягая лошадей, торопились, полагая, что их теперь отпустят восвояси. Однако радость их была преждевременной. Старший обоза — немолодой дружинник в урядничих погонах — объявил, что дальше они

повезут японцев! Старики опешили, на минуту притихли и вдруг, как прорвавший плотину весенний поток, сорвались с места, окружили сидевшего верхом на коне урядника, загомонили все разом:

— Не желаи-им!

— Хватит!

— Сам вези их, растуды твою мать!

— Тише! Ти-ише! — приподнимаясь на стременах и поворачиваясь то в одну, то в другую сторону, орал красный от возбуждения урядник. — Чего вы взбулгачились, чего? Не могу я вас отпустить, приказ такой имею, понятно вам?

— Не желаи-им!

— Домой!

— Катись ты с японцами твоими вместе!

— Да поймите же вы... мать... не замать! Люди вы или нет? — урядник матюгался размахивая нагайкой, потом принимался уговаривать разгневанных стариков: — Русским языком говорю вам, ишо дня два-три и отпустим, смену уж вам заказали! Самое большое, до станицы Новогеоргиевской доберемся и ослободим, обязательно ослободим. Потерпите уж немного-то.

Подумали старики, поругались и разошлись по своим телегам. Ничего не поделаешь, приходится подчиниться, на стороне урядника сила. А сила и солому ломит.

И снова в пути обозники, налегают на гужи замученные лошаденки, скрипят телеги, и все так же серым кисейным пологом колыхается над обозом дорожная пыль.

Японцы все как один малого роста, в одинаковых песочного цвета шинелях, с винтовками в руках и с кинжальными штыками у пояса. Сидели они по четыре, по пять человек в телеге даже в том случае, когда дорога поднималась в гору. Ругаются старики, жестикулируя руками, показывают седокам, что коням тяжело, надо сойти с телеги:

— Твари косорылые, — костерил своих пассажиров Демид Голобоков, концом кнута показывая на взмыленных коней, — ослепли, что ли? Не видите, что коням не под силу везти вас в эдакую гору! Слазьте, ну! Черти вас накачали на нашу голову!

Три японца поняли, сошли с телеги: четвертый остался сидеть, сердито прохрипел: «Русика бурсувика», — и, скосив на Демиду злобно прищуренный взгляд, выразительно похлопал по прикладу винтовки.

Глава VIII

Журавлев со своим штабом по-прежнему находился в Богдате. Он знал, какие силы двинули семеновские генералы, чтобы окружить и зажать в кольцо повстанческую армию красных партизан и уничтожить их. Знал Журавлев и то, какие грузы везут следом за войсками белых их многочисленные обозы. Благодаря сочувственному отношению большинства населения к красным, у него были везде свои глаза и уши! К тому же в руки красных партизан — разведчиков попали оперативные документы белых, в том числе «секретный» приказ главной ставки Семенова генералу Шемелину. Зашифрованные документы белых в партизанском штабе сумели расшифровать, изучить, поэтому Журавлев был в курсе планов и намерений противника. Красные штабисты, отлично понимая, какое у белых огромное превосходство в живой силе и вооружении, ждали приказа Журавлева готовиться к от-

ступлению. Что такой приказ последует, никто не сомневался. В разговорах между собою штабисты высказывали свои предположения:

— Урюмканом отступать будем, не иначе!

— Кто его знает, может, надвое разделимся, какие части Урюмканом пойдут, какие по Урову. Отступать есть куда, тайга и тайга до самой Стрелки¹, верст двести-то с гаком.

— Да, тайга-матушка укроет и прокормит, в случае нужды.

— Окружат беляки пустое место, а мы им с тылу налет за налетом.

— На то она и партизанская война, никакого фронта, налетели, разгромили, обозы забрали и поминай как звали.

— А в случае неустойки брык во все стороны, ищи ветра в поле.

Но с приказом об отступлении Журавлев не спешил. Уединившись у себя в комнате, он что-то долго писал, вычерчивал на листе бумаги, сверял с картами десятиверсток, советовался с Киргизовым и Плясовым. После полутора суток такой работы он вызвал к себе адъютанта Фадеева. Молодцеватого вида, с лихо подкрученными кончиками черных усов, Фадеев пришел к командующему, присел на скамью возле стола:

— Слушаю вас, Павел Николаевич!

— Военный совет надо созвать завтра, часам к двенадцати.

— Созовем, раз надо. Кого пригласить?

— Список дам. А вот это, Иван Ефимович, черновые наброски к плану надо доработать его детально, чтобы часам к десяти утра он у нас был готов. Придется вам приналечь на работенку в эту ночь.

— Сделаем, — Фадеев взял из рук командующего мелко исписанные листки, пробежал начало глазами, и брови его полезли на лоб от удивления. — Что это, в самом деле? Выходит, что отступить-то не будем?

— Не будем, решают дать белым бой!

— Гм, дать бой! Это же... — У Фадеева язык заплетался от удивления и неожиданности такого решения. — Ох, не знаю... против эдакой силищи... Голова идет кругом.

— Ничего, Иван Ефимович, не так уж страшен черт, как его малюют. А бой этот будет иметь для нас решающее значение, и мы должны его выиграть! Дело предстоит большое, но надежда на успех у нас есть, маневры наши на Шилке удались нам! То же самое на участке Куренга—Газимур, так что белым пришлось расчленивать свою армию начетверо. Ну, об этом я завтра доложу на военном совете, ты это увидишь в плане. Садись за работу, а я на хребет съезжу, на позицию будущей обороны.

У Журавлева вошло в привычку своими глазами осматривать места будущих сражений, чтобы эти наблюдения сверить с планом, дополнить его новыми соображениями. Вот и сегодня он в сопровождении конного ординарца выехал из села, чтобы с облюбованной им высоты, господствующей над каменистыми вершинами Богдатского хребта, еще раз осмотреть места предполагаемых боев. Да и голову освежить требовалось Павлу Николаевичу после столь напряженной работы над планами, побыть наедине с природой. Она всегда действовала на него благотворно, вливала в него бодрость духа, новые силы. Тайгу он любил с детских лет, подолгу живал в ней вместе со старыми охотниками, когда уходили белковать в леса Газимура и Талангуя. Такая же тайга и здесь, такая же ухабистая дорога ведет на Богдатский хребет, такой же смолистый запах осенней тайги мешается с пряным душиком

¹ Стрелка — слияние двух рек Аргуни и Шилки, откуда начинается Амур.

опавшей березовой листвы и смородинника. Полной грудью вдыхал этот воздух Павел Николаевич и чувствовал, как спадает с него усталость, светлеет голова. В этот момент ему хотелось отвлечься от фронтowych забот, поговорить о чем-то более человеческом.

— Хорошая пора — осень, товарищ Кочнёв! — заговорил он, глянув на едущего рядом с ним пожилого ординарца. — А воздух-то какой чудесный!

— Пахнет браво, — ответил Кочнев, и, помолчав, продолжал со вздохом: — Мы-то привыкли к тайге с детства, даже и поругиваем ее частенько.

— Ругать тайгу. За что же?

— Места она у нас много занимает. Я с Нижней Вереи, Усть-Уровской станицы. У нас, сами знаете, какая глухомань, чистого места под пашню нету, вот и приходится лес корчевать. А это такая работенка, что силенки требует большой, да и время — лет пять-шесть потрудиться надо, чтобы пашенку небольшую получить! Как же нам ее не ругать, тайгу-то эту.

— Вот как! А все-таки в тайге лучше, чем там, где ее нет?

— Знамо, лучше, и охота у нас хорошая и вообще.

На хребте свернули с проселочной дороги вправо, поехали гуськом: чуть приметная тропинка петляла между толстенными стволами лиственниц и замшелых каменных глыб. Тишина в лесу такая, словно вымерло все вокруг — ни птичьего гомона, ни стука топора. Кони неслышно ступают по мягкому толстому слою опавшей хвои; ею, как шубой, окутана земля. У старой раскидистой березы остановились. Здесь тропинка круто поднималась на круглую, как перевернутая кверху дном чаша, возвышенность. Журавлев спрыгнул с коня, передал повод Кочневу.

— Дождись меня здесь. Понаблюдаю с горы. Не теряйся, если я задержусь.

— Ладно, — буркнул ординарец. — Коней привяжу да костерок разведу, — можно будет?

— Можно.

— Тут и брусники полно, кабы хвоей не завалило ее, в момент набрал бы полную шапку.

Опушенная с трех сторон крупным березняком и листвяком высота, на которую поднялся Журавлев, голым своим скатом опускалась к восточному подножию хребта; словно самой природой она была предназначена для командного пункта. Павел Николаевич сел на большой нагретый солнцем валун, вынул из футляра бинокль. Отсюда ему хорошо было видно уходящую на восток к Урову падь Мотогор, прилегающие к ней большие и малые падушки, отливающие киноварью оголенные березовые рощи, горы, тайгу — по-осеннему хмурую, темную, в реденьких зеленых заплатках сосняка.

Вечерело. Позади Журавлева за хребтом садилось солнце; оза-ренные последними лучами его оранжево пламенели вершины гор левой стороны Мотогора, а самую падь внизу все гуще крыла сумеречная тьма. Павел Николаевич сидел на камне, то вскидывая к глазам бинокль, то делая записи в блокноте.

В Богдаты вернулись уже ночью, и впервые за эту неделю Журавлев не завернул в штаб, проехал к себе на квартиру.

Штаб фронта занимал в Богдаты большой дом бежавшего за границу купца Титова. В доме этом, кроме штабных работников, постоянно толклись люди — дежурные охраны, разведчики, ординарцы, связные из полков. Отсюда днем и ночью рассылались конные посыль-

ные с распоряжениями, приказами по фронту, в ограде всегда торчали оседланные кони.

Начальник разведки Вишняков появился в штабе вечером. В просторном коридоре штаба, куда он зашел, накурено — не продохнуть и, как всегда, полно народу. В углу, влево от двери, кучей составлены винтовки, в правом — кружком сидят молодые партизаны, слушают рассказ старого фронтовика. Один из разведчиков спит на скамье, положив под голову полено, двое других дремлют на табуретках, с винтовками в обнимку. Еще двое сидят у двери в штабную комнату, откуда доносятся голоса писарей, прерывистый стукоток пишущей машинки. В сидящих у двери Вишняков узнал Михея Сапожникова и Николая Карецкого из 3-го полка. Поздоровавшись с ними, спросил про Журавлева.

— Нету его. — Михей поплевал на обжигавший пальцы окурок, бросил его на пол. — Тоже его ждем, и неизвестно, будет он в штабе или нет? Адьютанты его здесь — Фадеев, Аникьев, писаря.

— Нет, мне самого надо, Павла Николаича, — и, потянув носом, Гавриил направился к двери напротив, откуда вкусно пахло вареным мясом. Сняв фуражку, он пригласил пятерней свалывшийся русский чуб и, приоткрыв дверь, приветствовал поварих почтительно ласковым голосом:

— Здравствуйте, красавицы сестрицы!

В кухне, возле жарко топившейся плиты и большого стола, хлопотали три женщины, в одинаковых защитного цвета гимнастерках, с повязками красного креста на левых рукавах. Все они выполняли обязанности медицинских сестер, а заодно и поварих при штабе. Старшую, небольшого роста толстушку, звали Катей. Вишняков знал, что Катя жена лихого командира «Золотой сотни» Димова, тех, что помоложе, одну звали Зина, другую Маша. Черноглазая, бойкая на язык Зина, обернувшись на голос Вишнякова, ответила:

— Здравствуй, если не врешь!

— Чего же врать-то, милые вы мои сестрички, — балагурил, любивший позубоскалить Гавриил. — Нет ли у вас водички попить? А то уж так-то проголодался, что и ночевать негде! Хоть бы пожалели да пригласили.

— В другой раз приходи, с мешком!

— Эка, паря, какая ты, Зина, несговорчивая! Ну, уж раз такое дело, то хоть шей плеснула бы с полведерка.

— Подожди маленько, картошка еще не сварилась.

— Это можно, — оглянувшись, Гавриил подмигнул Михею. И снова к поварихе: — Пятеро нас, Зинушка, так что ты щей-то уж не жалей да мяска побольше в них! Ну и само собой хлеба булку, чаю с молоком, ишо там кое-чего по мелочи, ежели милость будет! Спасибо, дорогие, — и тихонечко прикрыв дверь, он отошел к друзьям, сел рядом с ними.

— Ну и прокурат же ты, Гаврило, — улыбаясь и одобрительно качая головой, Карецкий достал из кармана берестяную табакерку с молотым табаком-зеленухой. — Угостись-ка вот моим, табачок, братец ты мой, первый сорт.

— Пошел ты с ним к черту, — отмахнулся Вишняков, — я и курить не приучился, а на эту мерзость смотреть не желаю!

— Здря-я, — захватив щепоть чуть влажного табака, Карецкий положил его за левую щеку, уплотнил языком. — Курево-то я сам не уважаю, да и курильщиков то же самое! Бывало лежишь с ними в секрете, где скрытность большая и чуткость требуется, а у них курево на уме. В ентот момент, может быть, враг поблизости подкрадывает-

ся, а он шинелью укрывается, чтобы курнуть разок-другой! Рази допустимо такое в секрете? Не-ет, брат, милое дело молотый, ни гумаги тебе не требуется, ни спичек, а ежели в походе — на коне, так на любом аллуре положил за губу и крой полным галопом. А когда в секрете лежишь, какое удобство, ежели табак за губой. На сон тебя не клонит и чуткости больше, потому что ясность в голове непомерная! Помню, на кавказском фронте было...

Досказать ему помешала Зина. Выйдя из кухни, она зажгла висевшую на стене лампу. На вопрос Вишнякова: «Как там дела со щами, сестричка?» — ответила: «Сейчас», — и скрылась за дверью. В это время в доме появились еще двое — старик без оружия и партизан в домотканной, из бараньей шерсти, шинели, в мерлушчатой шапке и с винтовкой за плечами. Загорелое, без единой морщинки лицо незнакомца обрамляла окладистая, рыжеватая борода.

— Здоровате, — пробасил он, снимая с плеча винтовку, быстрым взглядом окинув сидящих и спавших в коридоре людей. — Мне товарища Журавлева по срочному делу.

— Нету его, у писарей, спроси, — ответил Михай, и, проводив незнакомца глазами, оглянулся на Вишнякова. — Видал я этого дядьку, а вот где? — наморщив лоб, Михай поскреб за ухом и вспомнив, хлопнул себя по колену. — Он, Загурский!

— Какой Загурский?

— Офицер бывший, сотник Первого Нерчинского казачьего полка, вместе со мной в госпитале находился в семнадцатом году. Бородину-то какую отрастил за два года! Прямо-таки на удивление, вот бы на руку его глянуть?

— А что?

— Ежели это Загурский, то у него мизинца нету, на правой руке.

— Проверить надо, идемте, — почуввав недоброе, Вишняков поднялся со скамьи, жестом приказав друзьям следовать за ним. У двери он на миг задержался, пояснил вполголоса: — Как зайдем, ты Михай сразу к нему, назови какую попало фамилию и поздоровайся за руку. Если это он, крикни: «Загурский!» И тут уж не робейте, дружнее на него, скрутить и живьем взять гада, понятно?

— Поняли, идем.

Когда все трое вошли в большую, освещенную висячей лампой, комнату, незнакомец, стоя к ним спиной, разговаривал с Фадеевым. Тот сидел за столом. Второй адъютант Аникьев, молодой, статный красавец стоял рядом, привалясь плечом к окну.

— Придется обождать, товарищ Зимин, — возвращая мнимому партизану документы, сказал Фадеев. — Посидите пока в коридоре.

Вишняков толкнул Михея локтем, — действуй!

— Товарищ Зимний! — воскликнул Михай, подходя к «партизану». — Узнаешь? Да ведь вместе работали в полковом комитете, здравствуй!

— А-а, припоминаю, — заулыбался тот, протягивая Михею руку. — Здравствуй!

И тут произошло то, чего никто не ожидал: Михай, не выпуская правой руки пришельца, крикнул «Загурский!» А левой ухватил его за бороду. Загурский, прянув в сторону, вырвался, оставив в руке Михея половину приклеенной бороды, выхватил из-за пазухи наган. Конец был бы тут Михею, не подоспей во время Вишняков, успевший толкнуть Загурского под локоть. Пуля ударила в потолок. Наган у диверсанта Вишнякову удалось вырвать, и тут началась свалка: писаря, адъютанты, разведчики — все кинулись на диверсанта, сшибая столы, стулья, мешая друг другу, и этим воспользовался Загурский!

Яростно отбиваясь руками и ногами, он пытался к двери и, улучив момент, головой «под дых» сшиб с ног Карецкого и выскочил в коридор. Все кинулись за ним: в дверях образовалась пробка. Уже в ограде настиг диверсанта Вишняков, ухватил его за воротник шинели, тот, отбиваясь, обернулся, оба, сцепившись, упали наземь. Диверсанту еще раз удалось вывернуться, вскочить на ноги. Но он тут же и рухнул намертво, пуля Аникьева угодила ему прямо в лоб. Убитого тщательно обыскали и, кроме документов, предъявленных им Фадееву, нашли двадцать золотых пятирублевиков царского чекана, зашитых в подкладку шинели, и офицерский билет на имя есаула Загурского.

— Что же вы наделали! — досадовал Фадеев. — Надо бы живьем взять, мы бы могли дознаться что-либо важное для нас.

— Дознаешься у такого, как же! — возразил Аникьев. — Эта стервуга из тех, которых на куски режь ничего не скажут. Товарищам нашим спасибо сказать надо, что помогли разоблачить этого гада, а то бы он тут натворил делов.

Глава IX

Помощник командира 2-го кавполка Аксенов со взводом своих партизан вернулся в Богдаты из дальнего разъезда, когда время перевалило за полночь. В селе, озаренном лунным светом, тишина; спят сельчане и постояльцы их, красные партизаны; в оградах дремлют привязанные к изгородям, расседланные кони. Лишь дозоры на окраинах села да патрули в улицах бодрствуют, чутко прислушиваясь к ночным шорохам.

Аксенов разрешил своим конникам разъехаться по квартирам, сам поехал к штабу.

— Стой! — раздалось из затененной стороны штабного дома.— Пропуск?

— Затвор, — ответил Аксенов, по голосу узнав знакомого партизана— Молоков, ты?

— А-а, Иван Иванович, здравствуй. С табаком?

— А ты с губой? До чего же ты охоч на чужбинку!

— Да вить простота, Иван Иваныч, хуже воровства! — закинув винтовку за левое плечо, Молоков подошел ближе. — Закурил вечерось при батарейцах, а они только что с позиции вернулись, бестабашные и накупились на дармовщину-то, как воронье на падлу, пошел мой кисет по кругу! Вот как оно получилось, людей удоволил, а сам теперь бедствую без курева. Э-э, братуха, у тебя табаку-то, коту на одну понюшку. Ну да ничего-о, ты там разживешься у писарей, а мне с поста уходить служба не позволяет.

— Ладно уж, пользуйся моей добротой. А я, пожалуй, и ночевать останусь в штабе. За конем присмотришь?

— Могу. Разнуздаю его, подпруги ослаблю, а как охолонет — соломки принесу с телеги, спод мертвяка.

— Какого мертвяка?

— Кокнули тут одного давеча, шпие́н оказался. В телеге лежит, поди глянь, может, признаешь?

— Нужда припала смотреть на мертвяков. Лучше пойду сосну.

— Валяй.

В штабном коридоре не спал лишь один часовой, с винтовкой меж колен. Ординарцы, разведчики и караульные, что сменились с поста, спали вповалку на полу; один из них густо храпел, упершись головой

в стену, рядом с ним высвистывал носом другой. В штабной комнате, куда прошел Аксенов, писаря только что закончили работу и тоже укладывались спать на голые скамьи, на столы, сунув под голову, у кого что нашлось. Фадеев сидел на столе, разувшись, он обернул сапоги гимнастеркой, смастерив из них подобие подушки. Аксенов, поздоровавшись, спросил:

— Павел Николаевич здесь?

— Нету, — Фадеев почесал голую, волосатую грудь, зевнул. — У себя он, на квартире. А что?

— Из глубокой разведки я только что. Велено доложить ему сразу же, как вернемся.

— Что-нибудь важное, срочное?

— Оно, может быть, и не шибко срочно, а важные сведения-то.

— Тогда ложись да спи. Он поди только что прилег, надо же и совесть знать. Да и до утра уж недалеко, спи ложись.

— Придется. Мы ночесь в такую передрыгу попали, что не до сна было. Днем уж, когда обратно ехали вздремнули на кормежке коней, только и всего.

— Завтра расскажешь, хватит.

Иван Иванович поискал глазами по комнате, свободных скамей и столов уже не было, поэтому шинель свою он постелил на пол, а под голову положил патронташ, накрытый папачкой.

Мало удалось поспать в эту ночь работникам штаба. Еще не светало, а Фадеев уже будил разоспавшихся писарей.

— Вставайте живее, вставайте, ну-у! Эка, паря, спать-то вы какие здоровяки. Вставайте!

Нехотя, зевая и потягиваясь, поднимались писаря, а за ними и другие ночевщики.

— Чего тебе не спится? Поднял в эдакую рань! — уже сидя на постели, ворчал Аксенов, кулаком протирая глаза. — Сон досмотреть не дал, на самом интересном месте разбудил.

— Потом досмотришь, умойся холодной водичкой.

— Нет уж, спасибо, лучше я к соседям подамся. Выпрошу у них шубу, заберусь на сеновал и, пока весь недосып не нагоню, головы не подыму.

— Зря, девушки наши пирожков настряпали мясных. Быка вчера закололи в хозчасти, они выпросили осердье на это дело.

— Пирожки, говоришь? — вмиг оживился Аксенов. — Неужто правда?

— Поди посмотри, если не веришь. Полнехонько решето выпекли? И чаги с молоком наварили.

— Ай да молодцы девахи! Конешно, упустить такое удовольствие — грех великий! Ну, а насчет недосыпа, так я его и после пирожков наверстаю. Схожу к Журавлеву и на сеновал.

Глава X

На военный совет вместе с командиром Первого кавполка Макаром Якимовым пришел и Егор Ушаков. Хотя в полку у Макара Егор командовал эскадронам, но на такое важное собрание его пригласили впервые.

Собрание еще не началось; командиры и комиссары толпились в ограде, разбившись на кучки, дымили табаком-зеленухой, разговаривали. Начальник политотдела Бородин что-то горячо доказывал, обращаясь то к старику Мартышову, то к Плясову. Комиссар, очевидно,

не соглашался с ним, отрицательно крутил головой, сверкая розовой лысиной. Поодаль от них седоусый Захар Хоменко рассказывал что-то окружившим его командирам, среди которых Егор увидел Ивана Рудакова и Петра Ведерникова, вместе с которыми участвовал он в бою под Верх-Каменкой. Тогда они под командой вот этого самого Хоменки отбили у белых партию арестованных. Егор также направился к Хоменке, но, услышав знакомый голос, оглянулся. К нему, широко улыбаясь, шел командир Пятого кавполка Чугуевский.

— Егорша!

— Андрюха! — они обнялись и, как год тому назад, принялись хлопать друг друга по плечам. — Больше году не виделись!

— С Урульгинской конференции.

— Тогда и поговорить-то не пришлось. А ты уж полком командуешь?

— Приходится, куда денешься.

— Его высокоблагородие, не хухлы-мухлы!

— Да и ты, говорят, в сотниках ходишь?

— Э-э, из меня и сотник-то, про каких говорят: «На безрыбье и рак — рыба, а на безлюдье и Хома человек».

— Но-но, не прибедряйся. Отойдем в сторонку.

Отошли, сели на приступок амбара, разговорились. А поговорить им было о чем: вспомнили Аргунский полк, убийство зубатки есаула Токмакова, смерть Инджугова.

— А как на каторгу-то вас провожали, помнишь, Андрюха? Всем полком вышли и командиров не спросили!

— Помню, Егор, все помню, разве такое забудешь, — и поник головой, замолчал боевой командир. Слишком уж много горьких воспоминаний нахлынуло на него, и мрачные картины прошлого всплывали в памяти: вспомнились и похороны казака Инджугова, и суд, и каторга, и как шел он в кандалах мимо отчего дома, мимо сына, на которого и взглянуть побоялся тогда, чтобы видом своим не испугать ребенка.

— Ничего, Андрюха, не печалься, — утешал друга Егор, — что было, то прошло. Расскажи лучше про Швалова, где он, живой ли?

Чугуевский кашлянул, покрутил головой, словно отгоняя от себя грустные мысли, переменил тон:

— Швалов-то? Живой, на Амуре, вместе с Дмитрием Шилковым. Полком командует Степан. Кстати, у меня в полку брат твой Михаил Ушаков эскадроном командует.

— Михаил! — обрадовался Егор. — Смотри-ка ты, эскадроном командует! А ведь я с ним пять лет не виделся! Ну и как он там?

— Боевой командир, приехал бы на совет вместе со мной, да в наряде он со своим эскадроном.

Егору хотелось расспросить про брата побольше, но тут объявили о начале собрания, и все потянулись в дом.

Народу на совет собралось столько, что до отказа наполнили вместительную комнату штаба. Скамеек не хватило, и многие сидели на скамьях из досок, положенных на табуретки. За передним столом Журавлев, Плясов, Киргизов и Бородин. Позади них на стене самодельная карта Восточного Забайкалья от Аргуни до Шилки и далее до Забайкальско-Амурской железной дороги. Карту эту мастерски вычертил адъютант Аникьев на обратной стороне карты Российской империи, и гвоздиками прикрепил ее к стене. К этому времени красные партизаны Восточного Забайкалья уже держали фронт на протяжении трехсот верст, от станции Усть-Уровской на Аргуни до станции Ломовской на Шилке. Армия их состояла из восьми кавалерийских

полков, двух рот пехоты и трофейной горной батареи трехорудийного состава. В то же время в белой армии Семенова имелось пять пехотных полков, общим числом более десяти тысяч штыков, юнкерский, егерский, железнодорожный батальоны, тринадцать казачьих полков, при них восемь полевых батарей, Уссурийский казачий полк, «дикая дивизия» барона Унгерна, состоящая из пехоты, кавалерии и артиллерии. Кроме того, дивизия японской пехоты, двенадцать бронепоездов и прочее.

Обо всем этом и поведал Журавлев своим командирам. И речь свою он закончил словами, ошеломившими слушателей:

— И все-таки мы решили не отступать из Богдати в тайгу, как предлагали многие наши товарищи, а дать белым бой!

Журавлев смолк, орлиным оком окинул притихших командиров. Такая тишина наступила в зале, что в открытое окно стали слышны голоса людей на улице, скрип водовозной телеги.

— Оё-ё-ёй, — первым нарушил молчание кто-то из задних рядов. И тут же отозвались другие, такие же неуверенные голоса:

— Зряшное дело!

— С нашей силенкой против эдакой громадины... с ума сойти!

— Погубим людей своих, и больше ничего.

— Да-а, положеньице хуже губернаторского.

— Товарищи! — вновь заговорил Журавлев, на удивление спокойным уверенным тоном. — Не так уж это страшно, как вам показалось. Мы, прежде чем прийти к такому решению, кое-что сделали, чтобы обмануть противника, ввести его в заблуждение, и крупные силы белых направить по ложному пути. Посмотрите, что получается...

Журавлев встал и, подойдя к карте, начал объяснять недавнее маневрирование своих полков, которое многим партизанам казалось ненужным, напрасным передвижением частей с одного места на другое.

— Вот здесь, — тонко заостренной палочкой Журавлев указал на извилистую ниточку железнодорожной линии на карте, — по ту сторону Шилки действуют наши конники: 7-й полк Погадаева, 8-й полк Пуртова и три небольших отряда партизан из местных жителей. Задача их такая: не вступая с белыми в бой, чтобы не выказывать своей численности, создать видимость скопления в этом районе наших сил с целью захвата железной дороги от станции Укурей и далее — Могоча, Амазар. Этот маневр наш оказался удачным, белые, опасаясь быть отрезанными от Дальнего Востока, кинули на «угрожаемый участок» крупные силы — 31-й Нерчинский пехотный полк, роту японцев и два казачьих полка. Кроме того, им пришлось усилить и Сретенский гарнизон, где находился 30-й Сибирский пехотный полк, послав туда еще железнодорожный батальон и казачий полк. А мы оставили там один 7-й полк и местных партизан, а 8-й полк в ночь переплыл на конях Шилку, чтобы такие же маневры развернуть вдоль Сретенского тракта, в районе Куренга, Унда, Газимур. Туда же направили еще пять наших полков, в Богдати оставалась одна пехота. Вы, конечно, помните, как происходило это маневрирование?

По залу зашебурился оживленный говорок, командиры, припоминая, как они вели свои полки и эскадрон раза по два по одному и тому же месту, зашушукали, улыбаясь; громче всех заговорил Егор, обращаясь к Чугуевскому:

— Наш полк до трех разов такое выкидывал! Смехота, днем идем в одну сторону, а ночью тайгой обратно. И опять через те же села, с песнями.

— Да и не одни вы, и мы то же самое!

— Тише-е!

— И здесь, — выждав тишину, продолжал Журавлев, все так же стоя, в пол-оборота к карте, — белые клонули на нашу удочку. К тому же мы распространили слух, что к нам подошла помощь с востока и вместе с нами на Газимуре действуют полки амурских партизан. Поэтому белые и туда кинули крупные силы: две роты японцев, 2-й Маньчжурский пехотный полк, два полка кавалерии, две казачьих батареи и дружину Красноярской станицы. Но пока они доберутся до места предполагаемых боев да разберутся в обстановке, пройдет немало дней, а нам этого и надо! Мы, как только белые двинулись в поход, оставили там один 8-й полк и три эскадрона 6-го полка, остальные в спешном порядке отозвали в Богдаты, чтобы здесь дать врагу отпор. Почему мы пришли к такому решению? Потому, что белые и тут допустили ошибку: не ожидая подхода своих частей со Сретенского тракта, они торопятся расправиться с нами до зимы. Главная их опора — японцы, а они не вояки в сибирские морозы.

— Это верно, — мотнул чубатой головой Макар Якимов. — А сколько же семеновцев идет все-таки супротив нас?

— Соотношение наших сил пока что далеко не в нашу пользу. По нашим данным, белые двинули против нас 1-й Маньчжурский пехотный полк, две или три роты японцев, «дикую дивизию» барона Унгерна, четыре казачьих полка и три батареи.

— Ого-о! Это против наших-то четырех полков!

— А два эскадрона 6-го полка не считаешь? Да еще и две роты пехоты, да Епифанцев привел отряд человек в триста!

— Все одно, далеко неровня мы с ними! У них тысяч двадцать наберется, а у нас и пяти не будет.

— Я против этого! — поднявшись со скамьи, воскликнул командир Второго полка Федоров. — Против! — повторил он, сверля Журавлева негодующим взглядом. — Вы, что опупели? Толкаете нас на явную гибель! Шутейное дело — дать белым бой! Ведь это все равно, как бывало в драке, четверо с кольями нападут на одного, а у того и палки в руках нету. Что ему делать? Ясное дело, давай бог ноги, иначе тут ему и конец! А теперь вот и мы в таком же положении! Ведь это мало того, что белых супротив нас почти вдесятеро больше, у них и оружие-то не наше горе, и пулеметов, и пушек полно, даже бомбометы есть, а у нас что? Три паршивеньких горнушки, салютовать из них в пасхальную ночь, только на это они и годны!

— Ну уж это ты брось! — вскипел, задетый за живое, командир батареи Деомид Матафонов. — От этих горнушек, ежели до дела дойдет, волком взвоют беляки, только бы снарядов к ним в достатке.

— То-то и оно!

— Горохом зарядить, в случае нехватки! — рассмешил собрание Аксенов. Только из сидящих в президиуме никто не засмеялся. Плясов, призывая к порядку, постучал по столу карандашом, спросил:

— Что же ты предлагаешь, товарищ Федоров?

— Отступать! Уходить, пока не поздно по Урову на Юхту, Орочи, то же самое по Урюмкану вниз, по Газимуру в тайгу, и пусть белые окружают пустое место. А потом, когда они здесь окоренятся, мы их набегами начнем донимать с тылу! Вот это и будет, как было говорено на Урульгинской конференции, продолжать борьбу с белыми методами партизанской войны!

— Совершенно верно, — поддержал Абрама его помощник Буравель. — Партизанская война в том и состоит — налететь внезапно, оглушить неожиданным ударом, ежели удастся, обозы захватить у противника и в лес. Догоняй ветра в поле.

Сидящий рядом с Буравелем Макар Якимов одобрительно кивнул, улыбнулся:

— Нащёт набегов правильно. Ох, и не любят их беляжи!

Макар как мешок развязал, оттуда так и посыпались ораторы.

Мнения выступающих разделились: одни поддерживали предложения Федорова, другие возражали, приводя в доказательство примеры из минувших сражений, когда и с малыми силами они выходили победителями в крупных боях с белыми:

— В шелопугинском бою вон какая сила была у них, а как мы их раскатали!

— А под Кунгуровой, под Зерентуем!

— Да мало ли таких примеров было.

— Там одно, а тут совсем другое. С эдакой-то силой ихней еще не приходилось встречаться!

— Спросить хочу, Павел Николаич: почему не отзываете 4-й полк с Аргуни? Силы-то у нас прибавилось бы!

— Нельзя этого делать, — вновь заговорил Журавлев. — 2-й полк занял в Башуровой на Аргуни очень удобную позицию и отвлекает на себя два казачьих полка белых, батальон пехоты, егерский, две роты юнкеров и батарею! Все эти части белых не будут участвовать против нас здесь, в богдатском бою, это же очень важно.

— Для нас-то оно важно, а каково будет нашим в 4-м полку?

— Да-да, об них-то тоже надо подумать. Их же там с землей сравнивают!

— Нет, товарищи, не сравниют, — хмуро улыбаясь, Журавлев повернулся к карте и заостренная палочка его, скользнув по голубой черточке Аргуни, уткнулась в красный кружок с надписью «Башурово». — Вот здесь и занял Толстокулаков с его 4-м полком оборонительную позицию. Его уже начали окружать белогвардейские части: долиной Урова проследовал Уссурийский казачий полк и два эскадрона конницы из «дикой дивизии» барона Унгерна с намерением занять село Усть-Уров и оттуда повести наступление на наш 4-й полк! Это же грубая ошибка белого командования, кто не знает, что из Усть-Урова можно пройти лишь по узенькой тропинке через скалу Убиенную!

— Верно, — раздался голоса. — Других дорог там и нету.

— Она и тропинка-то пешком лишь пройти по одному!

— Можно и коня провести, только уж в случае беды какой. Обратного-то с ним не развернешься.

— Вот именно, — согласно кивнув головой, продолжал Журавлев. — Поэтому Толстокулакову достаточно поставить на Убиенной десяток хороших стрелков и не один белогвардеец не пройдет из Усть-Урова. С верховьев Аргуни на Башурову двинулся 3-й Забайкальский казачий полк, против этого полка Толстокулакову достаточно выставить один эскадрон, потому что в полку этом наши товарищи провели такую большую работу, что он накануне перешел полностью на нашу сторону! Таким образом Толстокулакову придется с остальными пятью эскадронами держать позицию западнее Башурова. Он уже укрепился там, горы занял, удобные для обороны, патронов у него достаточно, а народ в 4-м полку, сами знаете, казаки Аргунской, Усть-Уровской, Аркиинской станиц, все бывшие охотники, стрелки отличные. Эти уж почем зря палить не будут! Поэтому мы уверены, что они не только устоят против вражеской пехоты, но и урон им нанесут немалый. Вот почему нельзя нам отзывать с Аргуни наш 4-й кавполк.

Затем Журавлев подробно изложил намеченный им план обороны, объяснил, что, несмотря на большой численный перевес белых в людях и боевом вооружении, у красных партизан имеются немалые шансы на победу в предстоящем бою, которому он придает большое политическое значение.

— Наша сила в том, — продолжал Павел Николаевич, — что армия у нас состоит из одних лишь повстанцев, добровольно вставших под алые знамена революции, они вооружены идейно, чего нет у насильно мобилизованных крестьян и казаков белой армии! Поэтому и воюют белые против нас неохотно, в чем убеждались мы уже не раз. До их сознания уже доходит, что бьемся мы за правое дело, за счастье народное...

Взволнованная речь его и доводы, почему следует принять с белыми бой, были настолько убедительны, что уже никто не выступил против. И при голосовании даже Федоров поднял руку за предложение командующего фронтом.

В конце собрания адъютант Фадеев зачитал приказ командующего, в котором было указано: каким частям и где занять исходные позиции, каким быть в резерве в состоянии боевой готовности. Начальнику хозяйственной части было приказано: обеспечить людей на время боев сухим пайком — по булке хлеба на каждого и по три фунта вареного мяса.

Расходились с военного совета под вечер. На улице Аксенова догнал командир пехотной роты Иннокентий Козлов.

— Слышал, Иван Иванович, дежурить нас с тобой назначили? — сообщил он, обнимая сослуживца за плечи. — Опять не спать нам в эту ночь.

— Слышал, — ответил Аксенов и, помолчав, пошутил:—Думал за прошедшую ночь недосып наверстаю, а тут новый на носу.

— Не горюй, еще успеешь наверстать свой недосып. Вот прогоним белых и сыпанем в свое удовольствие, если живы будем.

— Да уж так. А не будем живы, на том свете доспим!

Не думал Иван Иванович, что эти слова его станут роковыми, что жить им обоим с Козловым осталось не более полутора суток.

Продолжение следует.

Михаил ВИШНЯКОВ

* * *

Есть в судьбе и памяти моей
бездорожье, станы полевые,
шилкинские дали ветровые
с горечью неубранных полей;

вдоль размытой в балках колеи
бель солончаковая да глина,
да на взгорье горькая рябина,
страница отеческой земли;

надымь от комбайна, вдалеке
белый шифер школы-интерната,
агроном устало-виноватый
в медленном своем дождевике;

быстрый лист и утренник сквозной,
первая ледынь по темным водам —
полное всевластие природы
над сибирской дальней стороной...

* * *

И расскажет мне бабка,
старуха кержацкого роду,
как варила убойный седой самогон,
как споила гостей,
дверь подперла сосновой колодой
и плеснула на стены веселый огонь.
Занялось,
запылало,
как раненый зверь, зарычало
прокаленное зноем сухое смолье.
И кричали каратели,
дико и страшно кричали,
и по окнам неистово
бабкино било ружье.
...Наше сельское кладбище.
Нет ни гранита, ни бронзы.
Только небо, цветы да возвышенность
небытия.
Мы поставили бабушке крест из морёной
березы.
Она верила в бога,
суровая бабка моя.

* * *

Сломалась береза.
Потом ее люди под корень срубили.
Но там,
где была на земле ее длинная тень,
еще и поныне восходят цветы голубые,

и копяты росы, и в полдень приходит
олень.
И чует земля: отшумят градобойные грозы.
В опавшей листве,
где лежит золотая пыльца,
глубинная завязь очнется для новой
высокой березы,
и этому —
верится —
нет и не будет конца.

Геннадий ГОЛОВАТЫЙ

УТРО

Словно я опять — в начале,
Словно — первые шаги.
Словно вслед мне прокричали:
«Погоди же, не беги!»

Словно мир вокруг — не познан:
Где крапива, где горох...
И слетают с неба звезды —
Прямо в бабкин огород!

САПОГИ

Он и лето ходил босиком,
Он и осень ходил босиком,
Он и зиму ходил босиком —
Каждый год босиком, босиком...

Он и летом не доедал,
И зимою не доедал:
Все по крохам копил, копил...
Наконец — сапоги купил!

Да из города — на пути —
Перестрели грабителя два:
— Скидывай, —
говорят, —
сапоги,
А не то — полетит голова!

Покачал он своей башкой
И сказал им:
— Суди вас бог,
Убивайте! — махнул рукой. —
Не сымайте только сапог.

ВДАЛЕКЕ

Там бушуют травы
выше головы.
В зелени отавы
Золото листвы.

Поднимают небо
Гуси высоко.
Ах, как с черным хлебом
вкусно молоко!

И земля большая
Под моей спиной.
И слепящим шаром
Солнце надо мной.

А вокруг отавы
Столько синевы!
Там бушуют травы
выше головы...

Геннадий КУЗНЕЦОВ

* * *

У дочки первая разлука,
И в первый раз она бледна.
Лицо ее снедает мука,
В нем скорбь недетская видна.

И губы что-то шепчут гневно,
И руки места не найдут,
И пальцы щиплют галстук нервно,
И вздохи наполняют грудь.

— Ну разве можно? — Воскликает. —
И справедливо разве так?
И возмущенье закипает
В ее заплаканных глазах.

Я дочку к сердцу прижимаю,
И глажу волосы ее,
И незаметно вспоминаю
Былое, давнее, свое.

И ту, что так и не узнала,
Что без нее померкнет свет,
И — уезжала, уезжала
За тыщу верст, на тыщи лет...

Плачь, дочка, но не падай духом,
Тебе — отцовское плечо.
Оплачем первую разлуку —
Их столько предстоит еще!

Борис МАКАРОВ

* * *

Дожди грибные бродят в рощах.
От голубицы — синева.
И все вокруг светлей и проще,
Весомей мысли и слова.

В лугах стогам духмяным тесно.
В полях моторов перегуд.
И деревенские невесты
Обновы к свадьбам берегут.

ПАМЯТЬ

Плачут руки.
Плачут губы.
А глаза совсем сухие...
— Мой Петруша,
Мой голуба
Спит на кромочке России.
Тридцать пять годов проплыло.
Стала я под стать старухе,
А вот надо ж — не забыла
Ни лицо его, ни руки.
Был он тихим,
Молчаливым.
Так и жили — душа в душу,
Хоть и я несправедливой
Иногда была к Петруше.
Завернет в дому сигарку —
Раскричусь — царица, право!
По столу рукою шваркну,
На крыльцо курить отправлю.
Не обидится, а тихо
Лишь вздохнет:
— Ну что уж, Люба...
Он погиб за город Тихвин,
Мой Петруша, мой голуба.

Был он, будто в сказке витязь,
Ясноглазый, сильный, рослый.
Вы меня уж извините —
Не могу без папиросы...

* * *

А. Алешкину

Ты, кукушечка, кукуй,
Не жалея горлышка.
Я знавался на веку
С радостью и горяшком.
Ураган меня хлестал —
Выстою, не выстою.
Прикипал к рукам металл
На камчатской пристани.
Я распутицею в дождь
По дорогам хаживал.
На токах лопатил рожь,
За землей ухаживал.
Я друзей имел таких —
Можно позавидовать.
Я людей встречал плохих —
И знаком с обидами.
Но, — беда ли — наповал
Или дело — сызнава, —
Никогда не уставал
Радоваться жизни я.
Гром небесный, не лютуй,
Знаю — будет солнышко!
Ты, кукушечка, кукуй,
Колдовское горлышко.

Константин МИЛЮШКИН

ВЕСНОЮ

На дне оврага блеск хрустальный льда.
Багул упал на склон платком лиловым.

Певуньей струйкой талая вода
Волшебное нашептывает слово.

А ветерок, цепляясь за кусты.
Сбегает и теряется в долине.
И, кажется, немой восторг застыл
В небесной неоглядной сини.

Владимир ЯКУБЕНКО

В СТЕПИ

Возле тихой тепленькой речушки,
без традиционного пригорка,
серые нахохлились избушки,
вытянулись к берегу задворки.

По дороге, гогоча с достоинством,
липким пухом щедро землю выбелив,
разбрелось несчитанное воинство,
Рим когда-то спасшее от гибели.

Средь села, из кучи лома-хлама,
меж борон, как меж решеток — узница,
не спеша за сводками и планом,
чуть коптит в ленивом звоне кузница.

У колодца две казачки, охая,
спозаранку «чищают» чьи-то души.
Улеглись телята белолобые
Средь бурьяна, растопырив уши.

Пропылила стайкой воробьиною
ребятня на прутиках дорогою
к речке,
И плывет по-над долиною
тишина извечная и строгая.

В небо, помутневшее, белесое,
источает призрачное марево.
Степь моя,
Страдалица безлесая,
каково тебе в таком-то вареве...

Супруги Ферко

ПОВЕСТЬ

1

Высоко над горами летит самолет. Третий час плывут под ним островерхие гольцы, зеленые хребты, одинокие сопки. Гольцы обсыпаны голубым снегом, хребты обросли зеленой щетиной, сопки-одиночки, наоборот, голы и каменисты. Осеннее солнце ярко и щедро золотит утреннюю землю. Забайкальский Север! За ним пойдут другие края — эвенкийские; дальше к океану — якутские. И во все стороны простирается необъятное сонмище непокоренных гор.

Ферко напряженно вглядывается в это каменистое царство, он удивлен и взволнован. В барабинских, в кулундинских степях ничего такого не было. Бесконечная равнина, редкие колки — березовые рощицы... Чем дальше смотрит он вниз, на горные хребты, распадки между ними, тем сильнее желание пройтись по медвежьим тропам, узнать, чем живет угрюмый лес. Впрочем, Борис еще не знает, есть ли у медведей свои тропы.

Борис беспокойно крутит головой, садится то к одному окошечку, то к другому. Глаза его все бегают, чего-то ищут. И лицо — в движении, в беспокойной радости.

Жена Ферко, видать, не робкая женщина, удивляется не меньше Бориса. Но в ее серых глазах не светится та восторженность, какую испытывает муж. Брови спокойней, губы расслабленной. «Все это интересно,— говорят ее глаза, — но только потому, что ново. Ты не согласен?» — «Я не согласен, — отвечает он глазами. — Понимаешь, как все здорово!»

Конечно, Зина не понимает прелести тайги, этого простора. Она родилась на Полтавщине, с малых лет привыкла к солнцу во ржи, к тому, как ветер играет колосками, клонит их, волнует поле, как морскую зыбь. Белые хаты тянутся вдоль дорог, яблони гнутся от спелых яблок. Янтарно светятся наливные плоды черешни. Везде, везде люди. Все там понятное, близкое, родное.

В Чите Зина заметила, что люди здесь другие: беспокойные, топропывые. На аэродроме с раннего утра взлетают зеленокрылые самолетники: летят в неведомый ей золотой город Балей, к металлургам Петровска-Забайкальского, в аргунские пограничные села, в старинные города — Нерчинск и Сретенск или на Север — к охотникам-эвенкам, к геологам. Им тоже нужно лететь на Север.

Но, увы! Билеты проданы на две недели вперед. С ума сойти, какая очередина!

Супруги Ферко не рассчитывали на такой срок. Во-первых, денег

у них в обрез, во-вторых, торчать полмесяца на вокзале попросту безрассудно. Об этом Зина прямо и сказала мужу:

— Не судьба, Бориска. Возвращаемся в твой Канск. А лучше — на мою родину.

Борису не хотелось возвращаться: востала мужская гордость. Но главную роль сыграло все же жгучее желание посмотреть новостройку в Нюрбе. Говорят, там потруднее, чем на Вилнойской ГЭС. А он и стремился на самую трудную стройку.

Борис пошел к начальнику аэропорта, сказал, что у них с женой мало денег и за гостиницу они платить не могут, а ночевать в креслах... это не койки. Начальник бегло взглянул на Бориса, усмехнулся про себя: «Очередной женатый романтик». Подписал какую-то ведомость, сказал, не отврываясь от бумаг:

— Отправлю вас через неделю. Устраивает?

Борис кивнул, начальник написал записку.

Они подсчитали свой скудный капитал. Выходило так: если сэкономят на еде, будут лишь раз в день питаться в столовой, то сумеют дотянуть до места. А там — на стройку. Аванс, как положено, и все прочее.

Но вышло еще лучше. За три дня они примелькались одному сердобольному пилоту. Летал он не на Ил-14 — по тем местам самом комфортабельном самолете, — а Ли-2 — грузовой машине. То ли пилота покорила привязанность молодоженов друг к другу, то ли приглянулась чернявая стройная Зина — и это ведь бывает. Во всяком случае он спросил, куда они летят. Ферко отшутился: «В свадебное путешествие». — «А где фата?» — усмехнулся пилот. — «Проели», — сказал Борис.

Потом уже втроем они смеялись над этим разговором. А Зина сказала: «Ты прав, Бориска, у нас действительно свадебное путешествие. Месяца не прошло, как поженились».

— Могу захватить и без фаты, — пилот посмотрел на Зину. — Завтра утром первым рейсом. Между прочим, какая у вас профессия?

— Мы каменщики. — Борису не понравилось, что летчик так упорно смотрит на Зину. — Мировецкая профессия, сродни вашей. Пока будут жить люди, не переведутся ни пилоты, ни каменщики.

Теперь, когда все устраивалось, Борис мог пофилософствовать.

Каменщик, каменщик в фартуке белом... —

усмехнулся летчик. Но больше ничего не сказал и, значит, мысленно согласился с Борисом.

— Парень ты понятливый, — подмигнул Ферко.— За помощь спасибо, а на жену не заглядывайся.

— Ну что ты, — смутился летчик. — Красота, между прочим, — общественное достояние.

— То есть как? — удивился Борис.

— А так, не можешь ты носить свою жену в чехольчике. Как, скажем, гражданин Беликов свой ножичек.

— Это пожалуйста, — разрешил Борис.

Они летят меж тюков и бочек, груд полосового железа и кирпичика. Железо, бочки — это понятно. А почему везут самолетом кирпичи?

Зина качает головой: «Откуда мне знать?» Борис пожимает плечами.

И вдруг среди гор и лесов мелькает что-то знакомое, желтое. Да ведь это барханы!

— Зина, смотри, барханы! Вот, с моей стороны.

Желтое море песков плывет под самолетом, волны гребнисто вздымаются над мертвой равниной. Они кажутся бегущими в обрамлении редких сосенок. Кажется Зине, что вот сейчас выплывут из-за барханов степенные верблюды, пошагают по песчаному морю.

Барханы исчезают так же быстро, как и появились. Из-за леса показывается река, новенький поселок в одну улицу. Домов двадцать-тридцать. Рядом аэродром, окруженный пнями, мертвыми деревьями. А дальше опять лес, горы и лес, горы...

Пилот мягко сажает свой зеленокрылый самолетик. Борис и Зина прощаются с летчиком, благодарят его за выручку. Тот загадочно смотрит на Зину, улыбается золотыми зубами. Улыбается ей, а говорит Борису:

— Смотри, парень, как бы жену не свистнули. Есть тут отчаянные.

— Спасибо за совет, куплю ружье на всякий случай.

— А контора там, — пилот показывает на старенький домик.— Счастливо строить, каменщики!

2

Строительная контора помещается в последнем старом домишке, предназначенном на слом. Начальник участка, пожилой мужчина, в очках, быстрый в движениях, ищет на столе какую-то бумажку, наверно, очень нужную. Смуглые руки в прожилках попеременно шарят на обоих концах стола. Стриженная голова соответственно покачивается из одной стороны в другую.

— Черт знает, куда делась! Пропади они пропадом, бумаги эти!

Наконец он замечает Бориса и Зину. Лицо его преображается.

Начальник изучающе смотрит на одного, на другого. «Молоденькие, совсем молоденькие, — качает головой.— Ах вы, птички-пеночки!»

— Слушаю вас. — Голос у начальника тихий, мягкий. И весь он такой близкий, домашний — не хватает только чая с кренделями. Уж их-то он понимает. Ох, как понимает! — На стройку приехали?

— Да, прилетели, — бодро начинает Борис. — Как известно, она объявлена в директивах съезда партии. Так вот, каменщики мы. Она пять домов построила, я — десять. Не сомневайтесь, у нас высшая квалификация.

— Каменщики? — Начальник поворачивается к Борису. Ему кажется, что он ослышался.

— Ну да, каменщики, — теперь удивляется Борис. — Нам сказали, у вас их не густо.

— Верно, верно, — встает начальник. — Давайте знакомиться: Курьянов Ефим Изотыч, начальник строительного участка.

— Ферко Борис. А это — Зина.

— Муж и жена?

— Угадали.

— Хорошо! Очень хорошо! — ободряет их Ефим Изотыч. Глаза его снова живы-молоды. Что-то он решил про себя, что-то важное. Давайте ваши паспорта, трудовые книжки. Так, так... Ну и хорошо, ну и отлично! Деньги у вас есть? Совсем здорово! Первым делом поедите, вторым — устройтесь с жильем. Поесть можете в столовой, а жить будете по адресу: улица Таежная — она же пока единственная, — дом номер восемь. Спросите Дину Дмитриевну. Она вас и определит. Вопросы есть, птички-пеночки?

Какие вопросы? Все ясней ясного. Решилось, лучше не надо. А они-то боялись: с жильем будет худо. Одинокому так-сяк, а семейным всегда туго. За работу не сомневались: каменщик везде — нужный человек.

В столовой супруги удивились всяким разносолам. Поди ж ты! Край земли, а кормят, как в приличном ресторане. Щи, пельмени, рыбный суп. Не из какой-то морской, своя рыба, речная, озерная. Мясо — оленина, чай по-забайкальски: густой и ароматный. Жуй, объедайся.

Решают шикануть на последние деньги. Завтра — на работу, а там — получка. Порции дают не городские. В городской столовой один раз куснул котлету, второй — собственный палец. А тут супу льют с краями, мяса гора горой кладут. Давно так не едали Борис с Зиной, с тех пор как вылетели из Канска.

Выходят наконец на улицу, осматриваются, теперь уже по-житейски. В руках Бориса чемодан и сумка. Зина несет черный портфель с блестящими застежками. Не велик скарб, чисто молодеженский. Разыскивают дом номер восемь, небольшой сборный домишко на две квартиры. Подумав, идут в правую половину, она поприветней, почище двором. Встречает их женщина средних лет с гладким зачесом седых волос. Здоровается запросто, будто знакомы они веки вечные. Приглашает в дом, показывает, где поставить вещи. Просит посидеть на диване. Она сейчас что-нибудь приготовит. Вскипятит чай. Так положено: посидеть за чаем, поговорить, познакомиться поближе.

Супруги Ферко переглядываются, пожимают плечами. За все путешествие не видали такого гостеприимства, такой обходительности. Да и квартира не похожа на гостиницу. Ковры на стене, холодильник, стиральная машина. Фотографии на стенах. А на них... Ефим Изотыч с Диной Дмитриевной. В разных позах, в разном возрасте.

Вот куда попали!

— Поели мы, Дина Дмитриевна! — Зина говорит громко, чтоб слышно было на кухне. — И чай пили по-забайкальски.

— Напрасно, — обижается хозяйка. — Может, отдохнуть хотите?

— Мы не устали, — смущается Борис. — А заежки у вас нету?

— Есть заезжая комната, да мест нет. Всегда нет, — извиняется хозяйка. — А у нас чем плохо? Поживете, сколь придется, а там, глядишь, и место выявится. Мы в одной комнате, вы — в другой. Поди, не поссоримся.

— Спасибо, вы такая добрая.

— Какая доброта, Зинушка! Обыкновенный долг гостеприимства.

Да вы располагайтесь, на диван ляжьте, поспите с дороги. А то я целый день протараторю. Ефим Изотыч с утра до вечера на работе. Там наговорится. Придет — языком не шевелит. А я с утра до вечера — молчком. Да вот в магазин сходить надо, к соседке забежать.

— А мы пока поселок посмотрим, и стройку.

— Поселок можно, а стройку не увидите. Она в горах, на Снежном перевале. Начинается только стройка. Место под нее расчищают, лес сводят.

Все трое идут по песчаной улице. Она тихая, малолюдная — теперь им понятно почему. Дина Дмитриевна с клетчатой сумкой сворачивает в магазин. Борис с Зиной спускаются к неглубокой речушке. За речушкой широко разлеглась желтеющая долина, вся в хилых тонких лиственничниках, в густом ернике с багульником. За ней извилисто поднимается высокий перевал, наверно, тот самый — Снежный. Мощно вздымаются гранитные утесы, кинжально режут остриями небо. Сизая дымка прозрачно прикрывает каменные глыбы. Похоже, в этих глыбах и спрятана руда.

Они робко берутся за руки, как ребятишки в детском саду. Сейчас им легко и радостно, нет того чувства неопределенности, что волновало их всю дорогу. «А как там, на новом месте? Где жить, где работать?» Не пропадут они здесь с такими-то людьми, будут у них и квартира, и работа. Хорошо тут, славно! А работы они не боятся нисколько.

— Ты что-нибудь понимаешь? — Зина встряхивает руку Бориса. — Только честно.

— Что именно? — недоумевает он.

— Да вот... Дина Дмитриевна, Ефим Изотыч... Квартира и прочее.

— А что? Простые советские люди...

— Ладно, идем купаться.

К месту купания надо идти огородами. Огороды у нюрбинцев чисто символические: грядка луку, моркови, свеклы, — и то не у всех. Каменистая земля родит плохо. Да и то, что родит, убивают ранние морозы. Приходится питаться привозными да сушеными овощами. С витаминами тут совсем плохо.

Зине вспоминается Украина. Вот где земля-землица! Чего только не родит она! Поля — колос к колосу, сады тяжелеют от груш и яблок, бахчи — от кавунов. Базары ломаются от овощей и мяса. Какая разная жизнь!

Они подходят к трем березкам, растущим на самом берегу. Рядом вырыт котлован для купания, виден немудрящий трамплин — творчество ребятишек: доска на крутом берегу и груда камней на другом ее конце.

— Купнемся, Бориска? — предлагает Зина.

— Не возражаю, — охотно соглашается он.

Без платья, в купальнике Зина кажется совсем девчонкой-подростком. В ней нет еще того обаяния женственности, что приходит с возрастом. Она только угадывается в небольших острых грудях, в ребячьих бедрах, во всей молоденькой статной фигуре. Зина понимает это, переживает, но не показывает вида.

Борис тоже не атлет. Ребята в училище называли его «сухопарым». Он подтянут, как бегунок-жеребчик, шит и кроен по мерке. Нет ничего лишнего, нет и недостачи. А рост у них почти одинаков.

— Тебе воду греть! — говорит Зина.

— Мне так мне. — Борис пробует трамплин. — Жидковат для меня, тяжеловеса. Обойдусь крутым бережком.

Он поднимает руки, бросается в глубину котлована. А через минуту прыгает в воду и Зина.

До училища они не знали друг друга. Может быть, не встретились бы и вообще, если бы не один смешной случай. Для Бориса он особенно памятный.

Они работали на строительстве заводского цеха, строили второй механический. Ферко стоял рядом с мастером, подавал кирпичи. Старый мастер, горбясь, лениво хлопал ресницами — засыпал на ходу. Ровно в двенадцать мастер Потапыч положил мастерок, сказал помощнику, чтобы тот продолжал сам. Незаметно кивнул Борису. Ферко пошел за Потапычем.

Дело знакомое: надо сбегать в магазин, купить поллитровку. Ребята знали привычку мастера опохмеляться в понедельник, выполняли его приказ безропотно.

В этот понедельник была очередь Бориса.

Завод охранялся, поверх забора тянулась колючая проволока. Потайные лазы охрана вовремя забивала. Оставался один путь — через проходную.

Борис сказал, что идет в контору по вызову отдела кадров. За проходной свернул за угол, шмыгнул в магазин. Минутное дело — купить бутылку.

Он шел назад, соображая, как быть дальше, и тут на глаза попала девчонка в спецовке, с крапинками известки на лице. Ферко, признав в ней своего брата, тотчас вспомнил, что видел ее на концерте художественной самодеятельности. Что-то в ней привлекло уже тогда внимание Бориса.

Спросил, куда она идет.

— В проходную.

Она тотчас заметила, что несет Борис.

— Слушай, — он остановил ее за рукав, осененный внезапной мыслью. — Есть просьба: пронеси бутылку.

— Не рано ли ты начал опохмеляться? — Ей определенно не понравилась просьба Бориса.

— Не мне это, мастеру. Возьмешь или нет?

Он знал, что назвать ей фамилию мастера ни в коем случае нельзя. Тут же разнесется по заводу. Потапыча могут строго наказать, уволить даже. Но прежде чем его уберут, он десять раз выпитися на ученике. И не принести водку нельзя, никто еще не возвращался с пустыми руками.

— Куда же я ее положу? — она сверкнула золотистыми глазами, уморительно выпятила губы.

— Придумай. — Он отвернулся, не желая знать тайну.

Она сунула бутылку куда-то. Но что-то не получилось, бутылка выскользнула и брякнулась на асфальт, разбилась. Мокрое пятно быстро расплозалось по асфальту, винный запах ударил в ноздри.

— Разиня! — Ферко сжал кулаки. — Была бы ты парнем, грохнул бы между глаз. Заест меня Потапыч.

Он даже не заметил, как проговорился.

— Не заест. — Она посмотрела на него тем же внимательным взглядом. — Может, все к лучшему.

Они могли вернуться и купить новую бутылку. У Зины деньги были, но она молчала и все глядела на него.

Он, сунув руки в карманы, зашагал к проходной. Она пошла за ним, размышляя, что скажет теперь парень мастеру и что думает о ней сам парень.

Ферко признался Потапычу, что нечаянно разбил бутылку невдалеке от проходной. Если не верит, может пойти посмотреть, лично убедиться.

Мастер ничего не сказал. Но, когда шел на обед, завернул на то место. Стеклышки, сияя, грелись на асфальте, и этикетка болталась на одной из стекляшек.

С тех пор Борис и Зина не теряли друг друга из виду. Конечно, не глупая эта история сблизила их. Обоим нравилась скромность друг в друге, жажда лучшей жизни. «Гореть и не гаснуть», — сказала как-то Зина.

Они поженились через два года после окончания училища. Оба работали в разных концах города. Жили в разных общежитиях. Но часто встречались на танцах, в кино, в театрах. Зина выписала для него журнал «Советский экран», с трудом сумела подписаться. Ужас, как все хотят быть артистами!

Приходит Борис с работы, а на кровати — журнальчик. На последней странице — точный адрес; улица, номер дома, фамилия, имя, отчество. На обложке — советская суперзвезда, томные глаза в половину лица, русалочьи косы с золотым отливом, космогонический взгляд. Твой журнальчик, бери, читай, наслаждайся.

Ну, он понял, чьих рук дело, придумал ответный ход: выписал ей «Хоккей-футбол», чего она терпеть не может. Встретились, посмеялись. В тот вечер он и сказал, что любит ее, надо им пожениться. Она ждала такого признания, однако растерялась.

— Так просто?

— А зачем усложнять. Ну, если хочешь, пришло сватов с полотенцами через плечо. Поговорим о приданом. Есть у меня лишний мастерок.

До чего же забавный был Борис в тот вечер! Смешной, нахохленный, ершистый. Такого она и полюбила: не рохлю, не мямлю — настоящего мужчину.

И началось, одно общежитие пошло на другое. Комсомольцы не упустили случая сделать свадьбу комсомольско-молодежной. Все было, как следует: заге, росписи, кольца, шампанское. Строгая красивая женщина с лентой во всю грудь произнесла мудрую речь про супружеские, житейские обязанности. Свидетели были с той и другой стороны. Пospорили, где делать свадьбу: в ее конце города или его. Ее сторона перетянула, Борис понял: женщине всегда нужно уступать дорогу.

Заарендовали кафе на полный вечер. Ребята по дню на разгрузке отработали, зашибли денежку. Заказали еды столько, что половину хоть домой уноси.

Речи произносили только в стихах. Тут Борисово общежитие блеснуло — умом и стихами. Что ни оратор — поэт-мыслитель.

И Зинино общежитие кое-что имело в резерве. Вдруг все исчезли куда-то и появились в опереточных нарядах. И ну выдавать арию за арией. Голоса, конечно, на уровне домашней самодеятельности. Зато все от души, с темпераментом.

В разгар веселья жених произнес программную речь. Не в стихах — для него сделали исключение. А сказал он вот что:

— Спасибо вам, ребята, за дружбу, за помощь, за доверие. Мы эту свадьбу не забудем до конца своих дней. Как бы трудно ни пришлось. Завтра мы уезжаем в свадебное путешествие — на Забайкальский Север. Есть там одна знаменитая стройка, посмотрим на нее. Понравится — останемся. Вы уж извините.

Никто особенно не возражал, пусть едут. Молодых всегда тянет

в неведомые края. Не понравится — вернуться. Зато романтика: свадебное путешествие на стройку коммунизма.

Была в этой истории и детективная сторона. Дело в том, что невеста ни сном ни духом не знала о предстоящем путешествии. Борис такой экспромт сочинил, что всю жизнь мог перевернуть. Так оно и оказалось впоследствии.

Зине, понятно, стало обидно: как же без ее согласия. Хотела возмутиться принародно. А когда подумала, согласилась. Это же здорово: Бориска верит в нее, значит, и она с ним готова на край света!

3

Вечером за чаем Бориса с Зиной ждут первые неприятности. Никакого комбината в Нюрбе, оказывается, нет. Будет он года через два-три. Специалисты — каменщики стройке пока не нужны. Своего кирпичика в поселке нет, возят его сюда самолетами на самые крайние нужды — печь, скажем, сложить. С жильем, как и обычно на северных стройках, туго-претуго. Вот такая жизненная картина!

Никто вроде и не виноват в этом, кроме бессовестных вербовщиков. Вот уж вруны так вруны! «Для красного словца не пожалеют ни матери, ни отца». Насулят тебе золотые горы, молочные реки, кисельные берега. Лишь бы заманить человека да выполнить свой план и получить, что причитается. А там лес не расти. Ну, предупредят, если уж кто слишком зарвется. Так он же себя утешает: не для себя старается, для стройки. А потом — Север есть Север, нянек и мамок штатом не предусмотрено. Знаешь сам, куда рвешься! Ну, и терпи, не скули по-собачьи.

Впрочем, не все вербовщики такие вруны, — это тоже верно.

Словом, точки зрения разные, а суть одна: комбинат надо строить. И без трудностей, без неудобств тут никак не обойдешься.

— Почему же нам сразу не сказали? — Борис отставляет стакан.— Мы бы улетели обратно.

Рассказ начальника участка потряс их голой откровенностью. Все можно простить, кроме одного: почему им не сказали, что тут не нужны каменщики? И Ефим Изотыч хорош: принял их по-царски, а потом — ледяной душ. Такая игра не по нраву Борису. Выходит, не такие уж простачки Ефим Изотыч с Диной Дмитриевной.

— Это правда, покривил я душой, — начальник снимает очки, придавливая пальцами набухшие веки. — А с другой стороны, смотаться отсюда никогда не поздно. Денег у вас на дорогу все равно сейчас — нет? Хочешь — надо зарабатывать. А там видно будет. Жизнь, она, ох какая вертучая.

— Зачем ты их стращаешь? — корит его жена. — Поживут, подумают. Может, другая работа им по душе придется. Молодым все по плечу. Мы с тобой так же начинали.

Глупая-глупая история. Хитрые силочки расставил вербовщик. Как сейчас видит Ферко впалое лицо краснбая, его бегающие глазки. Говорил, говорил, играл голосом, взмахивал ручками. Все казалось убедительным, ничто не вызвало сомнений. Никаких неясностей до этого вечера. Комбинат? Ну, конечно, работает на полную катушку! Городок поднимается, как тесто в квашне. Каменщики? Да где они не нужны! Строители в Нюрбе на вес золота. Опять же политика: стройка записана в директивах партийного съезда, имеет первостепенное значение. Заработок само собой. Здесь получаешь сто, там — двести. Премияльные, тринадцатая зарплата. Двойной отпуск. Будешь работать с огоньком — озолотишься.

Попался бы им сейчас этот субчик-голубчик! На обратный проезд вытряс бы денежки из своего кармана.

— Вербовщик — сволочной мужичонка, — соглашается Ефим Изотыч. — Но, коль так случилось, не грех вам поработать на нашей стройке. Авось и приживетесь. Есть другие специальности, кроме каменщиков. Неплохие, скажу вам. Подумайте, сразу не решайте. Поспешность з таких делах — одна вредность.

— Все ясно,— решает Борис. — Вы здесь ни при чем. Если можно, мы пойдем спать.

«Спать» сказано для хозяев, чтоб поскорей отделаться от них. Всю ночь за стенкой слышится приглушенный спор: улетать им или остаться? И Ефим Изотыч с Диной Дмитриевной всю ночь не могут уснуть: каждый по-своему думает о птичках-пеночках.

Утром Борис решил пойти к Ефиму Изотычу попросить денег на обратную дорогу. Прежде они с Зиной осмотрели свои вещички: увы! — продавать им было нечего. Взяли с собой лишь самое необходимое. Да и кто тут что купит? Ходить по домам? Зина сказала: «Нет! Делай что хочешь, только не это».

Из домиков выходят рабочие, большинство холостяки. Наскоро обедают в столовой, берут провизию до субботы — сухим пайком. Только в пятницу — на субботу и воскресенье — вернутся они в поселок со Снежного хребта. Пять дней будут жить в тайге, в палатках, под низким небом, на горном воздухе.

Кургузые МАЗы и КраЗы грузно тормозят возле конторы. Ефим Изотыч в синей робе бегаёт от машины к машине. Две бригады едут на восточный склон, две — на западный. Остальные — на вершину хребта, на Снежный, на разные участки. На Снежном выбрана площадка для обогатительной фабрики, там главный фронт работ.

Борис проходит хлебопекарню, минует магазин — он еще закрыт, на дверях две железные полосы крест-накрест, схваченные замками. У столовой, возле поленицы, пожилая женщина орудует колуном. Это тетя Клаша, посудомойка из столовой. Когда нужно наколоть дров, просят ее, потому что остальные заняты. Повара не могут оторваться от плиты, Сенька-водовоз ленив и не аккуратен. Молодой парень, а обленился дальше некуда.

Клаша колет дрова своим способом. Берет несколько поленьев, ставит их кружком так, что сама оказывается в середине. Выбирает расколотую чурку для разгона — взмахивает топором. «Бах! Бах! Ах! Ах!» — сливаются воедино удар топора и голос.

Колет она чурки по очереди, кружась на одном месте. Забавно кружится, как шаман в танце. А задохнется, садится на круглый толстый чурбак и отдыхает.

У нее землистое лицо, с синими прожилками, дряблые руки. Ей не хватает воздуха, и руки подрагивают от усталости.

— Дайте-ка инструмент! — Борис берет у женщины топор. Ставит чурку «на попа», левой рукой придерживает за край. Правой с полного маха бьет по другому краю. Раз, второй, третий. Все, готово дело!

Со звоном, играючи, отскакивают поленья, поднимаются вокруг горой. Тетя Клаша удивленно помахивает головой, повязанной черным платочком.

— Ты бы вон те кругляши поколод, — она кивает на разбросанные чурки. — Жилистые они, витые-перевитые. Их не только мне — мужику не под силу.

Маленькая хитрость насчет мужиков распаляет Бориса. Он при-

глядывается к толстым чуркам, прикидывает, как бы не опрофаниться.

— Можно и кругляши, — решает он. — Начну с этой, коряжистой.

С коряжистыми посложнее, тут нужна другая тактика. Главное — определить слойность и колоть по этим слоям. Сосна, лиственница — дело попроще, а березовый кряж вымучит, если попадешь поперек слоя. Вязкое дерево, колуном и то не всегда возьмешь.

Пока Ферко расправляется с чурками, тетя Клаша приносит ковшик квасу.

— На вот — попей.

Хороший квас делают в столовой, с изюмом. Интересно, откуда изюм берут в этой глуши?

— Не знаю, как вас зовут-величают?— говорит Клаша.

— Борисом зовут. Фамилия — Ферко.

— Кажись, новенький?

— Вчера прилетели. Мы с женой каменщики. А здесь кирпича, оказывается, и то нет.

— Нету, нету, — кивает женщина. — Тут одно дело — лес корчевать. На самом юру, на снежном пупке. Тяжелая работа, ну и получают прилично. Мой муженек там был, его лесиной придавило. Второй месяц пошел. Куда же вы теперь?

— Обрато полетим.

— Значит, запасливые, — она берет ковш у Бориса. — Многие из тех, кто сюда прилетают, деньги на один конец имеют.

— Мы тоже в таком положении.

— Во-во, я сразу почувяла. Смотрю, смурной парень идет, глаза вниз, будто кошелек ищет. А ты не стесняйся, много тут летунов разных. Не ты первый, не ты последний. Веришь, как уток в весенний прилет. Утки, те до осени остаются, а эти фырк сюда, фырк обратно.

— Мы бы остались, если бы каменщиками.

Клаша, жалеючи, смотрит на Ферко. Такой молоденький, мальчишечка совсем. Наверно, только-только училище кончил, может, поработал год или два. Жена поди такая же. Не живется им с отцами да с матерями.

— А коль не каменщиками? — осторожно спрашивает она.

— Не знаю, трудно будет.

— Трудно — это правда. Спервоначалу. Мой тоже с трудом привыкал. Приедет домой — лежит влужку. Потом отходит. И ты пообвыкнешь. Вон чурки шелкаешь, как белка орехи. Рука набита. Если сучья обрубать — милое дело.

— Меня учили дома строить. — Он смотрит, как разъезжаются машины. Ефим Изотыч садится в газик, трогает за последним КрАЗом. Надо же, прозевал начальника. — А сучки пусть рубят другие. Дайте-ка топор, доколю остальные чурки вам.

Случилось то, что происходило здесь со многими. Борис и Зина остались в Нюрбе. На полмесяца, самое большое — на месяц, как думали они. Ефим Изотыч, любезный во всех других случаях, на этот раз оказался неуступчивым.

— Денег вам на обратную дорогу не дам, не обижайтесь. Не могу поощрять летуновскую практику. Как вышло, так вышло, что ж теперь плакать. Профессия — дело наживное. Главное, совесть у вас будет чиста. Не сойдется с тайгой-матушкой — другой табак, тут уж ничего не напишешь. А попробовать надо.

Они решили остаться на небольшой срок. Бориса брали подсобным рабочим в столовую, Зину — посудомойкой. Поселились супруги

Ферко в темной комнатухе, в холостяцком бараке. Распорядился так сам Ефим Изотыч.

Комендант-служака отдавал комнатуху чуть ли не плача. Будто расставался с трехкомнатной квартирой в большом благоустроенном доме. Выяснилось, что он тоже принимает их за летунов и презирает по той причине. А ведь комнатка предназначена для кадровых рабочих.

Борис подумал, что зря пошел работать на кухню и вообще напрасно они остались в Нюрбе.

Должность у Ферко необременительная: наколи дров с утра, вынеси очистки, пособи кладовщику, когда он отпускает продукты. И — свободен до обеда, пока снова не позовут на кухню. Лобастый плут Санька по-прежнему воду возил с опозданием, повара не во время готовили завтрак. Рабочие из-за этого нервничали, ругались, жаловались Ефиму Изотычу. В конце концов начальник вытурил водовоза, вручил его имущество Ферко. Возить воду Борису было не в тягость, но смущала езда по поселку. Бывало, и мальчишки кричали обидное, и женщины подпускали шпильки. Зина тоже была недовольна.

Неизвестно, чем бы все кончилось, если бы нового подсобника, его сноровку не заметил бригадир лесорубов Доржиев. Он стоял, курил, искал глазами машину и наткнулся взглядом на Бориса, когда тот по привычке ловко расправлялся с чурками. Юндун подошел, попробовал сам колоть — не получилось, как у Ферко. Хмыкнул, чаще засосал папиросу.

— А ты ловкий парень! Иди к нам.— Он завистливо посмотрел на руки Бориса. Вроде щуплые, а хваткие. Оказывается, дело не в силе.

Борис впервые видел Доржиева. Он подумал, что Доржиев казах, но вроде и не похож.

— Я бурят, из Агинска — сказал тот. — Мы лес корчем на Снежном. Комбинат там строить будут. Слыхал?

— Слышал. Только я — каменщик. Когда нас сюда вербовали, сказали: тут будет каменный город. Другой специальности у меня нет.

— Бывает, обманывают, — согласился Юндун. — Худлар по-нашему. Я одному такому врало шею намылил. После он ушел с этой должности.

Доржиев не успел досказать — подошла машина. Юндун прыгнул в кузов, привалился к кабине. Обернулся и крикнул:

— Надумаешь, приезжай!

Они опять совещались в своей каморке. Зина вдруг сказала:

— А что? Ты попробуй. Не могу видеть тебя на водовозной бочке. Фартука не хватает и усов. Был бы второй дядя Кузя из фильма «Волга-Волга».

Но и оставаться в одиночестве ей не хотелось. Она почему-то боялась того пилота с Ли-2. Уж больно по-мужски он смотрел тогда на нее.

Правду говоря, денег им на дорогу хватило бы. Тетя Клаша обещала еще подзанять. Но была на их пути одна «колдобина», какую не объедешь на водовозной кляче. «Колдобина» эта — Ефим Изотыч, сердобольный их начальник. Негоже было отвечать на его приветливое отношение гольным свинством. Борис склонялся к тому же, что и Зина.

— Буду приезжать на субботу и воскресенье. Всех рабочих возят в поселок.

— А пять дней одна?

- Не пять. Приезжают вечером на субботу.
Вот они, молодые, берегут каждый час семейной жизни.
— Я пока к тете Клаше попрошусь. Найдется у нее какой-нибудь уголочек.
— Не надо, — сказал Борис. — Я же к тебе приезжать буду.

4

Тот понедельник, когда их привезли на Снежный на трех МАЗах, Ферко помнит отчетливо. Люди знали свои участки, разъехались по двое, по трое. Каждая бригада работала в пяти-шести километрах одна от другой. Доржиев, взвалив на плечо любимицу лесорубов «Дружбу», шагает не спеша, буровит ногами снег. Борису он отдал топор с буквами «В. Д.» на топорнице. Борис показывает на буквы: «Чей?» — «Одного бича, вчера улетел».

Бич — временный рабочий в тайге, шабашник. Но шабашник остревенелый, который нередко скрывается от правосудия. Что заработает, то проплет. Слетает «на материк», выхлопнет карманы и снова тут, как грач по весне. Улопотно с такими работниками Ефиму Изотычу, а делать нечего: принимает, увольняет. Работать-то кому-то надо!

Их участок недалеке от черной россыпи. У других бригад свои «обжитые» места, свои палатки. Юндун для своей бригады сумел ухватить место у дороги.

Ребята соревнуются друг с другом, каждую субботу подбивают бабки. Бригада Юндуна в этом месяце в отстающих. Как ни пыжятся Доржиев с Дугинцом, не могут догнать ушедших вперед соседей. Норму выполняют — ее все выполняют. А передовики по сто пятьдесят рубят в среднем. Попробуй потягайся с ними.

Во многом виноват бывший третий спарщик: работать он ленился, а выпить был большой любитель.

— Давай! — машет Борису рукой Юндун. — Я пилю, ты обрубаешь. Артем возит. Не отставать друг от друга!

Чего проще. Доржиев говорит, а сам думает о Борисе: «Не подкачал бы ты, брат. Сколько можно ходить в отстающих? Стыдно на людей смотреть».

Сразу за россыпью белеет широкая поляна. Ее расчистила бригада Юндуна. Дальше шумная стена сосен и лиственниц. Лиственниц здесь гораздо больше, пилить их куда труднее. Это Борис знал, потому что приходилось уже ему иметь дело с лесом.

Первая лиственница — толстая, лохматая, в полнеба высотой. Могучие ее корни, как мускулы Лаокоона, впились в землю, оплетают камни, тянутся далеко в разные стороны. Нелегко придется корчевщику, нелегко будет выволакивать кряж и трактористу Дугинцу. А что есть легкого в таежной жизни?

Доржиев привычно оглядывает сосну, определяет, с какой стороны пилить. Заводит моторчик, врезает цепь в дерево. «Жи-жи-жи» — просыпается пила. «И-и-и» — отзванивает лес. «Бум-бум-бум!» — радуется топор.

Ферко, подняв голову, Смотрит на вершину. Шапка падает в снег. Он поднимает ее, нахлобучивает по самые глаза.

Дерево живет, качается, разговаривает с подружками. Но считанные минуты остаются до его гибели.

Вздрагивает могучий ствол, и вот оно клонится к земле всем телом... больше, больше. Звонко крякает, стремительно чертит небо и с грохотом падает под гору. Подпрыгивает сгоряча, еще живое, красивое. И замирает, подрагивая ветками.

— Ух ты! — выдыхает Ферко. — Махина!

— Шпарь! — ободряет его Доржиев. — Как говорят, не жарься и не мерзни.

Ферко постигает науку сучкоруба. Возьмешь с места в карьер — в первый же час запалишься. Важно не сбить дыхание, рубить размеренно, стараться попадать топором в одно место. Как говорит Юндун, соблюдать ритм в работе.

Борису приходилось с отцом пилить лес, рубить, колоть. Два года подряд нанимались они на заготовку дров для районной больницы. Тут, конечно, есть свои особенности: во-первых, сучки толщиной в руку, во-вторых, часть их лежит под деревом. Мало иметь силу, надо еще быть и акробатом, уметь подобраться половчее, рубить в неудобном положении.

Ферко подходит к комлю, становится к нему лицом. Так рубить удобней, легче. Тверже упирает ноги, поднимает топор вполмаха, бьет в толстенный сук. Топор звенит, отскакивает, будто от железа. Второй удар — то же самое. Только с четвертого удара сук падает на землю.

Эдак на одной лиственнице надорвешься, упадешь вместе с сучьями.

Первые сучья Борис обрубает медленно. Дальше сучья пошли потоньше, еще тоньше. Но когда кончаются тонкие, надо приниматься за вторую, третью лиственницы. Видно, сметлив был тот парень-бич, что оставил ему топор со своими инициалами. Неужто и Ферко придется сделать то же самое?

Спилив третье подряд дерево, Доржиев отдыхает. Впрочем, не столько отдыхает, сколько смотрит на работу своего сучкоруба. Что-то долго Борис топчется возле одной лиственницы: долбит, долбит в один сучок. Чудак! Это не дрова колоть.

— Не получается? — Юндун оценивает взглядом работу. — Давай покажу.

Доржиев рубит сучок наискось, топор ставит под углом. Удар слева, удар справа. Щела упруго взлетает вверх. Третий удар — и сук падает на снег.

— Так надо, — Юндун отдает топор Борису. — Пробуй!

Ферко повторяет прием Доржиева: рубит наискось, с уклоном. Сук отваливается с третьего удара.

— Молодец, понятливый, — кивает Юндун. — Мы их обгоним, вот увидишь. Галопом не скачи, скоро устанешь. Какая лошадь с места быстрее бежит, последней приходит.

Лошади — слабое место Доржиева: о чем бы он ни говорил, всегда свернет на торную дорожку.

До обеда Ферко почти справляется с нормой. Юндун, правда, подсобил немножко, чтоб не задерживать трактор. А так сразу видно: скоро научится. Было бы желание.

— Покажи руки, — Юндун смотрит на его ладони. — Мозолей нет, крепко топор держишь. Понимаешь, как надо. Хороший ездок знает, как на стремя упираться.

Обед у ребят скудный: хлеб, сало, колбаса. А так хочется горячего борща с мясом, чтоб дымился, чтоб внутри согрел. Да и силу наращивал на весь остаток дня.

Доржиев жует колбасу, мечтает о бухелёре. Колбаса мороженная, не укусишь зубами. А бухелер — жирный мясной бульон, нежная, вареная баранина. Очень хорошо мать бухелер варит, а еще лучше Хандама. Юндун всегда съедал две чашки и еще добавку просил. Вот как вкусно!

В полдень к лесорубам пришли Ефим Изотыч и Зина. Начальник участка — в шубе из кабарожки, в расписных унтах выше колен. Зина — в черном полушубке, в черных валенках. На ней теплые спортивные брюки, надетые поверх валенок. Наверно, Ефим Изотыч научил ее, как сделать, чтоб снег за голенища не сыпался.

Ферко, перестав жевать, удивленно взглядывает на жену. «Что надо ей в этом морозильнике?»

— Вот вам повариха, — говорит Ефим Изотыч, счищая сосульки с усов. На пять бригад будет готовить сразу. Дадим машину, чтобы развозить по полянам горячую еду. Между прочим, она сама сюда попросилась. Энтузиастка.

— Хорошо делаешь, — Юндун прячет остатки колбасы. — Бухелер варить будешь. После работы козу стрелять пойду.

— Я ее на тракторе буду катать, — обещает Артем. — Бесплатно. В рамках совета экономической взаимопомощи.

Ферко молчит, думает, что же все-таки случилось. Наверняка не сама она сюда пошла, врет Ефим Изотыч. Одно дело — мужчине ковыряться в лесу, другое — женщине. Опять же одна среди мужчин... Так почему же все-таки?

Ферко не считает себя ревнивым, но иногда задумывается. Тот легчик-молодчик подбросил огоньку. Как он сказал? «Смотри, как бы жену не свистнули». В самом деле, вон они какие красавцы — Артем, Юндун.

— Ты что молчишь? — Зина заглядывает в глаза мужу. — Не одобряешь?

— Одобряю. Решила, значит, так надо. Будем жить вместе.

Зина варила хорошо, умудрялась стряпать разнообразную еду.

Потом на машине разъезжала по бригадам. Но первыми кормила своих и наливала, не жалея. Доржиев трудился ложкой не хуже, чем пилой. Артем кушал деликатно, но от добавки не отказывался. Меньше всех ел Ферко, и это удручало жену. Есть повод для зубоскальства: «Любовью сыт». Но ребята не донимали их глупостями. Артем разбирался в этике, Доржиев сам до этого дошел. «Лошадь обижается на плохое слово, человек совсем обидится».

— Теперь мы всех перегоним! — сказал Юндун, когда Зина привезла им бухелер, сваренный из добытой Доржиевым козы. Сказал и сделал: сто семьдесят процентов вытянула его пила. Сто двадцать отстукал топор Бориса. О Дугинце говорить нечего: гонял трактор на высокой скорости.

— Ты молодец, — сказал вечером жене Ферко. — Вдохнула в нас силу.

— В тебя не совсем, — она намекала на его проценты.

— Я их догоню, вот увидишь. Что у тебя произошло в поселке?

— Ничего особенного.

Он не стал расспрашивать. Не говорит, не надо — ее дело.

5

Наверху, на самом хребте, ветер сильнее. Сначала он дул слабо, с западной стороны. К обеду порывы стали чаще, а сейчас и не поймешь, откуда налетают они, кидают в лицо снегом, ледяют руки, хлопят тело под ватником.

Приходится двигаться быстрее, согреваться работой.

Ферко замечает, как подплывают темные тучи, кружатся над лесом: как рвутся они, лохматятся о сосны и лиственницы. Теперь не

макушки деревьев — стволы гнет холодный ветер. Тревожный гул проносится по каменному хребту.

Обрубая сучья, Борис торопится, взглядывает на небо, вытирает потный лоб. Последняя лиственница попала толстая, ветки — в руку толщиной. Пока доберешься до кроны, попотеешь изрядно. Отдыхая, Борис тянет ноздрями хвойный воздух, смешанный с влагой. В эту минуту он чувствует: вот-вот повалит снег.

Все ветки обрублены, толстая лиственница стала обыкновенным длинным бревном — хлыстом по-таежному. Справа и слева тонут в снегу разлапистые ветки, их много, они лежат друг на друге. Будто гигантская птица пробежала здесь и наследила. И еще кажется, что лежит подстриженный человек-великан, а вокруг валяются длинные зеленые космы на белом снегу. Ферко фантазирует, сравнивает людей с облаками, со скалами, даже с кедром-стлаником. У каждого из них свой характер.

Практичная Зина осуждает мужа, называет его «блаженным Ферко». Борис посмеивается, но фантазий не оставляет. И, в свою очередь, зовет жену «рационалисткой».

Ферко вытирает пот жесткой рукавицей, ищет глазами Юндуна Доржиева. Тот стоит возле пня с бензопилой в руках, раздумывает, к какой теперь сосне податься. Плотный, коренастый, небольшого роста, он сам похож на лиственничный кряж.

— Кончай, бригадир! — Ферко вытирает блестящее лезвие. — Видишь?

Юндун тоже замечает низкие тучи, первые беспокойные снежинки. Они летят косо, крупно, слепо кружатся между деревьями. Незаметно садятся на сосны и лиственницы. С каждой минутой густеет белесая темень, деревья начинают сливаться в сплошную гудящую стену.

Доржиев запрокидывает голову, поддерживая шапку рукой. Черные узкие глаза его становятся еще уже. Он видит, как мечутся кроны, как туманятся снежные головы сопок и как садятся на них разорванные тучи. «Эти тучи принесут пургу, — решает он. — Надо торопиться».

Юндун взваливает на плечи бензопилу, берет топор, спешит к трактористу. Подходит к нему в тот момент, когда Артем Дугинец начинает пятить трактор к хлыстам. Черное лицо Артема в напряжении, глаза смотрят в одну точку. Рысья шапка, сбитая набок, стожком сидит на его крупной голове.

— Стой, Дугинец! — Доржиев отворачивается от ветра. — Езжай к палаткам. Зину не забудь.

Юндун вытирает лицо рукавом, масляные полосы проезжают по щекам. Зина смотрит на них, белозубо смеется над бригадиром. Когда она смеется, глаза ее притягивают взгляды ребят. Такие глаза нравятся Юндуну. И не только ему. Дугинцу — тоже. Лучистые глаза делают Зину симпатичней, задорней. Она, говорит Доржиев, напоминает ему кокетливых женщин их села. Дугинец крутит головой, но Доржиев настаивает: «Не спорь, Артем, я знаю. Наши степные женщины кокетливы. И моя Хандама такая».

До палаток можно пройти по каменному хребту, спуститься потом по узкой тропе, пересечь каменистую россыпь. Дугинец с Зиной поедут дальней дорогой, километров на шесть дальше. И та дорога не мед. проклятая дорожка. Везде камни в человеческий рост. «Вместо цветов растут, — смеется Артем, — вместо грибов».

Пока трактор дотащится, Борис с Юндуном быстренько добегают до палаток, вскипятят чай, сварят чего-нибудь на скорую руку. Поедят лесорубы, согреются, пораньше лягут спать.

Конечно, жаль, что пошел снег, никто из них не выполнил норму. Доржиев должен был свалить еще несколько лесин, Борис — обрубить сучья, Артем — отвезти хлысты километра за три в сторону, к основной дороге. Приедет начальник участка, начнет выговаривать. Так-то он человек добрый, но, если дело касается норм, никому не дает спуска. «Ну, — скажет, — помешал снег, так он не числится ни в каких планах». Не числится, а работать нельзя. Ты валишь сосну в одну сторону, а ветер — в другую. Да на тебя упадет или на друга. Пили и жди несчастного случая.

Все это по-человечески объяснимо. Но и от факта не уйдешь — совесть не спокойна.

Внешне Ферко отличается от Доржиева: он ниже ростом, уже в плечах, угловатый в движениях. Угловатость Борису придает необъяснимая его робость. А, впрочем, почему необъяснимая? Она происходит оттого, что Борис не освоил пока свою специальность, нет у него привычки к лесу. Вроде бы простая это штука, а даром не дается.

Снег, густой, крупный, летит наискось, полосами. На открытых местах метет вкруговую, слепит глаза, прерывает дыхание. Ферко видит широкую спину бригадира, ватник, заляпанный снегом. Юндун идет, раскачиваясь, крепко ставит ноги, врезается в снег не прямо, а боком. Степная привычка скотовода, вечная борьба с непрошеным ветром.

Борису трудно поспешать за Юндуном: шаг у бригадира широкий, он таранит снег, как сохатый кусты. Вся беда в том, что у него шаг в шаг не входит, все равно Борис бредет по целине. Но все идти лучше, не секут лицо снежные хлопья.

Слева от них погромыхивает трактор Дугинца. Метрах в тридцати-сорока. Отсюда, от скалы с маятной березкой на ветру, дороги их разойдутся. Трактор полезет вдоль по хребту до самого спуска, а они двинутся напрямую — через каменные россыпи. Придется прыгать по замшелым камням.

Тропу снег засыпает быстро, но это не страшно, вешки стоят надежные: скала, россыпи. Дальше пойдет ровное место. Лес там уже вырублен подчистую. На том месте и поставят будущий горнообогатительный комбинат. На самой вершине, на гранитном хребте.

Лес начисто зря вырубил, не подумали, как следует. Такую красоту подсекали! Попробуй посади здесь сосны да лиственницы! Березки здесь хилые, но все же — украшение. А кто их садить будет? Где времени взять? Доржиев не стал бы вырубать лес до последней сосенки. Хотя он и степняк, а тайгу любит. А сделал бы он как на Братской ГЭС: оставляли же там целые рощи. И в Ангарске оставляли. По-умному рещали, по-хозяйски.

На спуске с хребта начинаются каменные россыпи. По ним и в обычную пору ходить опасно, а в снежную коловерь тем более. Хоть они и в валенках, а все равно идти скользко. Доржиев сбавляет шаг, осторожно прыгает с камня на камень. Ферко спускается немного пониже, там камни поменьше, овальной. И все же, как он ни берегся, упал на самом выходе с россыпи.

— Осторожно! — Юндун помогает ему подняться. — Ушибся?

Ферко качает головой: «Все в порядке, удачно приземлился».

Три палатки едва видны на снежном поле. Маленькие, приземистые, с прогнутой серединой, с раздутыми боками. Не внушают они

доверия по первому взгляду. Но Доржиев не зря выбрал такие. Главное их достоинство — устойчивы против ветра. Может быть, ошибся он в другом: не надо было им ставить палатки на открытом месте. Однако место это имело свои преимущества: здесь не было камней и рядом проходила торная дорога. Она как бы опоясывала горную вершину.

В палатках собачий холод. Не раздеваясь, Ферко берет несколько лучинок, сует их в печку. Поверх кладет несколько Смоляных поленьев. Все приготовлено заранее. Лучинки вспыхивают мгновенно, огонь облизывает поленья, трещит, разгорается, начинает гудеть легко, с придыханием. Минута, другая — в палатке разливается живительное тепло.

Доржиев перематывает портянки. Утром он их не просушил как следует, и ноги мерзли весь день. Особенно, когда он стоял и пилил сосны. Странное дело: руки в работе грелись, а ноги мерзли.

— Что сегодня варить будем? — Ферко достает кастрюлю, набивает ее снегом. — Бухелер?

— Бухелер — хорошо, — Юндун тянет носом, словно чувствует уже жирный запах баранины. — Давай помогу.

Доржиев отрубает от бараньей туши несколько кусков, конечно, с ребрами. Мясо должно быть немного недоваренным, чтоб оно не потеряло вкуса.

Одной кастрюли снега маловато. Борис натаивает еще, обмывает мясо, кладет его в воду. Потом достает суп-концентрат в пакетиках, но не сразу сыплет его в кастрюлю, а дает повариться мясу. Повар он не ахти какой, но суп из баранины варить настропалился.

Палатка дрожит, трепещет от ветра, гулко хлопает полотнищем. Кажется, вот-вот она поднимется и полетит. Ветер все прибавляет, начинаются бешенные скачки. Снег валит не стеной, не полосами, — летит замысловатыми кругами. «Фюить, фюить, фюить!» — свистит ветер меж палаток. «У-у-у» — отзывается дальний лес. Стонет невдалеке, скрипит сухая лиственница.

— Откуда ты приехал на стройку? — спрашивает Доржиев. Он любопытен, как всякий степной человек. Любопытен, но не тороплив. — Я пришел сюда из агинских степей, возле монгольской границы. Знаешь? — сообщает он о себе.

Они работают вместе третью неделю, но поговорить как следует им еще ни разу не удалось.

Ефим Изотыч — начальник участка — привез Бориса Ферко в палатки, сказал:

— Это новый рабочий, надо его научить, как обращаться с лесом. И приласкать, чтоб не чувствовал себя на отшибе.

Насчет учения и ласки Ефим Изотыч сказал Доржиеву наедине, чтоб Ферко не обиделся. «Кто его знает, начнет строить из себя таежника». Но неожиданно обиделся сам Доржиев:

— Зачем так говоришь? Не знаю, что ли?

Теперь Юндун захотел поближе познакомиться со своим товарищем.

— Не знаю твоих степей, — Ферко опустил в кастрюлю ложку соли. Размешивал, пробовал на вкус выпяченными губами. — Мы с Зиной из Канска. Верней, я родился в Канске. А она — на Полтавщине. Мы поженились в моем городе. У нас, в Сибири, тоже степи, дай боже! Кулундинские, барабинские. Снега по грудь, метели — почище этой. Все ведьмы собираются на шабаш.

— А у нас снегу мало, — Юндун кочегарит в печке. — Зимой снег траву еле-еле закрывает. Правильно делает. Овцы всю зиму в степи ходят, ветошь добывают. Знаешь?

— Нет. — Борис поворачивает ухо, слушает. Ему показалось, что громыхнул неподалеку трактор. — У нас коровы и лошади в хлевах стоят. Жрут, успевай подкидывать. А косят сено, можно сказать, со слезами. Хорошо, если своя деляна есть. А нету — гуляй по оврагам, сшибай кочки. Что-то наших долго нет. Суп готов, а их не слышно, — затревожился он.

— Давай есть будем, — предлагает Юндун и режет хлеб, ставит миски на сосновый чурбак в обхват толщиной. Хлеб холодный, с изморозью. Надо, чтобы он хоть немного согрелся.

— Может, подождем все-таки?

— Есть охота. — Юндун берется за ложку. — Куда они денутся? Дорога здесь одна, на небо не улетят.

— Какая сейчас дорога? — Борис выглядывает из палатки. — Мотор может остановиться или бензин кончиться. Мало ли бывает случаев!

Они едят неторопливо. «Чаевать — не корчевать», — говорит Юндун. Без мяса силы не добудешь — это тоже известно. По второй уже миске наливают ребята. Едят с перекурком, с разговором. Говорят, пургу слушают.

Давно надо быть здесь Артему с Зиной. Два часа прошло, а езды тут — час от силы. Выходит, в самом деле у них что-то случилось.

— Я пойду, — Ферко тянется за ватником. — Где-то они сидят, кукуют. Надо же было Зине на трактор сесть.

— Куда ты? — Юндун тянет за рукав ватника. — Сядь, подумай. За два шага ничего не видно. Если что и случилось, — они в кабине трактора. Бензин есть, масло есть. Разожгут костер, пересидят пургу. Ты заблудишься, кто тебя спасет?

Есть резон в словах Доржиева. Ему, понятно, легче рассуждать. А у Бориса Ферко жена — хрупкая женщина, как лучинка.

— Артем же с ней, — Юндун угадывает мысли Бориса. — Дугинец таежник, знает, как надо поступать в таких случаях. Давай подремлем немножко.

Ферко ложится на раскладушку, закрывает глаза, расслабляет мускулы. Юндун прав, надо забыть хоть на несколько минут, дать отдых телу, мыслям. Куда сейчас пойдешь, на ночь глядя? Надо ждать утра. Как тяжело и глупо! А если случилось что-либо серьезное? Нет, надо идти, зря он послушал Доржиева.

— Лежи, Борис. — Юндун приоткрывает глаза. — Что им сделается? Говорю, все будет хорошо.

Ферко садится на край кровати, лицом к печке. Руки его в пятнах смолы, пахучей и липкой. На остром лице такие же крапинки. Обычно после работы он умывается снегом, оттирает смолу. Но сейчас ему не до умывания.

— Ты бездушный человек, — говорит Ферко и угрюмо смотрит на огонь. — Как ты можешь лежать, когда там...

— Что там? — Доржиев поднимает голову. В глазах его вспыхивает обида. — Ну, скажи!

Борис не отвечает. Ему ведь неизвестно, что там произошло. И в этом все дело.

— Я думал о тебе иначе, — произнес он после долгой паузы.

Теперь молчит Доржиев. Скулы у него напряжены, кадык перекачивается по горлу. Черные глаза сверлят потолок палатки. «Он ду-

мал обо мне иначе. Интересно, как? Ладно, ладно успокойся. Ты на его месте говорил бы так же».

Ветер свистит пронзительно, с волчьим завыванием. Снег бьет в палатку, скребет полотно, заглушает печное гудение. Плотная темень окутывает седую землю.

Ферко снова ложится на скрипучую кровать, размышляет о Доржиеве: «Не ответил, значит, обиделся. Ну и пусть, я сказал правду».

«Правду? — возражает другой Ферко, тот, поперечный. — Почему же ты сам не пошел? При чем тут Доржиев? Это ведь твоя жена осталась неизвестно где. Да, но и его друг — тоже. Брось делить на твое и мое! А почему брось? Нам надо было вдвоем идти!»

«Глупо, глупо, глупо! — стучит сердце. — Слюнтяй! Слюнтяй! Побоялся, послушался. Надо, надо, надо идти!»

Он забывается не скоро. Однако усталость берет свое.

6

— Лезь! — Дугинец подает руку Зине. — Увидишь, как мы их объегорим.

В кабине не так тепло, как ей думалось. Артем открывает боковые дверки для лучшего обзора. А обзор такой, что в двух шагах ничего не видно.

— Зачем открыл? — ежится Зина. — Уй, как хо-лодно!

— Для улучшения самочувствия. — Артем берется за рычаги. — Хотя дверцы тут — чистая символика.

Он грамотный, тракторист Дугинец, закончил среднюю школу и техникум. Читает словари, заучивает иностранные слова. Так пристрастился, что не может заснуть, чтоб не запомнить хоть одно. Никому это, однако, не известно: ни Борису с Зиной, ни бригадиру Доржиеву. Так иногда хочется блеснуть, выпалить что-нибудь. Они — иностранные слова — тоже нелегко даются, как и трактор.

Зина за эти дни прониклась уважением к трактористу. Парень веселый, говорун, песенник. Живет в тайге, а все новые песни знает. И сейчас он поет, только не разберешь что. А прислушалась и рассмеялась. Надо же, любитель вокала!

— Для дифференциации обстановки. — Артем наклоняется к ее уху. — Все в мире имеет свои противовесы.

Она кивает, хотя ей и непонятно, о чем это он говорит.

Артем чисто по-мужски красив. Нос, лицо, брови — все крупным планом. Наверно, он не понимает, что нравится женщинам. И она бы могла полюбить его, выйти за него замуж, если бы не встретила Бориса. Борис хороший, добрый, хотя и с характером. И фантазер. Начнет плести кружева, успевай разбираться.

— Замерзла? Придвигайся ближе! — кричит Дугинец. — Не стесняйся, я не кусчий.

Минут двадцать они едут по видной еще колее, потом уж нужно было вглядываться, определять, в какую сторону поворачивать. От Божьего пальца — так назвали скалу — и деревья по сторонам стали плохо видны. Ездил Артем тут всего раза три-четыре по самому хребту, по замшелым каменюкам.

Надо было ему решить: свернуть влево, в объезд, или же рвануть напрямую, мимо россыпи. Все-таки крюк получается солидный, а метель, похоже, входит в раж.

— Едем прямо, — решает Артем и протягивает руку. — Быстрой дома будем, на бухелер как раз поспеем.

— Езжай, как хочешь. — Зина придвигается к Дугинцу. — Холодно.

Артем не слышит ее слов, но догадывается по кивку, что она согласна. Ну, и правильно, сэкономим час времени, может, и полтора. И есть хочется. Приедут они прямо на горяченькое.

Трактор упрямо лезет на взлобок, переваливает, спускается в ложбинку. Здесь ветер не так злится, но снег валит гуще и падает отвесней. Деревья угадываются лишь по силуэтам. Дугинец впивается взглядом в дорогу, энергично двигает рычагами. Искосясь, взглядывает на Зину, любителю Борисовой женой.

«Миловидная жена у Ферко, — думает Артем. — Сумел подъехать к ней Бориска. Чем женщина берет мужчину? Лицом, фигурой, ножками особенно. Те, кто поискуснее — манерой: умением держаться. Иногда капризами. А эта — святая простота, деревенская Дуняшка. Да теперь и Дуняшек таких не найдешь. Наивна, как бурундук. Всему тут удивляется, расспрашивает: «А это что? А это как?» Будто девочка-первоклашка».

Первый раз, когда Зина приехала на Снежный и увидела палатки, она от удивления раскрыла рот: «Неужто в них живете?». «Живем, — сказал Юндун, — а что?». — «И ты, Бориска, живешь в палатке?» — «И я, а что?» — в свою очередь удивился муж.

Ребята заулыбались, а ей боязно. Жметесь-жметесь: «Вы же со-сультками сделаетесь!»

Артем заезжает на россыпи — сразу трактор трянуло! Он переваливается с боку на бок, ныряет в снег носом. Артем и Зина подпрыгивают на сиденьях, пригибают пониже головы. Не хватало еще стукнуться головой о железо.

Полюшко-поле,
Полюшко, широко поле,
Едут по полю герои... —

во весь голос кричит Артем.

Молчал, молчал и развеселился.

Песня у него получается рваная, будто не поет он, а икает. «Полю — ик, широко — ик...» Что ни встряска, то и икание. Заедает звук, как на испорченной грампластинке.

Наконец они проезжают и россыпь, ту самую, по которой шли и Ферко с Доржиевым. Только те пересекли ее понизу, а трактор переполз россыпь ближе к вершине. Теперь он немножко пройдет по хребту, по самой кромочке, и дальше уж прямо вниз на белые палатки.

«Ориентир на три лебедя», — говорит Борис. Палатки и впрямь похожи на лебедей, собирающихся взлететь. А Юндун даже сочинил песню: «Там, где белые палатки, прячут ноги куропатки...» На вопрос: почему только ноги? — отвечает уклончиво: «Моя песня, как хочу, так и сочиняю».

Артему приятно сидеть рядом с Зиной, они согревают друг друга боками. Хорошо все-таки человеку иметь жену, такую бы, как Зина. Ездил бы он с ней вот так, в кабине, с работы на работу. Жил бы в отдельной палатке, как супруги Ферко. Летали бы они со стройки на стройку. А потом закатились бы к матери на остров Путятин возле Владивостока, на Тихий океан. «Принимай, матушка, счастливую семейку, готовься нянчиться с внуком. А мы опять в бега».

...Девушки плачут,
Девушкам сегодня грустно...

На этой печальной ноте и обрывается голос Артема. «Дэтэшка» рывком клюет носом, круто, градусов под семьдесят. Еще мгновение — и трактор летит через голову. Тяжкий грохот потрясает лес. Ветер подхватывает гром железа и камня, мнет, рвет звук на части. «А-а! О-о! У-у!» — доносится до вершины. Людские голоса сливаются с ветром, тонут, заглушаются громом. И гаснут мгновенно.

Ветер уносит их дальше, дальше...

7

Ферко сегодня ночует в палатке Доржиева. К утру ветер поослаб, снег шел пореже. Борис за ночь трижды выходил из палатки. Деревья ухали, стонали, скрипели. Шумели разноголосо и беспрерывно. Смутно качались темные сосны, лиственницы. Когда ветер летел верхом, шуму становилось больше.

Ночь у них была кошмарной. Тому и другому чудились то крик Артема, то плач Зины. Когда Ферко задремал, из палатки выходил Доржиев. Стоял в шубе, в валенках, крутил лобастой головой, вслушивался в звуки бурана. Он лучше Бориса различал их. Замерзнув, Юндун забирался в спальный мешок, укрывался с головой. Согревался дыханием и все думал: «Что же случилось?»

Самое худшее, что могло быть: поехали напрямую по хребту и свалились под гору. Но Борису он говорит более утешительное: заглох мотор, а идти сюда побоялись. Сидят и греются у костра.

«У костра? Значит, их можно найти по огню?» — думает Борис.

— Есть костер, нет ли, не известно, — Юндун греет руки о горячую кружку с чаем. — Давай сделаем так: ты сиди здесь, я пойду в поселок, — предлагает он. Вездеход надо брать, людей. Без них ничего не сделаем. Ты сиди, никуда не ходи. Как бригадир тебе говорю.

— Почему ты пойдешь? Давай уж я!

— По праву начальника. Потому что я лучше знаю тайгу, знаю дорогу. Согласен?

Вообще-то да. Но почему он должен сидеть здесь сложа руки?

— Командовать всегда легче, — говорит Борис.

— Может, ты и прав. — Юндун понимает тревогу товарища. — Не будем спорить, Бориска. Хочешь, пойдем вместе?

— Нет. А если они приедут — обмороженные. Я уж встречу.

— Тогда сиди. — Юндун подтягивает ичиги, плотно обхватывает ремешками. — Очень прошу: сиди!

Легко одет Доржиев: ватник, ичиги, шапка. До поселка тридцать километров, дорога торная, широкая. Если бы не снег — пять часов ходу. Были бы лыжи... Эх, если б они были! Идти все время под гору.

Остается взять хлеба и мяса — на всякий случай. Где-нибудь он перекусит по дороге. Тут действительно потеряться негде.

— Сиди здесь, — наказывает еще раз Юндун. — Что-то с ними случилось, раз не могут прийти. Наверно, решили отсидеться, пока пурга. Пойдешь один — заблудишься, погибнешь. Понимаешь?

— Глупо все это, — ворчит Ферко.

— Глупо? Говори про себя. Придумай умнее!

Ничего Борис не придумал. Надо идти искать, и весь разговор.

Пусть Доржиев идет в поселок, а он повернет в другую сторону. Это он про себя так решил, Юндуну говорить об этом незачем.

Доржиев вскидывает на плечо двустволку, надевает рукавицы. Борис смотрит на ружье, и у него мелькает мысль: надо было бы выстрелить ночью. И сейчас. Ну, конечно, сейчас!

— Дай-ка три патрона, — Ферко берет ружье у Юндуна. — С картечью не надо, эти могут тебе пригодиться.

Три выстрела влетают в свист пурги, звучат глухо и недолго. Бесплезная штука при таком ветре.

— Баяртэ, Бориска¹ — Юндун протягивает руку. — Послушай меня, тала², очень прошу, сиди в палатке. Приедет народ, всех найдем. Не теряйся, пожалуйста.

Ферко провожает Юндуна до леса, ветер и снег летят им в спины. Это хорошо, быстрее можно дойти до Нюрбы. А там вездеход и люди. Там Ефим Изотыч. Можно взять собак, обязательно надо взять.

— С собаками сразу найдем, — обещает Доржиев. — Пока! — и тут же исчезает в продолжающемся снегопаде.

Борис возвращается в палатку, теперь он идет уже против ветра. Берет топор и спички. Жаль ружья нет, не успел купить.

Нужно решить, по какой дороге ему идти на розыски: по прямой или по той, что ведет в объезд. По той, дальней, они бы все равно сюда добрались. Значит, выходить надо на прямую, на самую кратчайшую.

Борис застегивает палатку, сует топор под ремень. Ощупывает карманы телогрейки: тут ли рукавицы. И, пригнув голову, ныряет навстречу снегу и ветру.

8

Снег валит, рыхлый, вязкий. Доржиев решает идти медленнее. Нужно соразмерять шаг с дыханием, иначе можно запалиться на первом же километре. Так с ним и бывало в первые годы. Не здесь, на других стройках.

Юндун Доржиев не сразу стал таежником. До семнадцати лет он жил в родном улусе, в агинских степях. Отец с матерью до старости пасли отары. Думали, что и сын сядет на лошадь, возьмет ургу — шест с петлей на конце — и продолжит их труд чабанов. Но сын подался в лесную сторону. Объездил все Забайкалье, немало свалил сосен и лиственниц. На расчищенных им площадках вырастали поселки и комбинаты, сейчас там добывают золото, олово, плавиковый шпат. Многим людям дал работу Юндун Доржиев. Некоторые из его товарищей стали героями труда либо инженерами. А Юндун все ходит с мотопилой, меряет землю крепкими ногами. Им бы место в стременах, как мечтали отец с матерью. А он вот где: на вершине Снежного.

Однако думать ему сейчас надо о другом: об Артеме с Зиной, о Борисе Ферко. Не усидит он в холодной палатке, — бредет, наверно, по снегу, сам не зная куда. Сколько раз говорил ему, чтоб оставался на месте. А по глазам видел: уйдет. Сразу уйдет, как только Юндун скроется за снегом.

Интересный парень Ферко. Когда Ефим Изотыч привез его на Снежный, он озирался, как загнанный соболь. Потом сам говорил: «Тайга оглушила меня, кроме степей, я прежде ничего не видел».

Ефим Изотыч спросил Доржиева, на какую должность поставить

¹ До свидания.

² Друг.

новенького. «Этого? — Юндун заметил робость Бориса. — Не знаю, у нас работа тяжелая. Разрешите, поваром?»

«Не дури, — упрекнул бригадира Ефим Изотыч. — Когда-то сам таким был. Бери в сучкорубы, он еще вам покажет».

И правда, не ошибся начальник. Не в росте, оказывается, дело. Верная у русских поговорка: «Мал золотник, да дорог».

И еще сказал начальник: «У Ферко в Нюрбе осталась жена Зина. Недавно поженились. Любовь у них крепкая. Сюда поваром ее пришлю. Будет у вас свой кашевар».

Юндуну запомнились слова насчет крепкой любви.

Он тоже любит свою Хандаму. Как жить без ответного чувства? В степи травка тянется к травке, человек к человеку. А Хандама жила рядом, чернокосяя девушка с огненными глазами. Наверно, никогда не видели грусти в ее глазах, всю жизнь светились огоньки. Не знал Юндун, что жила Хандама по материнскому завету: «Горе не горе, всегда будь веселой. Мужчинам нравятся веселые женщины».

Много чего не знал тогда Юндун Доржиев.

Хандама не только смеялась. Никто легче ее не скакал на быстрых хулэгах¹, никто не пел звонче и протяжней. Но больше всего она любила радостные песни. Первая затейница в играх, ёхор² танцевала всем на зависть. Да и он был неплох, Юндун Доржиев, сын чабана Доржи Дымбрылова. И тогда неплох и сейчас. И Хандаме нравился, это он точно знает.

Все говорили в улусе: «Скоро будет свадьба Юндуна с Хандамой, надо готовить подарки». А подарки у бурят всегда богатые. Обильна агинская степь, небедно живут колхозники скотоводы.

Отец с матерью тоже радовались. Нет семьи в Аге, чтоб не любила детей. В улусе не должно быть сирот — таков хороший древний закон отцов и дедов. А что может быть радостней, чем нянчить сыновних детишек?

Так могло быть, но не стало. Затосковал Юндун по другим местам, и не могли родители удержать сына. Видно, прав был дедушка Цыдып, когда говорил: «Лягушка видит одну степь, орел — другую. Разве не интересно посмотреть степь с высоты орла?»

Юндун думал, что Хандама поедет с ним. Так бывает, когда люди крепко любят друг друга. Но не так было с ним и Хандамой. «Не поеду, — сказала она Юндуну. — Чту землю отцов и на другие не меняю».

Она тоже думала — смирится Юндун, бросит пустые мысли. А он не пожалел ни степь, ни ее. Ну и пусть едет. Соскучится по кобыльему молоку, по лошадиным гривам. Позовет его запах аргальего дыма — прискачет Юндун домой, прилетит на быстрых крылышках...

Ого, вон уже он где! У реки Гремучей. Крепко спит она подо льдом, но иногда взбунт наледы-шапки, поднимутся белыми караваями. Боятся их нюрбинские шоферы. Да и пешему приятного мало. Лучше обойти, спуститься к нижнему броду. Безопасней всего пройти на перекате. Там надежно.

По дороге идти плохо, по целине — еще хуже. Снег и ветер били в спину, а теперь — в бок. Правую щеку и глаз залепают снежные хлопья. Надо развязать уши у шапки. Вот так совсем другое дело! Тепло становится, жарко.

¹ Лошадях

² Бурятский танец.

Пять километров за полтора часа. Совсем не плохо по такой дороге.

Снег летит ровный, как в прошлую ночь. Мороз на Снежном жмет крепко, он всегда здесь злющий. Растекаются наледи, съедают снежные наносы.

Три врага сейчас у Юндуна Доржиева: снег, мороз и ветер. Нет, почему же три? Четыре! Дорогу еще забыл, коварного недруга.

«Что недруг, то недруг». Не успевает Юндун подумать это, как тут же ухает в ледяную воду по самую грудь. Если б не развел руки, нырнул бы с головой. Сперва ничего не почувствовал, кроме испуга. А затем все тело стиснули ледяные обручи. От плеч до ног, до самых пяток. Сжимается сердце, вот-вот остановится.

Сильным рывком выскакивает Юндун из полыньи. Хорошо, что кромка льда оказалась крепкой. Бежит, не чувствуя ни рук, ни ног, позабыв о том, что на дне осталась двустволка. Скорей, скорей к сушняку-валежнику. Спички! Вот они, в кармане, завернуты в целлофан. Руки не гнутся, как деревянные. Надо побить себя по плечам. Разогреть кровь. Правой — левое плечо, левой — правое. Сильней и чаще! Сильней и чаще!

Теперь за дело! Наломать веток сухой лиственницы, мерзлого багульника. Набросать сучьев. Вот так, вот так! Побольше, побольше наваливай кучу!

Тремя спичками сразу чиркает Юндун по коробку. Вспыхивает красный язычок, бросается на сухие ветки. Перескакивает с одной на другую. Загораются сучья, шипят, трещат, стреляют искрами.

Жарче, жарче горит костер, выше деревьев взлетают искры. Хорошо, хорошо! Юндун наклоняется к огню, как бы охватывая руками пламя. Стоит так долго, не отводя рук, не шевелясь, не думая. Все мысли застыли, ни одна не шевелится.

Глупо, ах, как глупо вышло у Юндуна! Вместо переката он попал на глубь, вышел к реке метров на двести ниже по течению.

9

Никто из них — ни Дугинец, ни Зина — не помнит: долго ль кувыркался трактор. Зина вылетела из кабины первой, Артем — за ней, метрах в десяти. «Дэтэшка» покатился дальше, подпрыгивая, ударяясь о камни. Сшибал налету деревья, перескакивал через глыбы. Катился, пока не уперся в толстую лиственницу. Дерево упало, а трактор остановился.

У Зины разбита голова и что-то непонятное творится с рукой. Левая рука поднимается, правая — нет. Но сильней всего болит бок. Она чувствует тепло и резкий запах крови. Понимает: идет он оттуда. Щупает бок, потом берет горсть снега, подносит к глазам. Снег ало-красный, тает от теплой крови.

Зина смотрит на бело-красный комок, на отпечатки пальцев и понимает, что случилось что-то страшное, может быть, непоправимое. Непрошенные слезы выкатываются из глаз, горло сжимают боль и горечь. Вот сейчас она заплачет, вот сейчас...

Лежит она между двух толстенных сосен, возле какого-то ребристого камня. Снега на нем нет, значит, ударила она о какой-то выступ. Если бы о сосну, крови столько не было бы. А впрочем, кто знает, с какой скоростью ее сюда швырнуло.

— Зина!

Она открывает глаза, влажные от снега. Артем радостно вскри-

кивает, осторожно ладонью смахивает воду с ее лица. «Жива! Жива! Зина жива!»

Он разгребает снег меж камней, ломает ветки, притаскивает много листовичных веток. Потом берет Зину подмышки и втаскивает ее на ложе из веток и хвои. «Ой, ой! — кричит она, задыхаясь. — Боль-но-о!»

Больно — понятно. Но надо ей лежать на сухом месте. Артем видит кровь, знает, что она Зинина. Крепко она ударилась.

— Терпи, терпи, Зинуша! Сейчас будет мягче, мягче и теплей. Еще немножко, совсем немножко! — ласково говорит он.

Артем снимает ватник, укрывает ей ноги. «Главное, жива, а там — все заживится-склеется. Надо же было мне так обмишуться. Надо же, чертов олух!» — ругает он сам себя.

— Откуда кровь, Зина? — спрашивает он затем.

Она показывает на бок.

Артем ощупывает Зинину стезенку — пола ее набухает кровью. Он сбрасывает с себя безрукавку, свитер, снимает рубашку. Снова одевается, рубашку оставляет. Выдирает из подклада кусок ваты.

Теперь надо раздеть Зину. Она стонет, закусив губу, здоровой рукой хватается за корни. Гребет снег пальцами, оставляя кровавые полосы.

— Терпи, терпи, Зинуша! — говорит Артем. — Главное, кровь остановить. А с остальным доктора справятся.

Хорошо, что Зина в ватных штанах. Вот и рваная рана, возле самой спины. Ладно, если не затронут позвоночник. «Ах ты, Артем, дурная голова. Как ты мог сморозить такое!»

Он складывает рубашку так, чтоб рукава остались свободными, кладет ее на рану, а рукавами стягивает узел как можно туже. «Потерпи, потерпи, Зинуша. Покричи, покричи, хорошая! Ах какая ты сволочь, Артем Дугинец!»

Она помнит последнюю боль, самую острую, резкую. Гаснет крик в горле. Все исчезает, пропадает, проваливается в яму.

Артем поднимается, понимая, что нужно еще что-то делать. Немедленно, сейчас же! Пойти в палатки? Ну да! Как же это сразу не пришло ему в голову? Втроем они сделают носилки и перенесут Зину. Перебинтуют ее в тепле. Утром кто-нибудь из них пойдет в поселок. Почему утром? Сразу же! Придет вездеход, и Зину увезут в больницу. Вертолет могут вызвать из Читы.

Все правильно! Но все же, как это он, лучший тракторист участка, свалился под гору, разбил трактор, покалечил человека? В горячке Артем не удивился даже тому, что с ним самим ничего не случилось. Летел, попал в яму со снегом, рядом с поваленной сосенкой. Ни одного камешка там не оказалось, будто медведь языком вылизал. Упал он, как на пуховую перину. Ни ушиба, ни царапинки.

Он бы ругал себя дальше, если бы не нужно было спешить. Ватник он не возьмет — на ходу и так будет жарко. Сколько тут осталось до палаток? Километра два, три? Возможно, четыре. Не так много они отъехали. Сперва надо выбраться на хребет, разыскать россыпь. Это самая надежная вешка на пути. А там недалеко и до палаток не собьешься.

— Зина! — склоняется над раненой женщиной Артем. — Я пойду к палаткам. Мы скоро придем за тобой, унесем тебя на носилках. Слышишь меня?

Она не шевелится, лежит с закрытыми глазами. Артем прижимается ухом к груди. Слабой жизнью отзывается сердце.

Артем набрасывает на Зину побольше веток, укрывает ее с ног

до головы. «Живая могила, — мелькает вдруг мысль. — Нет, нет, прочь, дурные мысли!» На ветки надует снегу, ей будет тепло. Вот были бы спички — другое дело. Артем развел бы костер.

Наверху ветер злее, снег еще гуще. Просто непонятно, откуда он сыплется. Деревья, белые — от корня до верхушки, в трех шагах уже расплываются молочной стеной. Сугробы высятся в ложбинках, в мерзлой чаще. Ветер с воем пробивается сквозь нее, снег цепляется за кустарник. Все вокруг мертво и глухо, кроме ветра и снега.

Сейчас основное — выбрать нужное направление. Если стать лицом к палаткам, россыпи должны быть по правую сторону. Божий палец они проехали. Значит, по хребту нужно пройти километра два, потом повернуть направо. А может, обойти россыпь вершиной?

Если бы Артем пошел россыпью, он, возможно, наткнулся бы на Бориса. Но, в последнюю минуту, Артем решил пойти по хребту. Немного дальше, зато надежней.

Одно время Артем жил в Приморье, в бухте Ольги. Целыми днями играл с ребятами на морском берегу. Ловил прибрежных крабов, собирал морскую капусту после шторма, длинные склизкие полосы, пахнущие йодом. Бродил по теплому песку с утра до вечера. Трудно с непривычки ходить по песчаным дюнам, нет твердого упора ногам. Шагнул, песок осыпается, тянет назад. По мокрому песку идти лучше, прямо у берега. Но и тут надо быть начеку: хлынет волна — убегай, отступит — шагай дальше.

Теперь Артем убедился: бродить по снегу тоже нелегко. Одно дело, когда валишь лес, другое — когда идешь, бесконечно долго идешь в гребнистых сугробах. Снег по колено и выше, а ветер в лицо, слепнут глаза.

Деревья в такую пору похожи друг на друга. И пригорки, и ложбинки. Здесь одна примета неизменна: курум — каменная россыпь. Сколько уже он идет? Были бы часы, но часы разбиты: ни стекла, ни стрелок. Пожалуй, километр прошел, скоро надо сворачивать. Внизу должна быть россыпь, метров на двести ниже.

Артем вспоминает, что в кармане были папиросы. Вытаскивает помятую пачку, в ней — сломанные, мятые папироски. Тут же обнаруживается, что у него нет спичек, последнюю коробку отдал Юндуну.

Привалившись к сосне, Артем отдыхает перед спуском. Перед его глазами опять встает «Дэтэшка» в тот критический момент: с круто опущенным носом, лысая прогалина, каменная круча. Он не успел двинуть ни одним рычагом. Трактор сорвался, перевернувшись, полетел вниз. В шумном грохоте Артем запомнил жуткий крик Зины: «А-а-а-а!» Потом его выбросило из кабины трактора в заснеженную яму. Он, оглушенный немного, вскочил и стал разыскивать Зину.

И она всплыла в памяти, как лежала с кровавым пятном на боку, с неподвижной, откинутой в сторону рукой. В заплаканных ее глазах Артем не видел укора. Может, она думала, что такие случаи неизбежны в таежной жизни. В тайге каждый шаг связан с риском: обвалы, метели, звери. А то просто-напросто рухнет сосна и придавит.

«Что же я стою? — спохватывается Артем, поднимая голову. — Человек умирает, а я стою!»

Он торопится, скользит, падает. И все же спускаться вниз легче. От дерева к дереву, от камня к камню пробирается он. Где притормозит, где съедет на ногах. Нужно им побыстрее вернуться к Зине. Были бы у них санки, сразу бы повезли ее в поселок. А если сделать волокушу? Вот идея?

Скорей, скорей, палатки уже близко!

Он спустился метров на триста вниз, где по его расчетам должна

быть россыпь. Россыпи здесь не оказалось. Спустился еще ниже — россыпи нет. Поднялся повыше... Нет, нет, нет!

Артем устало останавливается, сердце у него холодеет. Липкий пот течет по губам. Артем слизывает его языком. Мысли его кружатся, как снежинки, пронзают душу страшной догадкой: «Заблудился?»

Сердце стучит гулко, тревожно: «Нет, нет, нет!»

«Наверно, я рано свернул, попробую пройти дальше».

Еще в трех местах Дугинец спускается, пробует отыскать каменную россыпь. Никакого толку. Ах, если бы она начиналась с вершины, тогда он попал бы на нее без промаха! И если бы не этот слепящий снег, не сумасшедший ветер!..

Артем понял, что заблудился.

10

Борис все обдумал. Он останавливается через каждые сто шагов. Выбирает сосну потолще, ударяет по стволу топором. Затесы понадобятся, когда они будут возвращаться все трое. Или когда другие станут искать его самого.

Время от времени Ферко стучит по деревьям, кричит в снежную тьму: «Ого-го-го! Ого-го-го!» Голос летит, недалеко, тут же падает в снег. Вой, скрип, свист, звон ветвей — все наваливается на него со всех сторон.

С треском и грохотом падает на камни сосна. Лохматая вершина отлетает в сторону, комель вонзается меж камней. В корнях желтеет песчаная земля, виснут беспомощно длинные плети.

Вроде бы кто-то крикнул в ответ: «Ого-го-го!»

Борис кричит снова, сложив руки рупором. Никто не откликается, кроме шального ветра. Значит, показалось.

Он идет правильно. Вон лиственница, похожая на лиру — толстая листвянка с раздвоенным стволом. От нее нужно взять левее, чтоб выбраться на хребет. На хребте не заблудишься: влево спуск и вправо спуск. Иди по хребту до пересечения дорог — главной, объездной, и новой, по которой предположительно поехал вчера Дугинец. Конечно, торопился он скорее к палаткам. Никаких однако следов он не увидел. А значит, не узнает, по какой именно дороге ехали Артем с Зиной. А может, узнает. Мало ль примет остается даже в такую погоду. Сломана сосенка, вывернут камень. А то забурился трактор в лес сослепу. Не следопыт Ферко, а кое-что знает.

Затесы Борис делает глубокими, в четыре взмаха. Напрасно так тешет, мог бы обойтись двумя. Силы беречь надо, неизвестно, сколько придется еще брести.

Если бы он думал о своих силах!

Пуржит и пуржит, видно, плотно набиты снегом темные тучи. Сейчас снег летит косо, резко бьет в глаза. Ферко приставляет руку к бровям, но так видны лишь комли деревьев да валенки. Почему валенки? Мог бы обуть ичиги, на теплый носок, на байковую портянку. Зина сама купила ему ичиги на первый же аванс, как узнала, что пойдет он работать на Снежный.

А через несколько дней она и сама приехала на Снежный. «Не могу жить в одиночестве, чего мне там со старухами».

Он высчитал: полтора шага — метр. Теперь затесывает деревья через полтора шага — двумя ударами. Оборачивается, смотрит: затес белеет, видно его до десяти шагов. Значит, увидит, если будет этим путем возвращаться.

Странно, что он все время думает о возвращении. Не о том, как найдет Артема и Зину, а о том, как они вернуться к палаткам по этим затесам. Вернутся раньше Юндуна, и раньше вездехода с Ефимом Изотычем. Вот, скажут, какой догадливый Ферко, а Дугинец загнет еще что-либо из своего репертуара.

Артем парень бескорыстный, общительный, работающий. Как трактор «Дэтэшка». Это Борис с Зиной приехали сюда ради экзотики. А Дугинец без всякого расчета. «А что? Кому-то и здесь надо работать. Абстрагируясь от всего, руководствуясь чувством патриотизма...» И пошел-поехал — на полчаса разговора.

Деньги Артема интересуют постольку-поскольку. Оставляет себе лишь на одежду да на питание. Сам он не пьет, не курит, семьей не обзавелся. Большую часть заработка пересылает матери на остров Путятин. Как-то она сказала ему насчет собственного домика: «Хоть годок пожить в тишине, перед смертью». Вот и переводит ей Артем каждый месяц деньги, и на бланке пишет: «Живи, мама, еще сто лет».

Курум — каменную россыпь — Ферко заметил издали. Широкая белая полоса тянется с вершины донизу. На вершине она шире, внизу — уже. Когда-то было здесь грохоту. Глыбы-великаны неслись друг за другом, крушили сосны на склоне, ломали березняк. Тысячи лет прошли с тех пор. Камни поросли мхом, шиповником, дикой малиной. На ровных местах растет ребристый зверобой. Дина Дмитриевна сушит его, лечит себя и мужа. Артем с Юндуном настаивают на зверобое водку. Пьют ее по праздникам и от простуды.

В эту россыпь и забирается теперь Борис. Идет он медленно, помогает себе руками. Выберет камень понадежней, попробует ногой легонько, без нажима. И только тогда становится на него твердо, перенося вес на ногу. Затем ступает другой ногой, также осторожно. Под снегом ведь ничего не видно.

Утвердившись на высоком камне, хотел Борис прыгнуть на другой валун — такой же высокий. Если бы напряг все свои силы, вышло бы так, как задумал. Но соскок не получился. Правая нога Бориса повисла в воздухе, и левая в это время потеряла опору. Скользнул по глади валуна и полетел он, больно ударился спиной о выступ. Ударился обо что-то острое самым хребтом.

Лежит Борис меж камней и не может подняться. Шевелит руками — действуют, а вот ноги не слышат команды, мертво лежат на снегу. Обе сразу, как отрезало.

Кружатся над ним снежинки, садятся на лицо и тают. Холодные струйки текут по щекам. То ли снег, то ли слезы.

Шумно качаются над ним сосны, клонятся, машут верхушками; кажется, что они падают на Бориса. Мутно небо, как бельмо на глазу. Все кончено, не найти ему Зину с Артемом. Прав был Юндун, глупец он, глупец...

Ферко пытается подняться. Если опереться руками и чуть-чуть сдвинуть ноги, можно приподнять спину. Не было бы камней, можно было бы ползти. Понемножку, потихоньку, с передышкой, с остановками. Можно — если бы не боль в крестце. Но как бы то ни было надо пробовать. Сжать зубы, пересилить боль. Ползти, ползти к Артему и Зине. Где-то они близко, совсем близко...

За ним по снегу тянется полоса, как след от гусеницы. Не так быстро тянется: за час метров десять-двадцать. Он даже не может посмотреть, что там впереди. И, возможно, к лучшему. За спиной поднимаются такие камни — страшно глядеть.

Приспособившись к новому положению, Борис медленно полз на руках, оглядываясь по сторонам. Большие камни на своем пути он огибает стороной, с отдыхом. И почему именно здесь природа их наворочала столько? Прежде он такие вопросы себе не задавал: прыгал с одного камня на другой — и все. Летом, когда возвращался в лагерь с работы, ел здесь шиповник и малину. Однажды видел тут соболя, как он охотился за бурундучками.

Боль разливается по крестцу, с каждым движением ему труднее терпеть. Переставляет руку, боль тотчас отдается в той стороне. И так без конца, без просвета. И, кажется, без надежды.

Топор Борис давно бросил: ненужный груз, лишняя обуза.

А снег летит, кружит, не переставая. Лицо Бориса в холодных каплях. В глаза, в самые зрачки остро впиваются летающие колючие снежинки. Трудно открывать веки.

Сколько раз ходил на работу и не замечал, какое множество здесь камней. То есть он смотрел на них, не видя, механически, занятый разговором с Зиной, с Юндуном. Артем же в это время громыхал на своем «Дэтэшке» где-то в стороне. Иногда к нему в кабину подсаживалась Зина, это когда он ехал к палаткам. Все было так, как должно быть. За двадцать минут пересекали они тогда каменное поле. А он вот ползет, ползет и конца каменной россыпи не видно. Борису кажется, что камней все прибавляется на его дороге.

До чего же осточертели бесконечный свист, вой и шум ветра, треск и тягучий скрип! Вот грохнулась опять какая-то сухостоина, ударилась о камни, разлетелась на куски. Вон та сосна еще держится, навалилась на другую, сплелась ветками. А корни у нее наполовину вырваны, висят, как плети, как щупальцы спрута. Вот деревья пьяным-пьяны, качаются, размахивают без толку ветвями, шумят на разные голоса.

Впереди встает еще один камень — гора горой. Квадратная глыба, вросшая в землю. Надо отдохнуть перед трудным обходом, собраться с силами. Не так уж много сил остается у Бориса Ферко.

В полусознании то появляются, то исчезают эпизоды из его жизни на Снежном. Сумел же он перебороть себя. Иногда самому не верилось.

Так он дополз до места, откуда свалился трактор. Случайно наткнулся на развороченные машиной камни. Потом услышал стон между двумя порывами ветра. Нашел место, где лежала Зина, разбросал ветки, уже занесенные сверху снегом, откопал ее.

Сейчас они лежат рядом, прижавшись друг к другу боками. Ферко согревает Зину своим холодным телом. Думает, что согревает. Она говорит глухо, с трудом: кружится голова, не слушается язык.

— Глупо все... еще не жили...

Он молчит, плотнее прижимается к ней. Кровотечение у нее остановлено, Борис знает это.

Артем теперь, должно быть, дошел до палаток. Ну дошел, а потом что? В палатках же никого нет. Артем даже не знает, куда подевались они с Юндуном.

11

— Помнишь... как мы поженились? — говорит Зина.

Он понимает: ей приятно это воспоминание, особенно сейчас. Ей надо успокоиться, отвлечься. И ему тоже. Спина совсем онемела: хоть ножом ее режь — не услышит.

— Ноги свои чувствуешь? — спрашивает жена.

- Конечно, — бодро отвечает он.
— И спину?
— И спину, — он старается говорить повеселее.
— Я нарочно бутылку тогда... — она с усилием открыла глаза.

Надо же, когда призналась, а так бы — наверно, всю жизнь промолчала. Борис вдруг до отчетливости ясно вспомнил ту глупую историю у проходной завода, с какой началось их сближение.

Снег валит сильно, косо зачеркивая деревья. Он еще не шел так густо за то время, как началась метель. Ферко вдруг сообразил, что зря он стяхивает с себя снег, в снегу им лежать куда теплее. И он решил поплотнее укрыться ветками.

Между разговором они думают об Артеме и Юндуне. Доржиев, конечно, дойдет до Нюрбы. Может, сейчас вездеход с ребятами уже поднимается на Снежный. Ефим Изотыч подгоняет шофера: «Быстрее! Быстрее!» А сам всматривается в белый мрак, ищет их. Борису чудится его голос: «Ах, вы птички-пеночки!», — видится усталый отцовский взгляд. Бывают такие добрые люди.

— А если я умру? — Зина с трудом поворачивает голову. — Почему ты молчишь?

— Ты не умрешь, — он отыскивает ее руку, стискивает ее. — Тебя отвезут в больницу, сделают все, что надо.

- А если ты умрешь?
— И я не умру. Знаешь, почему?
— Почему?
— Мы очень нужны друг другу.

Ответ этот успокаивает ее. Бориска прав. Любовь побеждает смерть. У кого она читала об этом, кажется, у Горького.

— Говори! — Она напрягает голос. — Мне легче, когда ты рассказываешь.

Зина знает, что Бориска любит ее. И она его любит. Если б не любовь, разве она приехала бы на Снежный? Нет на хребте ни одной женщины, кроме нее. И совсем не легко достаются ей эти обеды. Пока приготовит, пока развезет, умается хуже водовозной клячи.

Она давно хотела рассказать Борису, по какой причине появилась на Снежном, но не решилась. А теперь и вовсе не скажет. К чему зря волновать его. Однако было такое, что заставило Зину поскорей покинуть поселок.

Тот летчик-молодчик не забыл про ее существование. Как уж там, но, наверно, он узнал, что Бориска ушел работать на хребет. И как-то заявился к ней со вторым пилотом. Принес коньяку, конфет, лимонаду. Вот, мол, шли мимо, дай, думаем, зайдем к друзьям, посмотрим, как устроились. Не особо, конечно, — северный вариант. А вообще-то за новоселье положено выпить.

Странно, что они даже не спросили, где муж ее, Бориска. Потому что Зина додумалась: если не спросили, значит, все заранее знали.

Пить Зина не хотела, отпила чуть-чуть для компании. Им вина не хватило. Второй пилот — рыжий парень с конопушками — изъявил желание сходить еще за одной бутылкой. Первый пилот — его звали Нарциссом — поддержал предложение. И не успел рыжий уйти, как он подсел к Зине, желая обнять. Видать, настропалился в этом, летая по Северу. Она отвела его руку, пересела на другой стул. Сказала, что нельзя так грубо пользоваться ее гостеприимством.

Нарцисс был из тех воробьев, кому приходилось есть и мякину. Он стал объяснять, что Зина ему очень нравится, впервые-де он встречает такую женщину. Очень жаль, что они раньше не знали друг друга, а то бы поженились и были бы счастливы.

Из него лезла обыкновенная банальщина, как тесто из квашни. И Зина понимала это и все ждала, когда появится рыжий.

А рыжий так и не пришел. Потом уже она сообразила, что это задуманный ими трюк. Тогда она сказала, что ей нужно идти к начальнику участка. «Вы посидите тут, а я пошла».

Он, понятно, не захотел оставаться. На прощание сказал, что взглянет еще завтра или послезавтра. Она вспыхнула, сверкнула глазами:

— Я вас выставлю за дверь.

— Ну-ну, не так строго, — усмехнулся он. — Ты просто не привыкла ко мне.

Назавтра Зина пришла к Ефиму Изотычу и попросилась на Снежный. Тот сперва не поверил: «Разыграть меня вздумала?» Потом обрадовался, не знал, куда и посадить ее, чем попотчевать.

— Ах, молодчина, ах, умница! Ах ты, моя птичка-пеночка! Слышь, Дина, Ферко что вытворяют! Да иди сюда, посмотри на нее храбруню!..

— Знаешь, Бориска...

Нет, ничего не может она таить от мужа, даже тот скандальный случай с пилотом, из-за которого перебралась она из Нюрбы на Снежный. Так уж повелось у них с первого знакомства.

— Ну и что? — Борис выслушивает сбивчивую речь. — Ты молодая, красивая... Он еще в Чите в тебя влюбился.

Борис ждал рассказа не сейчас, конечно. Он-то знал и его предложение. Нет, не был он равнодушным, любящий муж и настоящий мужчина. Ему, конечно, доложили о визите пилотов со всеми подробностями. И он пришел на аэродром к очередному рейсу, самолет только что приземлился. Позвал первого пилота на разговор, отвел его за бензосклад, за какие-то ящики с песком и баграми. Там и двинул его разок по чувствительному месту. Усвоил приемчики на всякий случай.

«Знал бы такое дело, сбросил бы тебя с самолета без парашюта. Сволочь!» — ругался Нарцисс.

«Теперь знаешь». — Борис потер ушибленный кулак.

— Мы с ним встречались, — спокойно произнес Борис и подтянул к ней еще одну ветку. — На аэродроме встречались.

— И что? — спросила она.

— Поговорили...

— Я что-то замерзла, — пожаловалась она, помолчав.

— Потерпи, скоро нас найдут. Теперь — скоро.

12

Артем брел по снегу, волоча непослушные ноги. Они отказывались идти, не хотели нести его до крайности усталое тело. И, собрав остатки сил, он заставлял себя идти. Но есть ли предел человеческим силам?

Закрываются глаза, слипаются веки. Как будто их закрывают увесистым замком. Единственное, что Артем помнит сейчас и знает: надо идти. Идти во что бы то ни стало До самой последней возможности.

Весь белый, призрачный, сгорбленно шагает он меж деревьями.

Холод сжимает тело, нет ни сантиметра где бы играло живительное тепло. Дугинец чувствует близкую смерть, но не ропщет и никого не винит.

— Ого! Ого-го-го-о-о!

Артем охрип и не может уже кричать. Стихнет ли когда-нибудь проклятая пурга?

Наверно, зря он ушел от Зины, вдвоем они переждали бы снег и ветер. Главное, они были близко от палаток. А сейчас, видимо, он идет в другую сторону. Конечно, в другую. Хоть бы какая-нибудь дорога попала за все время или просека.

Нет, он не жалеет, что пошел, не думал он, что заблудится. А ее нужно было спасти — Зину, единственную женщину на весь Снежный. Такую маленькую, такую храбрую.

Да, странная она женщина, прикатила ни с того ни с сего. Многих Ефим Изотыч старался заманить на Снежный на поварскую должность. Ни одна не соглашалась. «Да что я сумасшедшая? У меня муж, дети!» А эта, прыг-скок, прыг-скок. Как воробей на дороге. Хорошая жена попала Борису.

Редко Артем думал о женщине как о жене. Надо было, сблизался, но как-то не тянуло его к семейной жизни. Больше он думал о работе, о тракторе, о производственных планах. «Не в тот корень пошел, — смеялся Юндун. — Ненормальный, что скажешь?» В метельные дни Дугинец лежал в палатке, вспоминал Приморье, остров Путятин. Вспоминал мать, которой он помог купить домик подле моря, ее желание пожить в своем доме хозяйкой. Она ему говорила об этом, когда приезжал.

Найдет вот Артем такую же Зину, прикатят они вдвоем обратно на Снежный, тогда уж — на комбинат. Обучатся новым профессиям и будут жить на Верхотурье, разговаривать с орлами да тучами. Будут снабжать страну рудой. Лети, самолет, покачивай крылышками! Взмывай ракета, мчись к новым цивилизациям! Может, есть еще где-нибудь другая жизнь, может, ходит-бродит там такой же Артем-тракторист, клянёт пургу, ищет палатки.

Спотыкнувшись, Артем тяжело падает на руки. Теперь, пожалуй, ему не подняться. Ползти! Что толку! Вон что-то чернеет впереди — яма какая-то? До нее-то он доберется.

Артему первый раз повезло за всю долгую дорогу. Это была старая заброшенная берлога. Он залез в нее, лег дрожа всем телом. Надо наломать веток, постелить их на землю. Сейчас отдохнет и делает.

Не-ет, он еще поборется с косматой.

Туманится голова, какие-то провалы в памяти. И в темноте свистящий ветер, скрип сухостоя... С ума можно сойти!

Да, да, пошел он не в ту сторону. В какой-то момент не заметил россыпь, не свернул к палаткам. Если бы свернул, давно пришел бы к ребятам — к Юндуну и Борису. И спас бы Зину, Зину-Зинишу, бесстрашную их повариху.

Артему приятно вспоминать о своих друзьях. Юндун самый старший из них, самый опытный. Иногда он резок, вспыльчив, особенно, когда человек отлынивает от работы. С тем «бичом» как было? Пришел, руки в брюки, стоит, глазает — будто в первый раз лиственницу видит. Они в поту купаются, а тот сух, как зимний листочек.

Доржиев терпел до обеда, а потом уж высказался. Ух как разошелся! Машет руками, мешает бурятские слова с русскими: «Худлар, худлар!»

Начал Валька немножко шевелиться — больше для отвода глаз.

Ефим Изотыч воспитывал парня. И все не в ту жилу. Покрутился и сбежал, бросил даже свой инструмент.

«А ведь я замерзаю?— зябко думает Артем. — И мысли мои ледяные. Рано и глупо».

За Владивостоком, на острове Путятине, он мальчишкой тонул в море. Близко, у самого берега. Пробовал подныривать под волны. Не под низ подныривал — под середину. Ну, и хлестануло его — раз, второй, третий. Захлебнулся некстати. Вот уж потаскало его тогда вдоль берега. Едва-едва отошел. Но тогда он не думал о смерти, некогда было. А сейчас... вот он конец.

Артем подтягивает ноги к животу, голову прячет в тужурку. Пытается согреть себя дыханием. Хотя бы на полчаса, на несколько минут...

Доржиев с трудом, но добрался до поселка. Ефим Изотыч немедля поднял по тревоге людей. Вызвали вездеход, не забыли прихватить охотничью собаку.

Пурга не унималась, синоптики не обещали близкого ей конца. Решили выезжать на поиски безотлагательно.

Бориса с Зиной спасатели нашли быстро. Возле россыпи собака взяла след, пошла скачками под гору.

Их вытащили из-под веток полуживыми. Отвезли в палатки, а поиск продолжали.

Артема нигде не могли найти.

Поиск длился трое суток, пока не кончилась пурга. И еще неделю после нее.

Отыскался Артем Дугинец в старой медвежьей берлоге. Местный охотник решил укрыться в ней от дождя и наткнулся на труп.

Дали телеграмму матери, она приехала на похороны. В тот день, когда сын блудил по тайге, она получила перевод. Последний взнос за домик.

Зина вылечилась, но остался здоровенный шрам — память о необычайном свадебном путешествии.

Супруги Ферко, вопреки отрицательным прогнозам Ефима Изотыча, остались на Снежном. Там и работают сейчас на новой горно-обогатительной фабрике.

ШОФЕРЕНОК

РАССКАЗ

— Саня, сынок, а сынок! Вставай родной, — басит отец, — в садик пора...

Санька хитрый, не шевельнется даже. Он знает, что отец сейчас подойдет к нему, погладит по голове, легонько дунет в лицо, чтобы прогнать сон, а потом начнет поглаживать его.

— Потягушечки... подрастущечки, — гудит отец, как непрогретый двигатель.

Отцовские ладони от баранки в бугристых мозолях, и поглаживания Санька долго не выдерживает. Он смеется, обнимает отца за шею и кричит ему чуть ли не в ухо:

— Пр-ри-вет шофер-р-рам!

— Пр-р-ривет каш-ш-ше-едам, — поддразнивает его отец. Это у них вместо «доброе утро».

Садик находится напротив гаража, через дорогу, поэтому Саньку по просьбе отца из садика в гараж отпускают пораньше. Парень он самостоятельный, серьезный. Шесть с половиной лет недавно стукнуло.

В гараже Санька свой человек. Встречают его радушно и в моторном цехе, и в агрегатном. Еще бы! Ведь Санька лучше всех ребят в садике знает марки машин, умеет переключать скорости. Да что там... рулить умеет, правда, на коленях у отца, потому что ноги до педалей не достают.

Савватеич, это который на дежурке ездит, тоже поддразнивает Саньку:

— А-а-а, — говорит, — шофер-р-ренок пр-р-ришел. Пр-р-ривет! —

Санька «р» лишь недавно выговаривать стал.

Но Санька не обижается и все равно любит Савватеича. У него самый громкий сигнал в гараже, с экскаватора. Все другие машины «пиликают» или «бикают», а у Савватеича «фафает». И кнопка сигнала не на баранке, а под ногами. Если долго нажимать ногой кнопку, машина долго сигналит и грустно так: «Фа-а-а-а...»

Санька больше любит короткие сигналы, тогда машина как будто балуется: «Фа-фа! Фа!»

А еще у Савватеича всегда конфеты бывают. Уже дедушка, а сластена. Правда, неудобно каждый раз угощаться, но Савватеич говорит:

— Ты, шоференок, кем хочешь быть? Шофером?

— Конечно, а то кем же еще? — отвечает Санька.

— Ну, тогда бери и не ломайся, как сдобный пряник. У шоферов все пополам. Ясно?

И Санька, вздыхая, берет. Слабость его — эти конфеты, вредная привычка.

Лицо у Савватеича серьезное, бородатое, а глаза всегда смеются,

как у папки, когда он строжится понарошку. А вот Ивана Кульбеева Санька не любит. Кульбеев с папкиной машины пробку бензобака украл. Воришка он, Кульбеев, а папка ему еще запасную пробку подарил, ту что на трассе нашел.

— На, — говорит, — да заруби на носу, что шоферу украсть, значит шоферишком стать!

«Воришка-шоферишка...» — наверно, одно и то же, подумал Санька и спросил отца:

— Почему Кульбеева в тюрьму не посадят?

— Шофер он не плохой, Саня, но молодой... глупый еще, — ответил отец и наказал никому не говорить о пробке.

— Интересно, молодой... глупый. Так что же, в тюрьму старых да умных садят, что ли? Таких как Савватеич?

Секреты Санька хранить умеет. Он только Савватеичу и еще тете Груне сказал, а больше никому, даже другу Петьке Лоншакову ни-ни...

Обойдя всех своих знакомых в гараже, осмотрев аварийные машины, Санька идет в диспетчерскую и здесь на скамье дожидается приезда отца. Отец перед воротами специально для Саньки всегда дает три коротеньких гудка: пик-пик-пик.

В диспетчерской дежурит тетя Груня. Молодая, красивая, добрая. Только мыться Саньку часто заставляет да едой пичкает. Ради сказок, которые тетя Груня рассказывает, Санька терпит и это. Сказки у тети Груни особенные — про шоферов и про то, как машины ворчат друг на друга, когда спать ложатся. Выдумщица она, наверно, сама придумывает. Зато интересней чем в книжках — про разных там принцесс, королевичей.

Шоферы шутят с тетей Груней, цветы ей дарят. А она с ними серьезная, цветы даже не берет.

— Получайте, — говорит, — путевку, бензин и не отвлекайте посторонними разговорами.

Конфеты Груня только от Савватеича берет. А вот когда приезжает папка, она становится веселой, улыбается, шутит. Сама из-за перегородки выходит навстречу ему, спрашивает, как съездил. Любит она папку... Да и как его не любить? Санька и сам его любит. Ох как любит!

Мамки у Саньки нет. У всех ребят есть, а у него нет. Умерла мамка, когда рожала. Трудное это дело — шоферов рожать.

Если папка уходит в дальний рейс, тетя Груня берет его из садика к себе домой. Но это все равно не мамка.

Правдашные мамки наказывают своих ребят, ругают, а то и отшлепают когда, а тетя Груня не-е-т... Даже когда Санька разбаловался и разбил у нее дорогую вазу, не ругалась. Ваза была красивая, и Санька от огорчения заплакал, а тетя Груня погладила его по голове и сказала:

— Дурачоночек ты мой. Да шоферская слеза многих ваз дороже, а ты же шофер, Санечка!

А Маринка Грунина на куколку похожа. У нее мамка есть, зато папки нет. Под лед ее папка ушел вместе с машиной. Она смешная и говорить еще хорошо не умеет.

— Сся, Сся, — так она Саньку зовет.

— Ларичев, как тебе не стыдно! — услышал Санька возмущенный голос диспетчера. — Лоншаков срочный груз везет, увези ему полуюсь на семьдесят девятый километр по Витимскому.

— Не-е, я свое отгорбил. Пушай дежурка везет, — прогнусавил неопрятно одетый парень с длинной гривой волос.

— Ларичев, имей совесть. Савватеич почти сутки отдежурил!

— Он за это деньги получает, пушай и везет, — невозмутимо гнусавил Ларичев.

— Ты, дочка, не расстраивайся, я мигом слетаю. Ничего, ничего, — сказал Савватеич. — Он же мясо для зверофермы везет, продукт скоропортящийся. Труд охотников пропадет напрасно, государству убыток. А ты, гривастый, — Савватеич взглядом полоснул по Ларичеву, — не шофер ты, а шоферишка!

Потом он весело подмигнул Саньке:

— Верно, шоференок?

— Верно, Савватеич, — ответил Санька. Но тут раздалось знакомое «пик-пик-пик», и Санька стремглав кинулся на улицу. Диспетчер тоже торопливо вышла из-за перегородки.

Сегодня Санька проснулся сам. Не открывая глаз, он ждал, когда отец будет его будить. Но отец с кем-то разговаривал. Ага... это тетя Груня, определил он на слух. А вот кто еще?.. Голос знакомый, знакомый... Так и не угадав, он соскочил с кровати и с бодрым возгласом:

— Пр-р-ивет шофер-р-рам! — высунул голову из-за шторы в соседнюю комнату.

— Доброе утро, сынок, — как-то сухо ответил отец и опустил глаза. Но Санька заметил, что глаза у него красные и влажные. Третьим был... Кульбеев.

С появлением Саньки все замолчали. Иван Кульбеев растерянно крутил в руках новенький Санькин альбом.

Санька спросил:

— А почему вы все такие грустные? Разве сегодня суббота, что мы не идем в садик?

— Нет, сынок, не суббота. Черный сегодня день... Савватеич погиб, Саня, — медленно с расстановкой ответил отец.

Кульбеев покусывал губы, тетя Груня всхлипывала. Санька еще не осознал всей глубины случившегося, но детским Сердечком: своим понял, что «погиб» — это что-то непоправимо страшное. Охрипшим от волнения голосом он выдохнул:

— Ушел под лед?!

— Какой лед, сынок, ведь на дворе лето. Палец рулевой тяги срезало у него на спуске с Яблонового.

На похороны Савватеича отец Саньку брать не хотел.

— Понимаешь, сынок, тяжелая эта штука — похороны. Взрослые и то не все выдерживают, мал ты еще, — уговаривал он Саньку.

Кульбаев вступился за Саньку:

— Зря ты, Александр Степанович, парнишку от жизни отгораживаешь. Да кроме того, ведь друзья они с Савватеичем.

Санька пристально посмотрел отцу в глаза и твердо заявил:

— Папка, я должен пойти, я выдержу. Слово шофера!

И Санька держал свое слово. Он не плакал, когда говорили речь, не плакал и, когда целовал Савватеича в забинтованный лоб, не плакал, когда глухо застучали молотки. Он только вздрагивал всем своим маленьким тельцем и, закусив губу, неестественно тарачил свои чистые серые глазенки.

— Поплачь, Санечка, поплачь, тебе легче будет, — приговаривала тетя Груня, прижимая его к себе.

Санька не плакал.

Но вот малиновый гроб с телом Савватеича качнулся и пополз на длинных полотенцах в черную пасть могилы. И вдруг в благочестивой кладбищенской тишине пронзительным воплем прозвучал одинокий, но громкогласный воздушный сигнал машины Савватеича. Машина прощалась и оплакивала своего друга и хозяина. Вслед за ней многоголосым плачем рванули воздух гудки десятков других машин. «Фа-а-а, фа-а-а!», — выделялся из них рыдающий голос машины Савватеича.

Воробышком затрепетало сердечко мальчонки, горе выплеснулось из чистых родников детских глаз.

По шоферу плакали машины, плакали братья шоферы, плакал маленький Санька.

Не плачь, Санька, не плачь, милый шоференок мой. Та земля, которую бороздил Савватеич скатами, песней всегда неслась ему навстречу, и сейчас она приняла шофера в объятия свои, стала ему ласковым пухом. Счастлив Савватеич! Он ушел в небытие, не выпуская из рук руля! Погляди, Саня, баранка на обелиске и сейчас хранит тепло его мозолистых рук. Глазами портрета, что прикреплен к баранке, он вопрошает: «А кто достойно заменит меня на трудовой трассе?!» Ты заменишь его, Санька, ты... Шоферская в тебе закуска!

Ночью Санька спал беспокойно. Ворочался, вскрикивал. Отец забрал его к себе в постель. Положив голову на сильную отцовскую грудь, Санька спросил:

— Папка, а я утром провожу тебя в рейс?

— Проводишь, проводишь...

— Папка, а врачи не могли Савватеича вылечить?

— Не могли, Саня. На полчаса бы пораньше успели, может, и жил бы Савватеич... Ты спи, сынок, спи.

Санька задумался. Он знал, что в полчаса тридцать минуток. До тридцати считать просто. Он даже до минутки может. Минутка — это шестьдесят секунд, а сколько полчаса? Наверное, очень много. Хотел спросить у папки, но говорить почему-то расхотелось, стало тепло-тепло и так хорошо пахло папкой...

Утром Санька встал раньше отца. На цыпочках прошел на кухню, зажег газ, поставил чайник. Тихонько умылся, стал одеваться.

— Ты что же, хозяйюшка, не будишь меня? — услышал он голос отца.

— Тебе, папка, хорошо выспаться нужно, работа у тебя опасная, — совсем по-взрослому ответил Санька.

Отец лишь пристально посмотрел на сына.

В гараже Санька спрашивал отца:

— Папка, а палец рулевой тяги у тебя в порядке? Нет... ты все-таки покрути руль, а я посмотрю. А стоп-фонарь, а повороты горят? Нет... ты посмотри, а я включу.

Шофера подтрунивали над ними:

— Наш Сан Саныч в ГАИ записался, вон как батьку шерстит.

Отцу было не до смеха. Как можно мягче, вкладывая в слова всю отцовскую нежность, он убеждал сына:

— Ты не беспокойся, родной, все в порядке у меня. Я же недавно на техобслуживании стоял. Беги, милый, в садик, беги. Петька Лоншаков уже заждался тебя.

Санька, виновато отводя глаза в сторону, бормотал:

— Я и не беспокоюсь. Ты же сам говорил, что перед выездом нужно все проверять...

— А ну-ка покажи язык, сынок.

Санька с готовностью высунул розовый язычок.

— Ну, вот, видишь, на языке написано: «бес-по-ко-ишь-ся», — прочитал отец. — Дай лапку, друг, и рули в садик!

Санька энергично пожал отцову руку, потер себе нос, осторожно перешел улицу. С крылечка садика помахал ручонкой проезжавшему мимо отцу. В ответ раздалось короткое «пик-пик-пик».

В садике Санька попросил Петьку показать язык, но на языке у Петьки не было даже ни буквы...

— Пус-с-стой у тебя язык, — произнес Санька.

А вечером он вновь покорно сидел на лавочке в диспетчерской, терпеливо дожидаясь своего отца-шофера.

За окном стихал буйный летний ливень.

В это время Санькин отец, где позволяла таежная дорога, придавлявал педаль «газа» до пола. Доставив груз геологам, он возвращался к сыну.

«Эх, если бы не ливень», — досадовал он.

Но ливень уже сделал свое дело. Горная речушка в Мокрой пади вздулась, заиграла мускулатурой, покатила по дну своему тяжелые каменные булги. Многопудовым весом они били по скатам, угрожая развернуть машину против течения, захлестнуть сердце ее студеной водой.

Крепко держит баранку Санькин отец, велико мастерство его, а тревога Санькиных серых глазенок не дает ему сбиться с курса. Они как компас, как звездочки путеводные.

Лишь перед самым выездом из речушки хлестанула крутая волна под брезент, укрывавший прерыватель, замкнула провода. Заглох мотор.

«Ну, старушка, не подведи», — шофер включил стартер. И машина не подвела. Глухо взывая стартером, вздрагивая от ударов донных камней, медленно выползла она на берег.

— Ну, что это папка не едет, — вздыхал Санька.

— Потерпи, Санечка, еще полчаса, он и придет, — успокаивала его тетя Груня.

Она дала ему лист бумаги, карандаши. Санька нехотя стал рисовать. Сначала папкину машину, затем, увлекаясь, стал подрисовывать асфальтовую трассу, деревья, километровые столбы.

Эх Санька, Санька!.. Твою бы трассу да под колеса папкиной машины. Не напрягался бы шофер, не гудела бы надрывно машина, взбираясь на Мокринское «ёкало». Опасные места эти «ёкала». С одной стороны скала, с другой — пропасть, а ширина дороги — кот наплакал. Бывает, скат наполовину в воздухе идет, а противоположное

крыло в это время скалу царапает. Потому и «ёкалом» эти места зовут, что у шоферов тут иной раз сердечко ёкает.

Спуск с Мокринского «ёкала» извивается тещиным языком. Кругом скалы, а «язык» суглинком покрыт. Чуть брызнет дождик, и становится он липким и скользким, как сплетня. Без «парашюта» не обойтись. Шоферский «парашют» тяжелый: привязывается за задний буксирный крюк сучковатое дерево. На крутом повороте у шофера грудь на баранку ложится, а «дерево-парашют» бороздит сучками дорогу, тормозит машину и не дает ей разбежаться.

Санькин отец привязал тросом «парашют», сжал железной хваткой баранку и мало-помалу спускался вниз. Метр, еще метр... сто метров. И вдруг машина резко начала увеличивать скорость... «В основной сук... камень попал. Выбило...» — вихрем пронесится в голове у Санькиного отца.

Деревенеют пальцы на баранке, пот заливает глаза. Раскисшая глинистая колея летит навстречу. Колеса плавно заторможены, но машина катится на них, как на лыжах по снегу, «юзом» идут колеса. На ветровом стекле вспыхнули на миг испуганные мальчишечьи глазенки и погасли...

Держись, шофер, держись, браток! Сожми нервы, как баранку, не дай выйти колесам из скользкой колеи, иначе... Нет! Не смей думать об этом!

Санька тоскливым взглядом поглядывает в окно. Тревожно на душе у Саньки.

— Где же мой папка потерялся? — опять произнес он грустно.

— Санечка, скоро смена у меня кончится, мы вместе пойдем Маринку из яслей брать. А там и папка приедет. Ты не беспокойся за него. Он большой... сильный. Ну, потерпи еще, пожалуйста, полчаса.

— Полчасика, полчасика, — повторял про себя Санька. Полчасика не хватило, чтобы врачи спасли Савватейча! А вдруг...

— Саня, ты куда, — окликнула его Груня.

— К Петьке!

Петька жил рядом, и Груня успокоилась. У Петьки он попросил велосипед.

— У меня колесо проколото, я бы дал, — пропищал Петька.

— Эх ты, рас-с-стяпа! На Витимский тракт мне надо.

— Зачем, Саня, это же далеко?..

— Зачем, зачем?.. Надо! У тебя есть салил... сатилкислота, это лекарство такое, аспирином его зовут. Папка говорил, оно от всех напастей лекарство.

— Я не знаю... — посмотри в аптечке.

От Петьки Санька бежал, зажимая в руке знакомый пакетик с драгоценным лекарством.

— А вдруг успею... а вдруг успею...

Город и его окрестности Санька знал хорошо. Много раз с папкой катался. За свои двадцать копеек, которые отец оставил ему на мороженое, он на пригородном автобусе не доехал до Яблонowego хребта, по которому пролегал Витимский тракт, километров шесть. Дальше решил добираться на попутке.

Шофера не обращали внимания на отчаянные взмахи мальчишечьей руки. Один даже крикнул из кабины:

— Ты, шкет, кончай баловаться. Уйди с трассы!

А Санька не баловался. У Саньки горе. Что-то случилось с его папкой. Он несет ему лекарство от всех напастей. Самое главное ле-

карство. Шофера могут не заметить, что в опрокинутой машине лежит шофер, которому надо лекарство. А он, Санька, обязательно заметит. Дядя Слава Ханьжин рассказывал, как шофер пролежал всю ночь. Ему дверкой кабины ноги придавило. А вдруг и у папки... И Санька торопливо убыстрял шаги.

Машины пронеслись мимо, иногда обдавая его брызгами. Санька упорно шел по обочине навстречу хребту, оставляя на мокром песке следы маленьких башмачков, крепко сжимая в кулачке пакетик с таблетками ацетилсалициловой кислоты.

Начало темнеть, исчезли с трассы машины, когда Санька подошел к подножию хребта. Ноги гудели от усталости, он хотел есть. Чтобы заглушить чувство голода, Санька решил попить в ручье под мостиком. Над ним прогрохотала какая-то машина, посыпалась пыль и замутила воду. Санька переждал, пока муть унесет течением, напился.

Идти стало еще тяжелей. Он уже дошел до первого взлобка, когда услышал сзади приближающийся гул мотора. Тогда Санька решительно вышел на трассу, раскинул обе руки в стороны, встал посредине.

Весь вид его говорил, что он не сдвинется с места, хоть дави! Радиатор машины приближался, и Санька, закусив губу, закрыл глаза.

— Садись, браток, подвезу, — услышал он знакомый голос Кульбева.

Санька опешил, долго моргал ресницами — не ошибся ли? Нет не ошибся, это был Иван Кульбеев.

Что делать? Как поступить шестилетнему малышу?

Уже темнеет, Санька хочет есть, он устал. Он спешит. Ведь и полчаса могут кончиться, но... Кульбеев воришка! Как с ним ехать? Остановить другую машину? А полчаса... а лекарство...

Глядя исподлобья, Санька мучительно искал выхода.

Кульбеев даже сник от холодной неприязни детского взгляда.

— За пробку сердисься, Саня? Так я ж больше ни-ни... Слово шофера, Саня!

Слово шофера — аргумент веский. Чуток подумав, Санька приказал:

— А ну, покажи язык!

На языке у Кульбева тоже ничего не было написано. Ни буквы. Санька растерялся. А Кульбеев ухмыляется.

«Эх, видно только папка может по языку читать».

— Поедем, Саня, а? — сказал Кульбеев.

— Ну, ладно. Шофер ты не плохой, но молодой еще... глупый,— авторитетно заявил Санька, плюхаясь на сиденье.

Кульбеев стал разворачивать машину, Санька схватился за ручку дверки.

— Мне не туда! Мне к папке надо!

— Верно, что глупый, — перебил его Кульбеев. — Я же ничего не сказал тебе. Только что проехал твой папка. Так пропылил, что я и остановить его не успел. И как вы с ним разминувшись? Поехали, Груня там вся извелась, потеряла тебя непутевого.

Санька на миг оцепенел, потом кинулся к Кульбееву.

— Ваня, Ванечка, миленький, ты не обманываешь меня, а?

Санька, всхлипывая, обнимал его, гладил ручкой по волосам, испуганно заглядывая ему в глаза.

— Кульбеев, это правда, не обманываешь? Я любить тебя буду. Кульбеев, как... как Савватенча.

— Санька, дьяволенок, задушишь! Машину перевернем, — при-
творно сердился Кульбеев. — Слово шофера даю! Ну что — тебе язык
еще показать.

— Не-е, язык не надо, — сквозь слезы улыбнулся Санька. — Я
глазам твоим верю. Они у тебя, как у Савватейча. А папка проехал,
когда я воду пил. Под мостиком...

Машина, как ласковая нянька, убаюкала усталого мальчишку.
Он, доверчиво прислонившись к плечу Кульбеева, сладко спал. Хруп-
кие детские пальчики разжались и на потной ладошке сверкнул цел-
лофановой полоской пакетик аспирина. Потом пакетик упал на полик
и от вибрации машины медленно пополз к ногам шофера.

Санька иногда коротко всхлипывал, но это были всхлипы обле-
гчения, радости. Он видел во сне папку, тетю Груню, которая стала
его мамой и маленькую Маринку. Маринка сюсюкала:

«Сяся, а Сяся, а у меня папка есть», — и весело смеялась.

А из города, прорезая ночной мрак светом мощных фар, неслась
другая машина. В ней сидели отец и Груня. Три добрых чистых серд-
ца летели навстречу точке соприкосновения, чтобы слиться в одно
большое сердце.

И эта точка приближалась!

В. ЛОГУНОВ, В. СБИТНЕВ

Человек и Север

Вторжение современной науки в жизнь можно сравнить с приехавшим и поселившимся у нас эрудированным, коммуникабельным и не очень-то церемонным родственником. Так же, как он, наука пришла в наш дом, вызвав некоторое смущение и даже смятение у хозяев: с одной стороны лестно, что есть такой родственник, с другой — как-то неуютно рядом с ним. Никто не знает, куда он повернет разговор и что узрит в наших, порою не совсем продуктивных, заключениях.

В отраслях, объединениях, на заводах уже ни одна более или менее значительная программа не принимается к исполнению без предварительного «согласования» с учеными. Став служительницей людей, превратившись в производительную силу, наука стала прогнозировать последствия человеческой деятельности, планировать развитие огромных регионов.

С этими мыслями выходил из конференц-зала Читинского областного комитета партии, наверное, каждый, кто участвовал в работе Первой всесоюзной научно-практической конференции по проблемам хозяйственного освоения зоны Байкало-Амурской железнодорожной магистрали, состоявшейся в сентябре 1975 года. Пять академиков, шесть членов-корреспондентов, 24 доктора и 126 кандидатов наук, представляющие самые разные отрасли знания, партийные, советские и хозяйственные работники в течение трех дней активно, по-деловому, принципиально обсуждали социально-экономические, географические и экологические проблемы, а также проблемы разведки и комплексного использования природных ресурсов, строительства и эксплуатации БАМа. Было подготовлено около ста докладов, со многими из них участники конференции познакомились до ее открытия.

На конференции не только были названы проблемы, шел спор о путях их решения. И, как в любом споре, здесь тоже выкристаллизовывались истины, находи-

лись оптимальные решения. Они и составили свод рекомендаций, которые, будем надеяться, учтут хозяйственные и планирующие органы.

— Все непросто на Севере, — говорят инженеры. — Построили дом, а через год-другой на стене появилась трещина. Почему? Там, в глубине, грунт растаял и осел. Осела и часть фундамента. Дом в аварийном состоянии, люди выселены.

Это — вечная мерзлота.

Всю ночь над Кодаром вспыхивали молнии, а утром небольшой ручеек, стекающий с вершин хребта, превратился в мутную стремительную реку. А дождь не прекращается. Уровень воды в реках поднялся на восемь, десять, двенадцать, пятнадцать метров! Каждый кубический метр воды несет две тонны камней, грязи, песку. Представьте себе, как эта громадная масса, начиненная миллионами ядер, бьет по железнодорожной насыпи, по опорам моста...

Это — сели.

В отдельные годы на транспортных магистралях Сибири и Дальнего Востока автомашины, бульдозеры вмерзают в лед, прекращается движение поездов, разрушаются мосты и станционные постройки.

Это — наледи.

..В местах пересечения трассой БАМ Байкальского и Северо-Муйского хребтов, превышающих отметки 2500 метров, в долинах рек Кунерма, Гоуджекит, Ангаракан и Муякан ежегодно наблюдается сход значительных по размерам (несколько десятков тысяч кубических метров) лавин, непосредственно угрожающих магистрали и строительным площадкам, проектируемым и существующим в настоящее время.

Это — лавины.

— Да, все непросто на Севере, — подтверждают географы и экологи... — Вот Урал... Огромная кладовая с рудными и минеральными богатствами. Кристалльные

чистые реки, непроходимые леса... Таким увидели этот край служилые люди, придя сюда в начале семнадцатого века.

А в начале нашего века Д. И. Менделеев предупреждал: «...С него (Урала) текут одни воды к западу, в огромную систему Волги, другие стремятся в могучую Обь... От Урала же текут реки к югу, в реку Урал, и к северу, в Печору. ...Источите тут леса — пустынными станут не только сами горы, но и плоскости, населенные миллионами русских... А поэтому русская сознательность отвечает ясно на первый вопрос: на Урале никоим образом не следует допустить даже начала истощения лесов».

Зона БАМа...

Но неужели мы продолжим счет необходимым поступком людей? Неужели через пятнадцать-двадцать лет о нас скажут: «Они, предвидя серьезные последствия, тем не менее не сумели сохранить равновесие в природе, открыв начало необратимым процессам».

— Все на Севере непросто, — повторяют вслед за инженерами, географами и экологами медики. — Мы пока имеем дело на БАМе с людьми, в основном, молодыми, которые сравнительно легко переносят процесс акклиматизации. Но как и любая другая стройка, БАМ станет стареть... И вот тогда обнаружится, что, как и повсюду, люди здесь подразделяются на две категории — спринтеров и стайеров. У спринтера течение болезни тяжелое, но зато, как правило, не имеет осложнений, стайеру всегда грозит хроническая форма. Чаще всего она заканчивается заявлением об увольнении «в связи с состоянием здоровья». Для населения зоны БАМа должна быть выработана своя стратегия здоровья. Наша задача заключается в том, чтобы максимально нейтрализовать действие агрессивной среды на человека, научиться предотвращать болезни.

— Да, на Севере все непросто, — подтверждают и экономисты. — Но пока еще никто не сказал о деньгах. Между тем, один только Удокан потребует столько капиталовложений, сколько их было сделано в Читинской области за всю ее историю. Подсчитано, чтобы устроить одного человека на Севере, надо затратить 25 тысяч рублей (в разных источниках называют разные цифры — одиннадцать и даже сорок тысяч). Эти затраты складываются из расходов на создание социально-бытовой инфраструктуры: жилые дома, школы, магазины, детские сады, дороги, курорты, связь и т. д. Не случится ли так, что они превратят освоение зоны Байкало-Амурской магистрали в нерентабельное предприятие? Значит, чтобы сбалансировать эти затраты с трудовой отдачей человека, необходимо на новых предприятиях закладывать самую совершенную технологию. Какую? Пока ясно одно: технология должна отвечать требованиям двадцать первого века. Только этот путь приведет к эффективности. Вот проблемы, к решению

которых должны, не откладывая, приступить инженеры, конструкторы, хозяйственники.

— Да, на Севере все непросто, — согласится читатель. — Но, может быть, и не стоило затевать в таких сложнейших природно-климатических условиях строительство железной дороги, новых предприятий, поселков и городов? Ведь как бы там ни сэкономили, а, судя по всему, освоение нового огромного района обойдется дорого. И что станет с природой, когда она испытает на себе «нажим» мощной техники?

Ученые ответили и на эти вопросы.

Зона, прилегающая к Байкало-Амурской железнодорожной магистрали, давно привлекала их внимание. Природа будто бы и впрямь позаботилась о человеке, расположив здесь месторождения полезных ископаемых узлами, букетами. Это позволяет комплексно использовать природные богатства. Геологи нашли недалеко от будущей дороги газ, уголь, медные, железные и полиметаллические руды, молибден, апатиты, слюду, фосфориты, асбест, каменную соль.

Северо-Байкальский рудный район располагает свинцом и цинком, на севере Бурятии открыто асбестовое месторождение. Кодаро-Удоканский район имеет медь, северо-восток Читинской области и юг Якутии несут в себе железо, уголь, газ, Комсомольский район — олово. Но и это еще не все: территория здесь в геологическом отношении изучена плохо; геологи, идя вслед за изыскателями железной дороги, нередко вынуждены корректировать трассу — под будущей насыпью вдруг обнаруживаются рудопроявления.

А экономисты торопят. Они говорят: оптимальные варианты промышленных узлов можно строить только на комплексном, сбалансированном использовании богатств группы дополняющих друг друга месторождений. Следовательно, необходима комплексная экономическая оценка минеральных ресурсов, обоснование последовательности вовлечения месторождений в хозяйственный оборот.

Для геологов это означает одно: сказав некогда «А», им предстоит перебрать добрый десяток следующих за ней букв, ибо было бы в принципе неверно планировать размещение предприятий, создание территориально-производственных комплексов только на известных месторождениях. Ведь не исключена возможность открытия таких месторождений, которые повлияли бы на размещение и формирование территориально-производственных комплексов. Знать о них сегодня — значит избежать ошибок.

Стратегию дальнейших действий геологов в зоне БАМа определил на конференции заместитель директора Института геологии и геофизики Сибирского отделения АН СССР академик В. А. Кузнецов:

— Еще недавно большинство месторождений полезных ископаемых лежало, как го-

воят геологи, на полке. Не было необходимости вкладывать средства в их разработку, поскольку расположены они далеко от обжитых мест, крайне неудобны для освоения. Например, удоканская медь, при всей потребности в ней, до сих пор дожидается своего часа.

Теперь положение в корне изменилось. Трасса Байкало-Амурской магистрали пройдет в непосредственной близости от различных месторождений, и один этот факт заставляет оценить ситуацию строго с экономических позиций. Появилась потребность в возобновлении поисковых работ, особенно в районах больших узлов, в доразведке запасов минерального сырья.

Глубокий анализ позволил определить главные направления геологоразведочных работ. Их набирается пять.

Во-первых, выявление различных месторождений.

Во-вторых, создание на востоке страны новой сырьевой базы для добычи свинца и цинка.

В-третьих, значительное расширение запасов меди на Удокане. Масштабы проектируемого здесь горно-обогатительного комбината поистине грандиозны, поэтому его надо крупно и надолго обеспечить запасами сырья.

В-четвертых, ускорение создания прочной железорудной базы в Южной Якутии.

В-пятых, создание значительного оловянного района на Востоке.

Есть, конечно, и другие задачи: разведка нефти и газа, угля — коксующегося и энергетического, оценка апатитовых месторождений, поиски фосфоритов, строительных материалов и т. д.

Воспевые в песнях геологи-романтики уносили с собой в северное безмолвие энтузиазм первопроходцев и томики лирических стихов, а оттуда приносили месторождения полезных ископаемых. Благодаря им станет возможен БАМ как самоокупаемая система. Длинные его стальные нити, словно вытянутые руки, будут выносить и на запад, и к восточному порогу России «хлеб и соль» Сибири.

И хотя еще дремлют в недрах разведанные богатства, еще не тронуты леса, а экономисты уже переводят все это в тонны, кубометры и рубли. И не только наши, советские экономисты, но и зарубежные эксперты. Особенно большое внимание и с той, и с другой стороны обращается на развитие Южно-Якутского угольного бассейна. «Стыковка» БАМа с океаном будет заставлять нашего нового сибирского «богатыря» и технически, и технологически выглядеть вполне на уровне современности. А также ускорит и удешевит его экономическое становление.

Тактическая формула освоения, в сущности, проста: зона БАМа должна сама добывать часть средств на свое создание. Поэтому с нарастающим темпом продви-

гаются дорожные отряды из Тынды на Беркамит — к чульманским коксующимся углям. Поэтому отпускаются весьма жесткие сроки на прокладку автотрассы из Могочи к меденосному Удокану. И поэтому геологи не жалеют усилий на разведку и доразведку сырьевых кладовых.

Обществу далеко не все равно, когда — через пять или пятьдесят лет — будет получен значительный экономический эффект. Парадокс, но в нем — истина: при всей своей дороговизне вторжение человека на Север должно быть дешевым. И максимально выгодным. И эта противоречивая ситуация поставила перед наукой, пожалуй, самый большой вопросительный знак.

На практике «вторжение человека» означает натиск десятков отраслей, преследующих свои собственные экономические цели. Пример первый, рассказанный сотрудником отдела экономики Якутского филиала Сибирского отделения АН СССР И. П. Авдеевым:

«В Южной Якутии редчайшее в мире скопление полезных ископаемых: угля, газа, железной руды, — которое должно превратить этот район в крупную металлургическую базу. Как говорят, цивилизация начинается с энергетики, и Минуглепрому запланировали здесь строительство Нерюн-гринской ГРЭС. Но первоначальную мощность ее определили исходя только из узкой отраслевой потребности. А ведь энергия потребуется и горнякам, и металлургам, и жителям будущих городов. То же самое обнаружилось и с созданием производственной базы строительства. Неужели каждая отрасль должна городить свой собственный огород?»

Пример второй: «Чара — будущая медная столица БАМа, но она не имеет единого генерального плана. Железнодорожники проектируют свое хозяйство — жилье, баню, клуб, их дублируют геологи, геологов — Гипроцветмет. И все это на одной территории, в пределах одного административного подразделения, которое должно стремиться к максимальной ограниченности».

И, наконец, пример третий. Его привел в своем выступлении на конференции первый секретарь Бурятского обкома КПСС А. У. Модогоев: «У нас в поселке Усть-Баргузин, который стоит на берегу Байкала, начальник пристани получал 120 рублей заработной платы. Потом через дорогу появилась бамовская организация, и он перешел туда, стал получать 350 рублей — в том же поселке, в тех же условиях. Теперь наша пристань без начальника, и никого там на эту должность не могут найти».

От стихии чисто ведомственного подхода не поздоровится всему народному хозяйству — удорожание проектов и объектов из-за подобных накладок способно выбить программу хозяйственного освоения зоны из рамок рентабельности, обременить государственный бюджет, «съесть» народные

денги. Далеко не праздный вопрос: во имя чего мы осваиваем новые районы, богатства Сибири, рвемся на Север? Разумеется, во имя того, чтобы советским людям жилось еще лучше. Но от межведомственной чересполощицы плохо придется прежде всего человеку, приехавшему на освоение зоны БАМа.

Ему даже в обжитых местах на Востоке живется не так хорошо, как в Европейской части: а ведь и там ни один административно-экономический район не может похвастать избытком рабочей силы. По сравнению с центральными областями страны, так называемая миграционная подвижность населения в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке в два с лишним раза выше. Через год после приезда в города Хабаровского края каждая сотня переселенцев (мигрантов) тощак почти на сорок человек, в Читинской области — наполовину. Социологам переселенцы говорят: создайте нормальные материальные условия жизни, повысьте уровень культурно-бытового обслуживания, улучшите организацию труда — и мы, возможно, останемся.

Вся беда в том, считает кандидат географических наук Б. Прохоров, что слишком мало людей занимается «проблемами человека». Высказать свое мнение по этому вопросу мы попросили директора Центрального экономического научно-исследовательского института при Госплане РСФСР, доктора экономических наук В. П. Можина, который руководил работой секции «Социально-экономические проблемы хозяйственного освоения зоны БАМа».

— В одном из выступлений на нашей секции, — рассказывает он, — прозвучал лозунг: «БАМу — технологию XXI века!» Это верно со многих точек зрения. На строительство дороги, на хозяйственное освоение всей зоны предстоит привлечь сотни тысяч людей. Сразу возникает несколько вопросов: откуда их брать, как привлечь? Почти все представители из областей, по территории которых пройдет железная дорога, говорили о дефиците рабочей силы. Надо учитывать, что и в центральных районах страны ощущается нехватка людей. То есть проблема обеспечения хозяйственного освоения этого нового района трудовыми ресурсами является наиболее важной и наиболее сложной.

Стало быть, для решения этих вопросов во всех технологических, технических разработках и проектах стержнем должна быть так называемая трудосберегательная политика. Зачем тащить много людей в эти северные края, когда можно пойти по другому пути: переложить труд на плечи машин. Техника и технология в районах нового освоения должна нести социальную функцию, оберегать труд человека, обеспечивать ему трудовой комфорт. Это первая проблема.

Вторая заключается в создании комфортных условий для проживания людей. Должна получить преимущество развитые социально-бытовая инфраструктура. Те,

кто сюда приедет, должны иметь преимущество в жилье, в зарплате, в снабжении. В числе причин, сильно влияющих на эффективность труда, немаловажной является такая, как действие «человеческого фактора». Учет его особенно важен для новостроек Сибири, тем более — для БАМа.

Стало быть, все социальные процессы следует построить так, чтобы они активно и положительно влияли на производство.

В применении к хозяйственному освоению зоны Байкало-Амурской магистрали это означает одно: надо привести в гармонию узкие ведомственные интересы отраслей, интересы рядового строителя и государственные интересы. Отраслям нужны новые предприятия, человеку — развитая социально-бытовая инфраструктура, чтобы он захотел (именно, захотел!) там жить и работать, государству — быстрое и эффективное освоение новых территорий, новых природных богатств.

Специалисты называют это комплексным подходом, который заключается в том, чтобы «все элементы социально-экономического организма района обеспечивали оптимальное его функционирование, направленное на выполнение основного общегосударственного задания». Другими словами, во весь свой рост встает проблема управления.

Конференция, как вогнутое зеркало, сконцентрировала все беспокойство специалистов по поводу решения этой проблемы и одновременно продемонстрировала уровень ее понимания.

— Проблема процесса управления хозяйственным освоением зоны — самая острая, — говорит В. П. Можин. — С решения ее надо все и начинать. И только потом можно идти дальше. Системы управления нет, поэтому доминирует отраслевой принцип.

— Надо составить генеральную схему планового развития зоны магистрали, — поддерживает эту же мысль доктор экономических наук В. П. Красовский.

— Не преодолена односторонность в подходе: проблемы геологические и инженерные оттесняют общегуманистические проблемы, — отмечает академик ВАСХНИЛ В. А. Тихонов.

— Необходимо срочно применить на БАМе науку управления и организации, — замечает А. Я. Погребной, главный инженер Дирекции строительства БАМ. — Привлечены сотни институтов, а кто координирует их работу? Такого центра нет.

— Должны быть единая производственная и социальная инфраструктура и единый орган руководства, — говорит член ЦК КПСС, секретарь Бурятского обкома КПСС А. У. Модогоев.

Эту мысль разделяет директор одного из институтов Букреев:

— Надо создать общую концепцию хозяйственного освоения зоны, комплексно и взаимосвязанно размещать предприятия ин-

дустрии, сельского хозяйства, объекты социально-бытовой инфраструктуры.

Сибирские ученые под руководством директора Института экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения АН СССР академика А. Г. Аганбегяна предлагают идею территориально-производственных комплексов (ТПК), которые зародились и обкатаны в Восточной Сибири. Знаменитые «уроки Братска» научили: въезжать на сибирские просторы за богатствами недр отрасли должны только в упряжке ТПК. И лучше это делать, предварительно отдав свои кошельки единому хозяйственному или координирующему центру внутри территориально-производственного комплекса.

Заметьте, как рос в стране размах социально-экономических акций: сначала «сажали» в нужном месте предприятие и поселок при нем — таких поселков много и теперь, особенно на Востоке. Потом счет пошел на города: Ангарск и Братск — дети той эпохи. Теперь нам по плечу мощные территориально-производственные комплексы.

В сущности, вся территория, осваиваемая между Леной и Амуром (двадцатая часть территории Союза), должна стать опытным плацдармом, где рождаются и проходят проверку новые научные, технологические и хозяйственные концепции, где все осуществляется с самого начала на современных научных основах, где государство получит максимальный выигрыш, а человек будет доволен созданными ему здесь условиями. Гирлянда территориально-производственных комплексов — взаимозавязанных, специализированных, подчиненных единой цели, — нанизанная на трехтысячекилометровую стрелу магистрали — вот что такое Программа БАМ. Первые ее контуры прорезались на Читинской научно-практической конференции.

Создание ее уже началось — в рабочих кабинетах и лабораториях ученых и в северной тайге — там, где укладываются первые километры новой железной дороги.

И вот теперь пришла пора сказать в о самой Байкало-Амурской железнодорожной магистрали. Рисуя картины близкого будущего зоны, прилегающей к железной дороге, мы невольно «низвергли» авторитет магистрали. Могучие территориально-производственные комплексы и промышленные узлы, включающие в себя электростанции, заводы, комбинаты-гиганты, потребуют несравненно больших средств, чем сама дорога, по сложности и уникальности технологии будущие предприятия не имеют сегодня аналогов. Это будет нечто такое, чего мы, неспециалисты, и представить себе не можем. И если признать лозунг, выдвинутый конференцией, — «Зоне БАМа — технологию XXI века!» — как руководящее направление, то нам, людям двадцатого века, посчастливится заглянуть в двадцать первый.

Но и основной особенностью новой железнодорожной магистрали является то, что она также должна строиться по меркам двадцать первого века. Специально для нее конструируются электровозы и вагоны, вес поездов здесь достигнет десяти тысяч тонн, благодаря новейшим устройствам сигнализации, централизации и блокировки будет повышена пропускная способность. БАМ станет вторым позвоночным хребтом Сибири. По его венам хлынет нефть до Ургала (от Ургала по нефтепроводу — в порты Дальнего Востока), затем пойдет уголь, руда, лес. БАМ частично разгрузит Восточно-Сибирскую, Забайкальскую и Дальневосточную железные дороги, которые нынче работают с перенапряжением. На западном и восточном концах «позвоночного хребта» возникнут пучки «нервных» окончаний — подходов к БАМу со стороны Западной Сибири и к морским портам — Ванино, Восточный, Владивосток, Находка.

Сама железнодорожная магистраль, подходы к ней, железные дороги с выходами в тихоокеанские порты, прирассовые и подъездные автомобильные дороги — вот та паутина транспортных коммуникаций, устройство которых позволит с высокой эффективностью вовлечь природные ресурсы огромной территории в народное хозяйство. Именно поэтому БАМ на конференции признана «гвоздем» всей Программы хозяйственного освоения зоны.

Окончание строительства БАМ завершится через восемь или девять лет, но это не означает, что только тогда начнется ее эксплуатация. Отдельные участки магистрали начнут работать раньше. По ветке Бам — Тында поезда с углем пойдут в 1978 году, раньше сформируется железнодорожный узел Тында, получат развитие станции Транссибирской магистрали, расположенные на подходах к линии Бам—Тында. Это нужно сделать для того, чтобы БАМ смог скорее начать окупать себя.

Словом, не просто современная, а ультрасовременная дорога экстра-класса — такой хотя бы видят БАМ эксплуатационники, ученые и все мы.

— В нашей стране строили дороги и на вечной мерзлоте, и в районах высокой сейсмичности, и в местах, похожих по климатическим условиям, — рассказывает руководитель секции «Проблемы строительства и эксплуатации Байкало-Амурской железнодорожной магистрали» Л. Я. Финкельштейн. — Но впервые все эти три компонента сошлись вместе. Вот почему мы говорим: строить дорогу по-старому нельзя. Это первое.

Второе. Мы обязаны создать максимум удобств тем людям, которые в будущем будут обслуживать магистраль. Значит, при разработке проектов необходимо обратить особое внимание на формирование комфортной среды.

Третье. На БАМе строительные объемы значительны. В сроках, как вы знаете, строителей поджимают. А потому здесь

требуется особая, высокопроизводительная техника. Сегодня мы не располагаем ею в нужном количестве.

Наш собеседник назвал лишь основные проблемы: лавины, селевые потоки, наледи, вечная мерзлота, сейсмичность, мороз за минус пятьдесят... Этот «букет» из стихий привлекателен, когда смотришь на него издалека или в телевизоре. Проектировщикам же и будущим эксплуатационникам грозные стихийные явления не дают спокойно спать.

Но есть еще, возможно, и более сложные проблемы. Например, проходка тоннелей... Для того чтобы в намеченный срок завершить работы, начинать их нужно сегодня. А для того, чтобы начать сегодня, нужна техника — тяжелая и не очень-то транспортабельная. Технику пока трудно доставить на место — судоходство на Байкале отстало от потребностей БАМа.

Другая проблема — строительство подъездной автодороги. Известно, что бездорожье удлиняет сроки строительства. Правда, параллельно железнодорожной магистрали сооружается временная автодорога, но она не сможет осуществить большой объем перевозок.

По БАМу будут ходить поезда весом до десяти тысяч тонн. Но как они будут ходить в условиях резко континентального климата, повышенной сейсмичности, сложного плана и рельефа пути, наледей, лавин и т. д. Пока этого никто не знает. А знать надо. Печальный опыт Трансканадской железнодорожной магистрали, вышедшей из строя на два года, предостерегает: с Севером надо быть на «Вы».

Прекрасен ближний Север Сибири и Дальнего Востока! Серебряные шапки старика Кодара, альпийские луга, а рядом с ними барханы подвижного песка, воспетый поэтами Байкал, чистые реки... Европейец, впервые оказавшийся здесь в июле-августе, пожалуй, только подивится рассказам о суровом климате Сибири. Неистово ласкает солнце землю, торопятся отцвести и дать семена цветы и травы, на темно-зеленом ковре брусничника выступили розовые капли.

Где же сибирский холод? И абориген на это полушутя-полусерьезно отвечает: «У нас в Сибири десять месяцев зимы, а остальное — лето...»

Перейдем к фактам... Активная вегетация растений наступает при температуре плюс десять градусов и заканчивается при температуре плюс пять градусов. Продолжительность периода с температурой выше десяти градусов колеблется на трассе от 60 до 125 дней. В Чарской котловине бывает лишь 60—65 безморозных дней. Средняя годовая температура на участке Чара—Нюкжа—Тында минус восемь-девять градусов, а в котловинах столбик опускается до минус 60. В Удокане зима длится 232 дня, в местечке Дагарский Маяк, между Нижнеангарском и Муей, — 262 дня. Во многих местах можно обнаружить погребные льды, их толщина достигает пят-

надцати метров. Вечная мерзлота простирается на глубину до трехсот метров.

А на верху этого грандиозного холодильника цветут цветы, растут деревья и травы, пасутся лоси и козы. И человек веками пользовался дарами тайги: она кормила, поила и одевала его. Существовало равновесие, все процессы и явления составляли суть гармонии, установленной методом проб самой природой.

И вот теперь сюда идет человек. Не с охотничьим ножом и даже не с ружьем. Он станет обнажать ножами бульдозеров и зубьями экскаваторов берега рек, сдирать теплоизоляционный слой из мха и останков растений, рубить лес, оставлять в нем костры. Скоро он приступит к строительству заводов, электростанций, горных предприятий. Человеку потребуются вода, много воды, и он будет вынужден черпать ее из-под земли, изменять режим рек.

Эйнштейн как-то сказал: человечеству не хватает скамеек. Скамеек для того, чтобы остановиться, сесть и подумать. А подумать есть о чем. Пять лет назад в одной из японских речек фоторепортеры местной газеты... проявили фотопленку. Сегодня жители американских городов дышат кислородом, который поступает на их территорию из других районов — «своего» не хватает.

— Да, масштабы человеческой деятельности сегодня таковы, что одно непродуманное решение может вызвать глобальные процессы, которыми он еще не научился управлять. Важно, чтобы он был благоразумным, осторожным, — сказал В. П. Шощкий, руководитель секции «Географические и экологические проблемы хозяйственного освоения зоны БАМа».

Нынешняя конференция, участие в ней географов, медиков, биологов показали: отныне народнохозяйственные программы должны и будут решаться с учетом прогнозов последствий человеческой деятельности. Действительно, имеется уже немало примеров, когда за «невежливое» обращение с собой природа мстила человеку. Поэтому на конференции обратили внимание прежде всего на организационные меры. Необходимо, чтобы в разработке проектов, на всех ее стадиях, географы, биологи, медики принимали самое активное участие. Ни один проект не может быть принят к производству без их экспертизы — таким должно быть правило.

Решение географических, экологических, медицинских проблем потребует денег. Вот почему названные проблемы являются по сути своей проблемами экономическими. Мы записали в своих рекомендациях: меры, предохраняющие окружающую среду от разрушения, должны быть заложены в проектах, должны финансироваться таким же образом, как, например, строительство железной дороги.

Так что Читинская научно-практическая конференция и явилась как раз той «скамейкой», на которую Эйнштейн советовал

человеку присесть и подумать о своих взаимоотношениях с природой.

Ученые серьезно предупреждают проектировщиков, строителей, эксплуатационников, всех новоселов тайги от необдуманных действий. При всей своей суровости северная природа удивительно легко ранима. Экологическое равновесие здесь крайне неустойчиво, взаимосвязи между ее явлениями и процессами держатся на «честном слове». Достаточно, например, бульдозеру круто развернуться, содрать теплоизоляционный слой и открыть для луча солнца поверхность земли, как здесь через год-другой образуется лужица, затем болотце... Такое происхождение имеют многие озера на Севере там, где побывал человек с техникой. Человек потихоньку начинает изменять ландшафт, водный и тепловой режим. Грунтовые воды могут скапливаться в неожиданных для человека местах, увеличившиеся поверхности открытых вод повлияют на климат, изменения в климате — на животный и растительный мир. Вторгаться же в биологическую цепочку, предварительно не взвесив все «за» и «против», крайне опасно.

Что же, на цыпочках теперь ходить по Северу?

Нет, речь идет не только о пассивном вмешательстве (приспособлении методов строительства, проектов к экстремальным условиям региона), но и об активном (мелиорации как водного, так и теплового режимов).

Мы вынуждены вежливо вести себя с вечной мерзлотой не потому, что она нам нравится, а потому, что не знаем эффективной защиты от нее. Самая эффективная защита пока — оставить ее в покое. Способы строительства и нацелены на консервацию вечной мерзлоты.

Однако там, где есть уверенность в положительном результате, необходимо руководствоваться идеей культурного ландшафта, то есть создавать искусственную природную среду.

Еще один немаловажный вопрос: учет в практике накопленной информации о готовящейся к освоению территории.

Происходит нечто удивительное: ученые знают и предупреждают практиков об отрицательных последствиях, если не учитывать природные и климатические особенности Севера. А практик слушает, соглашается и... делает все по старинке. Обиднее всего, что и он, практик, знает, что делает не так, как следует, а остановиться не может. Кто-то подстегивает его инструкциями, правилами, нормами, приемлемыми для Рязанской (к примеру) области, но совершенно непригодными для Севера.

Наука многое знает о Севере, но не все. Порой она не знает и того, что знает. Парадокс последней фразы заключается в следующем: результаты наблюдений и исследований, проведенных в предшествующие годы, хранятся где-то на полках. Это —

мертвый капитал, нереализованные знания. Их десятилетиями добывали местные научные силы, но поскольку значимость проводимой ими работы ограничивалась рамками местного применения, то и известность они получили местную. Теперь, как выразился академик Л. П. Казначеев, местные научные учреждения неожиданно для самих себя оказались на сцене Большого театра. Им надо заглянуть на полки. Но что на них искать? По каким направлениям усилить исследования, наблюдения? Этого они не знают, и все в один голос говорят: «Надо создать координационный центр, который выработал бы эти направления и поставил конкретные задачи перед нами».

Необходимо взять под охрану зону БАМа: не допустить загрязнения вод, почв, воздушного бассейна, тщательно регулировать вырубку леса, организовать группу заказников. Многие из того, что предлагают ученые, потребует организации безотходных производств, внедрения технологии с замкнутым циклом, что, конечно, стоит дороже, чем поставить трубу или прорыть сточную канаву. Однако эти затраты окупаются, и не косвенно, а прямо. Их окупает здоровье людей.

Комфортность — вот критерий, которым руководствуется наше общество, приступая к освоению огромной зоны. Люди не заселяли Север прежде всего из-за суровых климатических условий. Нынешние экстримеры (комсомольские отряды, шефы из республик) — явление временное. В будущем, когда начнется эксплуатация магистралей и предприятий, формирование населения будет подчиняться общим демографическим закономерностям. И если в зоне БАМа не будет создана искусственная оболочка (жилые дома, школы, детские сады и т. п.), способная нейтрализовать влияние экстремальной среды, то трудно ожидать положительного баланса миграции. Но понятие комфортность включает в себя не только пятнадцать метров жилой площади на человека, теплые переходы из домов в детские сады и школы, но и рациональное питание, чистое небо, чистые реки, не отягощенную отходами землю. Это не роскошь. Нас заставляет это делать необходимость, ибо теперь мы уже твердо знаем, что пульс человека зависит от «пульса» природы.

Конференция, бесспорно, внесла ясность в содержание главных проблем, связанных с хозяйственным освоением ближнего Севера. Ценность её еще и в том, что одни и те же сквозные проблемы обсуждали специалисты самых различных направлений, представители многих отраслей. Они искали и находили общий язык, договаривались о совместных действиях на базе единого подхода. Зона хозяйственного освоения БАМа может и должна стать полигоном, на котором советский человек испытает модель завтрашнего дня.

МЕДНЫЙ КЛАД УДОКАНА

ОЧЕРК

Летом в Чару можно долететь только самолетом или вертолетом. А с наступлением холодов, когда бурные реки, таежные ключи и вязкие болота покрываются ледяным панцирем, открывается интенсивное движение по шестисоткилометровому автозимнику. Люди спешат доставить в самый северный поселок Читинской области технику, геологическое оборудование, горючее, строительные материалы, промышленные и продовольственные товары. Поток грузов в Чару стремительно нарастает.

Невелика она да и на вид пока неказиста, а слава о ней облетела полсвета. И журналисты и сами геологи называют Чару будущей медной столицей страны. Здесь будет построен Удоканский горно-обогатительный комбинат. Уже составлен рабочий проект опытного предприятия, геологи ищут площадку для будущего города, который вырастет среди высоких гор. Все планы рассчитаны так, что основные строительные работы начнутся тогда, когда дотянутся до Чары стальные руки Байкало-Амурской магистрали. Она преобразит суровый ныне край и вдохнет в него новую жизнь. Это будет. И будет скоро. А пока геологи продолжают наращивать запасы подземных богатств, создавая прочную базу для экономического расцвета отдаленного района.

На Удокане мне хотелось побывать давно. Наконец такой случай предоставился. Главный инженер Читинского геологического управления Евгений Николаевич Смирнов, взглянув на мой летний костюм, предупредил:

— Одеться надо потеплее, там по колено снегу. В самой Чаре можно, конечно, и так ходить, а в горах, где партии работают, забайкальская безрукавка-меховушка да сапоги как раз впору.

В Чите стояла теплынь, и трудно было представить, что где-то в нашей области еще бушуют зимние метели. Однако в справедливости слов Смирнова мне пришлось вскоре убедиться.

В Чару мы летели вместе с главным инженером Удоканской геологоразведочной экспедиции Василием Николаевичем Клименко. Самолет был битком набит разнокалиберными тюками, бочками, ящиками С запасными частями к буровым станкам.

— Что поделаешь, — извиняющимся то-

ном сказал Клименко, — все это край как необходимо. Любую мелочь вплоть до пустякового гвоздя приходится по воздуху перебрасывать. Зимник наших потребностей уже не обеспечивает, надо переоборудовать его в дорогу круглогодичного действия. А пока — выбирай: то ли эти вот железяки брать, без которых работа станет, то ли овощи свежие. Собственно, — поправился он, — и то, и другое человеку необходимо. Если хотите, так и от овощей разведка месторождения зависит не в меньшей степени, чем от станков. Вот и выкручиваемся, как можем.

За разговором время пролетело незаметно. Проплыли внизу заснеженные гольцы Кодарского хребта, цепочка озер, знаменитые движущиеся пески, постепенно погребаящие под собой чахлые лиственницы. Показался поселок — низкие деревянные домики, кучно сбившиеся на берегу речки. Это и есть Чара. Сразу после приземления самолета над долиной нахмурилось небо. Откуда-то с дальних гор свалились свинцовые тучи, подул резкий пронизывающий ветер, а потом начал сыпать мелкий дождь пополам со снегом.

Прямо передо мной зубчатой стеной стоял Кодар. Острые пики его белоснежных вершин, вспоров тучи, ярко блестели в лучах солнца. Удивительная картина! Здесь, в долине, пуржит, гуляет непогода, а высоко в горах сияет солнце. Между двумя мирами пролегла четкая граница. Снежный Кодар слепил глаза, а Удокан, стоящий напротив, хмурился, слал на нас тучи и прятался в них, точно накрывшись шапкой-невидимкой. Два хребта — два характера. Вглядываясь в них, вспомнил я старинную эвенкийскую легенду о том, как два сказочных богатыря Кодар и Удокан нашли в земле богатый клад. Заспорили, кому принадлежать он должен, а затем натянули тугие луки, пустили друг в друга острые стрелы и упали оба замертво. И вздыбились на том месте высокие горы и погребли под собой тот богатырский клад.

Легенда легендой, а природа-матушка действительно за семью замками да за семью печатями прятала медные сокровища. Окружила их вечной мерзлотой, широкими марями и болотами, селями и снежными лавинами. Полное бездорожье и суперконтинентальный климат тоже со счетов не сбросишь. Все эти трудности и выпали на

долю геологов-первопроходцев. Первой преодолела их и проложила путь к богатствам Удокана Елизавета Ивановна Бурова, лауреат Ленинской премии. Было это 29 июня 1949 года.

Тот памятный день, осветивший впоследствии всю ее жизнь, начался буднично. Накануне всю ночь моросил дождь, и утро выдалось холодное, сыкатное. Густой туман серой ватой укутал горы, наглухо забил долину реки Наминги. Из теплых спальников вылезать никому не хотелось. Наконец, первым поднялся начальник партии Константин Кузьмич Денисов. Следом за ним, морщась, натянула влажную, так и не просохшую за ночь одежду Елизавета Ивановна. Она вышла из палатки, достала сухие дрова и принялась за костер. После завтрака лагерь геологов опустел. Вместе с Буровой в маршрут пошли оператор Клава Балканова и рабочий Владимир Аристов. Впереди, как всегда, резво прыгал пес Бобка, которого Бурова подобрали в Чаре перед полевым сезоном. Отряду предстояло километров шесть пройти вверх по безымянному ключу, впадавшему в Намингу, подняться на гору и верхом вернуться обратно.

Маршрут выдался на редкость тяжелый. Геологи с трудом продирались сквозь заросли стланикового кедра, шли по скользким острым камням, оступались и падали. Вскоре руки и ноги покрылись глубокими ссадинами. С широченных лап кедрача то и дело сыпались за шиворот холодные струи. Бобка вначале бодро бежал рядом, потом отстал и повернул назад. Привычен был, кажется, к любым маршрутам, а тут не выдержал. Часа через три туман начал рассеиваться, и в ущелье пробилась теплая солнечная лучи. У водопада следовали первый привал. Поперек ключа здесь лежал огромный валун. Скатываясь с него, вода вымыла внизу глубокий яму. В нее-то Бурова и уронила случайно геологический молоток, с которым прокладывала свои маршруты в Восточных Саянах, в горах южного Забайкалья и на севере Иркутской области.

— Только этого не хватало, — огорчилась она. — Несчастливый сегодня день — ключ этот душу вымотал, теперь вот молоток утопила. Хоть кулаком породу отбивай.

Аристов нырнул за ним раз десять, но не достал. Одеваясь заметил:

— Ничего, Елизавета Ивановна. Авось, потеря-то к счастью будет. Когда посуда в доме бьется — так что говорят?

Отдохнув и подкрепившись, двинулись дальше. По сторонам ключа громоздились огромные темно-серые скалы, с которых сползали кое-где опасные осыпи: задень один камень — и она лавиной обрушится вниз. Ничего интересного встречающаяся порода для геологов не представляла. И вдруг на однообразном скучном фоне Бурова увидела изумрудное пятно. Подошла поближе, взяла несколько зеленоватых камней и внимательно осмотрела. Это бы-

ла медная руда. «Видимо, с верховьев ключа вынесло», — подумала она. Однако взглянув вверх, увидела, что там зелень еще гуще. Попробовала было вскарабкаться до обнажения коренных пород и не смогла — путь преградила осыпь. Посоветовавшись с Балкановой и Аристовым, решила пройти маршрут до конца, а на обратном пути заглянуть сюда. Сверху-то легче к руде подобраться, чтобы отобрать наиболее характерные образцы. Так оно и оказалось. Отряд задержался здесь допоздна, в лагерь вернулись, когда о них уже начали беспокоиться.

Бурова рассказала Денисову о находке и показала руду. Наутро вся партия, вооружившись кирками и молотками, отправилась осматривать выходы коренных пород. Описали и занесли их на карту, отобрали новые образцы. Даже чисто визуальные данные свидетельствовали о том, что перед ними мощное рудопроявление. Однако об истинных масштабах открытия никто еще не подозревал. И Бурова тоже не могла знать, что день 29 июня станет днем рождения широко известного теперь Удоканского месторождения меди. Но это потом. Между геологическим отчетом Е. И. Буровой и нынешним признанием Удокана еще лежали многотрудные годы.

Следующей весной была организована специальная партия во главе с А. А. Семихатовым. Она провела в районе поисковые работы, оконтуривала выходы меденосных пород и дала первую перспективную оценку месторождения. Затем крутые бока Удокана покрылись густой сетью канав и буровых скважин. Он стал геологической меккой. Познакомиться с месторождением приезжали видные ученые из Москвы, Ленинграда, Свердловска, которых удивлял щедрый дар природы. Отчет, подготовленный разведчиками недр под руководством Э. Ф. Гринтала, был защищен в Государственной комиссии по запасам с блеском.

За время, прошедшее с той поры, медный вес Удокана значительно потяжелел. Кроме него, геологи открыли и оценили на поисковой стадии, несколько новых месторождений — Ункурское, Бурпалинское, Чинейское, Правонингамакитское, Сюльбанское, запасы которых выражаются многозначными цифрами. Все они расположены так близко к БАМУ, что в некоторых местах медь уходит прямо под будущую железнодорожную магистраль. А кроме нее, здесь недавно найдены месторождения железа, угля, титано-магнетитов, вольфрама, молибдена, строительных материалов. Какими только богатствами ни наделила природа эту окраину Сибирской платформы, живут и работают на которой мужественные люди! Многие они испытали, преодолели все трудности, но подобрали ключи к богатейшему кладу хозяйки медной горы. Не могу не привести здесь слова старожилы Удокана Валентина Кривенко:

«Конечно, трудностей и сейчас хватает. Однако они, я бы сказал, в ином качественном измерении. Допустим, кончился в

Поселок металлургов

партии хлеб, и некоторые ребята бомбардируют руководителей экспедиции по рации — надоело сухари грызть. Это я им не в обиду. Если есть возможность жить лучше, надо ее использовать. Мы лет десять назад таких возможностей не имели. Забросят тебя в горы на весь сезон без рации — и будь здоров, вернешься только осенью, на себя рассчитывай. Из Чары в наш поселок Намингу зимой пешком обычно ходили. А это не подарок — пятьдесят с гаком километров, приправленных сорокаградусным морозом! И не считали это чем-то из ряда вон выходящим. Обычное дело. А сейчас — заставка кого-нибудь из нас пойти — ненормальным в лучшем случае назовут, поскольку техникой, слава богу, не обижены».

О деталях, кажется, говорил Кривенко, а по сути — о больших переменах в работе геологоразведчиков. Жизнь не стоит на месте, и то, чем довольствовался человек вчера, сегодня уже его не устраивает.

Долго засиживаться в Чаре я не собирался. Хотелось побыстрее добраться до какой-нибудь полевой партии. Но желание не всегда совпадает с возможностями. Чара есть Чара, такси пока здесь нет, до любой партии можно долететь только на вертолете. А он который уже день стоял на приколе, беспомощно опустив лопасти, — над долиной лохматились тучи, наглухо закрыв горные перевалы Кодара и Удокана. Мой досуг скрашивал пятиклассник Вовка Клименко — «старожил» Чары. Он здесь родился, рос, и не было места окрест, которого бы он не знал как свои пять пальцев. Держался Вовка степенно,

неторопливо рассказывал о том, что вон за той сопкой нашел кости мамонта, а прямо по долине есть горячий минеральный источник, в котором и зимой можно купаться. Вовка все звал меня на утиную охоту, но я отговаривался, зная, что «окно» в горах может в любой момент открыться и вертолет полетит к геологам, которым он был позарез нужен.

Наконец могучий Кодар стряхнул с себя надоевшие тучи, лишь у его подножия одиноко плавало жиденькое облачко. Первый рейс на ручей Дорос в партию Игоря Орлова. Ей повезем взрывчатку. Следующий — на участок Ингамакит. Туда забирался В. Н. Клименко — из-за аварии там остановилась работа на буровых скважинах, с помощью которых геологи разведуют запасы воды для будущего горно-обогатительного комбината. Ее потребуются очень много. Чтобы напоить Удокан, воды нужно в четыре раза больше, чем всей Чите. Такой будет его производственная жажда.

Клименко ушел домой собираться в дорогу, а мы погрузили в вертолет тяжелые ящики с взрывчаткой, прихватили свежие газеты для геологов и через несколько минут были в воздухе. Настроение у командира экипажа Алексея Сапунова было отличное — началась работа. С любым грузом на борту он взлетает и садится в самых сложных условиях, мастерски, балансируя подчас на краешке строжайшей летной инструкции. Однажды при посадке отказал мотор. И только хладнокровие, точный расчет командира спасли экипаж. Приземлившись, Алексей спрыгнул на зем-

Петровск-Забайкальский

Фото Г. Калачьяна

лю и тут же сел — подкосились ноги. Спросил у подоспевших ребят, цел ли хвост вертолета и, услышав утвердительный ответ, попросил принести кружку крепкого чая.

Лицо Сапунова стало сосредоточенным. Вертолет вошел в гольцы. Справа горы, слева горы, вверху горы, а посередине висим мы, пробираясь по ущелью. Иногда пространство раздвигается, и в иллюминатор видны островерхние угрюмые скалы от подножия до вершин. Минут через сорок вертолет снизился и сел на крохотной каменной площадке. Открылась дверца, и передо мной возникла невысокая черноглазая девушка с мягкими чертами лица.

— Почту привезли? — деловито осведомилась она и, получив сверток газет, убежала в палатку.

Вместе с молодым геологом Анатолием Давыденко мы быстро выгрузили взрывчатку, и вертолет улетел. Вблизи горы уже не казались столь мрачными. В распадке по обеим сторонам ручья росли лиственницы, на крутые склоны забирался стланиковый кедр. Под тяжестью недавнего снега он полег, а сейчас, когда чуть пригрело солнце, кедрач оживал: разлапистые ветви упруго отрывались от скал и с шумом сбрасывали с себя снежную шубу. Подошел Анатолий.

— Немного нехстати приехали, кочевать мы собирались в зимовье метров на восемьсот ниже ручья. Вездеход должен подойти скоро. Орлов встречать ушел, а мы с Галкой Ломовцевой на чемоданах сидим.

Уложив в штабель взрывчатку и укрыв ее от возможной непогоды, зашли в палат-

ку. Галя, просмотрев все газеты, начала готовить обед. Этот полевой сезон для нее первый. На Удокан только что приехала после окончания Свердловского техникума. Многому пришлось заново учиться. В техникуме изучали классические ярко выраженные образцы руды, а здесь они встречаются крайне редко. «На первых порах каждый камешек и так и этак вертела, а определить — что это такое, хоть плачь, не могла. Теперь немного освоилась. Каждый маршрут был испытанием. Да и ходить по горам надо уметь. Это снизу они кажутся безобидными, а полезешь — не знаешь, куда руку-ногу поставить. Однажды несколько метров коломбом катилась по склону, пока не задержалась на малюсенькой площадке».

Рассказывает Галя обо всем этом и весело посмеивается над былой неуклюжестью. Чувствуется, нравятся ей и горы, и ребята в партии.

После обеда к палатке подошел Игорь. Узнав, кто я и зачем прилетел, он облегченно вздохнул: «Слава богу, а я уж подумал, что мне еще одного молодого специалиста прислали. Ругаю про себя экспедицию: работать заканчиваем, осталось всего несколько маршрутов пройти да магистральную канаву, чтобы пробу взять. Штатное расписание тоже заполнено — зачем, думаю, мне этот специалист нужен? Ну, ладно. Ночевать будете в зимовье, все равно завтра туда перебираться».

Вместе со мной ночевали водитель тягача Александр Клименко — брат Василия Николаевича, молодой рабочий Коля

Глуховской и пожилой горняк Николай Петрович Сизых. Сорок пять ему, а выглядит гораздо моложе. Смеется: «На Удокане человек хорошо сохраняется: ни тебе телевизора, ни на троих сообразить Спокойно живем». Добродушен Петрович, медлителен и слова выдает через час по столовой ложке. О работе заговорил — увлекся.

— Привык я здесь. Попервости, когда в отпуск приезжал домой в Читу, отпрашивался у жены: еще, мол, на годик съезжу и баста. Теперь уж она и не спрашивает, когда этот годик закончится. Трудно ли? — спрашивает. Так ведь если жить по-настоящему — где легко-то? Вот зимой канавы мы били. Поднимаешься затемно, набиваешь рюкзак взрывчаткой, что-нибудь перекусить, чтобы на обед не возвращаться, и лезешь в гору. После двухчасового подъема — работа: ломиками бьешь шпур, взрываешь, чтобы до коренных пород добраться. А я этих канав на Удокане набил столько, что, если в одну вытянуть — отсюда и до Кильчариса хватит. Это вам на тягаче часов пять ехать.

Петрович взялся кочегарить печку-буржуйку, а Коля, пододвинув к себе лампу, так что его лохматая швеллера почти нависла над стеклом, читал затертую до дыр книжку. Ребята называли его между собой дитём тайги. Она для него дом родной. Здешние места никто лучше не знает — все участки облазил. Колина неприхотливость и у бывалых геологов вызывает удивление. На несколько дней в тайгу с одним ружьем обычно уходит. Однажды, рассказывал Саша Клименко, дождь застал отряд ночью. Все в спальники забились, наглухо застегнулись и дрожат от холода. А Коля без спальника лежит на телогрейке и спит себе спокойно, голову только в рюкзак закрутил.

После ужина мы улеглись на ладно сколоченных нарах, но спать еще не хотелось. Густо поплыл по зимовью махорочный дым. Ребята принялись вспоминать разные забавные истории, над которыми мы весело хохотали.

— Был у нас студент на практике, — рассказывал Клименко. — Парень хороший, работающий, но доверчив как ребенок малый. На полном серьезе говорю ему как-то: «Слушай, на Сьюльбане снег так снег! Наберешь ведро, растопишь — два ведра получается». И ведь поверил! Надо, говорит, посмотреть. А однажды его мой друг Клим Казаков подцепил. Иду, дескать, по тайге и слышу — музыка. Только на пригорок поднялся, вижу — стоит лагерем эвенк у речки и на пианино Моцарта играет. Студент аж подпрыгнул. Говорит: быть такого не может, как же он пианино по тайге возит? А Клим спокойно объясняет: пианино-то складное. Разберешь его — и на нарты. Так после тот студент с неделю все прислушивался, не играют ли где Моцарта.

Наконец сон взял свое. В зимовье тишина. Только чуть потрескивают догоревшие

в печке дрова. Мы уже засыпали, а Коля Глуховской, прикрутив фитиль, снова взялся за книжку.

Утром проснулись рано. Наскоро попив чаю, ребята ушли к палаткам пешком, а я забрался в кабину вездехода. Шел он, как танк, подминая лиственницы. Что делать, ни тропок, ни дорог здесь еще не проложено. От ударов сотрясалась кабина, дождем сыпалась хвоя. Семитонная машина упрямо ползла вперед. Подъехали мы к лагерю метров на 70. Ближе не смогли — перед тупым носом вездехода лежали огромные валуны!

Не такие уж и тяжелые были ящики и мешки с геологическим скарбом, но через полчаса мы уже выдохлись. Через ручей по камням и без ноши нелегко идти, того и гляди нога оборвется, а тут еще мокрыми хлопьями повалил снег, и переносить вещи стало вдвойне трудно. Только через три перекура мы наконец управились, доверху набив кузов вездехода, и по старому следу возвратились в зимовье. Клименко спешил засветло добраться до участка Кильчарис, где работал отряд Александра Лежанкина. Разгрузившись, мы с ним тронулись в путь. Вел тягач он мастерски, пробираясь по самым неприступным местам. Могучая машина петляла между толстыми деревьями и валунами, то проваливаясь вниз, то поднимаясь на дыбы. Вскоре между деревьями я заметил стадо домашних оленей с огромными ветвистыми рогами.

— Стоянка Николая Максимова, каюра партии Орлова, — пояснил Саша. — Сейчас жерди ему по ручью развезем — загородку надо делать, чтобы олени далеко не разбрелись.

Клименко с пожилым эвенком уехали за жердями, а я направился к палатке. На встречу вышла старая эвенкийка с мешочком соли в руках и посыпала ею поваленную лесину. Олени тут же сгрудились возле нее и принялись лизать соленую кору.

— Давно в тайге? — спросил я, чтобы завязать разговор.

— Давно? Да всю жизнь кочую. Хорошо здесь, корму олешкам много — та долина полно, эта долина полно. Только, однако, зачем на меня пишешь? Ты на Николая пиши — он в колхозе работает, а я уж пенсионерка, помогаю.

Александра Васильевна напоила нас с Клименко крепким чаем, и мы двинулись снова в путь. Саша на Удокане старожил. В любой партии, на самом глухом участке его встречают радушно, как своего. Закончил он училище механизации, работал на казахстанской целине, в тайге в Красноярском крае, а затем перебрался сюда — брат сманил. Работал на Ункуре, Сьюльбане, Западном. Особо Сьюльбан запомнился. Место — одни крутяки, чтоб черти там жили. Даже палатки приткнуть некуда. Поставили их возле озера, а туда как раз сток с горы. Чуть дождь — вода по палаткам потоком несется. Но больше всего досаждали свирепые ветры, под напором ко-

торых, как гнилые нитки, рвались веревки, удерживающие палатки.

В общем, много хоженных и нехоженных дорог изездил Клименко. Зимой сколько раз замерзал в кабине стынущего тягача, бросал его и топал пешком за десятки километров до ближайшей партии. Затем возвращался, ремонтировал машину и ехал дальше, туда, где с нетерпением ждали геологи. Морозами выстужен, дождями вымочен, солнцем высушен, а сохранились в нем неумная энергия, сила, веселость нрава, за что и любят его удоканцы.

Перевалив через сопку, мы вышли на широкую марь, уходящую к горизонту. Гусеницы вездехода сразу увязли, Саша переключил скорость. Я открыл дверцу и посмотрел вниз; болотистая почва, поросшая густой травой, изгибалась и ходила ходуном, но вездеход, натужно ревя, упрямо полз вперед.

— Марь пройдем, а там дорога, считай, что дома, — прокричал на ухо Клименко.

До дома, как позднее выяснилось, добрались мы еще двое суток — после того, как развезли по партиям все грузы. В дороге судьба свела меня со многими интересными людьми, которые полюбили накрепко этот суровый край и отдают ему весь щедрый жар молодых сердец. Один из них — Александр Александрович Лежанкин, начальник геологоразведочного отряда Сакинской партии, или просто Сан Саныч, как зовут его на Удокане. До сих пор вижу его худощавую фигуру, открытое узкое лицо и острый насмешливый взгляд. Охотничий нож на ремне, за плечами, ружье, геологический молоток в руках — таким я его увидел впервые и таким он остался в памяти.

С Сан Санычем мы ехали от Амудисских озер, где он отводил душу на рыбалке, до Кильчариса. В самой вершине ручья, на пятачке, закатом высокими горами, стояло два домика и несколько палаток. Кроме геологов Удоканской экспедиции, здесь жили ленинградские геофизики, помогавшие изучать массивный участок рудного поля. Их данные свидетельствовали о том, что медь Кильчариса может стать существенной добавкой к запасам Удокана.

Едва мы зашли в дом, как он до отказа наполнился шумом и смехом бородатых парней. Сан Саныч отдал дежурному по кухне пойманных тайменей, сел на кровать и снял со стены гитару. Ребята травили анекдоты, охотничьи и рыбацьи байки, а он молча слушал, блаженно улыбаясь и тихо перебирал струны. Текли те самые счастливые минуты, когда каждый чувствовал себя своим среди своих, дома, когда можно ненадолго отвлечься от мыслей о поисковых маршрутах и почувствовать великую радость встречи, общения с друзьями. Сан Саныч негромко запел:

*Опять паруса Крузенистерна
Шумят над моей головой.*

Негромкая песня остановила разговоры, смех, покаяла по комнате. Лица ребят ста-

ли задумчиво-серьезными. Саня пел про бригадину, романтику дальних дорог, которая каждую весну неукротимо зовет их из обжитых благоустроенных городских квартир в горы. А в нем самом с детства она живет. В тринадцать лет убежал из дому, хотел море увидеть. Сейчас, вспоминая, хохочет: «С тех пор и бегаю, не могу остановиться. Свою квартиру в Чите уже два года не видел».

Отец Сани, настройщик музыкальных инструментов, очень хотел передать сыну свою профессию. Частенько брал его с собой, нажимал на клавишу пианино и спрашивал:

— Чуешь, какой звук сочный? А теперь возьми этот. Понял разницу?

Саня слышал, но никакой принципиальной разницы в звуках «не чуял». После восьми классов поступил на курсы коллекторов при Читинском геологоуправлении. А через несколько месяцев в составе отряда Александра Наниева, бывшего фронтовика, чья грудь была увешана орденами и медалями, которые он не снимал даже в тайге, включился в поиски молибдена. Занимался им несколько лет. Заочно окончил горный техникум, женился и вместе с женой двенадцать лет назад приехал в Чару. Нет в гольцах Удокана такого участка или рудопоявления, которое бы не измерили его длинные худые ноги. На Сьюльбане озеру название дали — Медное — таковым оно теперь официально именуется. Год там вел поисково-оценочные работы в сложнейших условиях. Лагерь был на отметке две тысячи метров. Кругом — ни кустика, дрова приходилось вертолетом забрасывать, потому берегли каждую чурку как зеницу ока. Зато теперь Сьюльбанское месторождение меди стало широко известным.

С шуткой да прибауткой говорил Сан Саныч о прожитом и пережитом, ничем не бравируя и ничего не приукрашивая. В горах каждый человек как на ладони виден. Если, скажем, трус кто или обмануть товарища может, так не спрячет эти качества, как ни старается. Такие обычно скоренько по собственному желанию уходят. Однако не их вспомнил Сан Саныч, не оставили они следа в его жизни, а Клима Казакова, Володьку Четчикина, с которыми во всех маршрутах радости и горести по-братски делил. Знал: не подведут, можно с ними хоть к черту на рога идти и обратно вернуться.

Пошел он однажды с Климом проверить на медь Икопчанский массив и дать заключение. Дошли до места, вскарабкались на первый галец и взялись за съемку. Закончив, взглянули вниз и подивились, — какая такая сила занесла их сюда? К тому же накрапывал мелкий дождь, крутой скалистый склон гольца стал скользким, точно его смазали салом. Сутки просидели, а затем все же начали спускаться, всем телом вжимаясь в скалу, цепляясь ногтями за малейшую трещину. Через четыре часа, вконец обессиленные, опустились на мяг-

кий мох. Отдохнув, пошли в лагерь. Спустя два дня их подобрал вертолет, направленный на поиски пропавших.

«В горах главное — не суетись, — говорил Сан Саныч. — Это тебе не базарная площадь. Кончились, допустим, сухари, так есть каша в концентрате. Лепешки из нее мировые получаются. Вот когда абсолютно все продукты на нуле, а поймать рыбу или убить зверя не удастся, действительно скучно бывает. Но и тогда не паникуй, надо идти, работать. За делом голод легче переносится, на себе испытал когда-то. Сейчас, конечно, условия иные. Случится что — рация под боком, вертолет или вездеход вызвать всегда можно. А дальше еще лучше будет. В связи с БАМом объем работ экспедиции почти в два раза увеличился. Техники, людей стало больше, значит, и запасы руды па Удокане увеличатся к тому времени, как разбудят его гудки тепловозов».

Наступил сеанс радиосвязи с Чарой. Сан Саныч подсел к рации и доложил руководству экспедиции о положении дел. Глуховатый голос, доносившийся к нам сквозь треск атмосферных помех, передал приказ Клименко:

— Вывези геофизическую партию ленинградцев на Сакинский участок, туда за ней придет машина. Возьми только самый необходимый груз, остальное перебросим по-

том вертолетом. С Саки срочно выезжай на Западный, оттуда надо доставить буровикам горючее и электромотор. После этого, если не сломаешься, своим ходом выезжай в Чару. Как понял? Прием.

Клименко повторил в трубку приказ и, чертыхаясь, пошел готовить тягач в дорогу. Он не был дома полмесяца и очень соскучился по сыну, который ждал его в Чаре. Только через день закончилось наше путешествие по гольцам Удокана. Оно оставило в памяти неизгладимые впечатления. На нелегких таежных и горных трассах встретился я с людьми сильными и мужественными, с теми, кто своими руками делает прекрасную историю освоения этого далекого и сурового района. Видел я, как каждый вечер в зимовьях и палатках они настраивают транзисторы на волну передач о Байкало-Амурской магистрали, слушают новости и с нетерпением ждут, когда ее стальные руки дотянутся до Чары и ее медного клада. И тогда в нынешней судьбе Удокана наступят большие перемены, и грохот снежных лавин перекроется гудками могучих тепловозов. Они, эти перемены, уже близки, их дыхание ощущаешь в большом и малом, ими живут сегодня геологи, где бы и кем бы они ни работали. После Байкало-Амурской магистрали на Удокан придут строители, чтобы возвести в горах современный город.

ТАМ, ПОД ЗЕМЛЕЙ, СОЛНЦЕ

ОЧЕРК

Есть в этом поселке памятник. На высоком постаменте — молодой, стройный человек, в долгополой арестантской шинели. Строгое лицо, рука за бортом шинели, на ногах — кандалы. Стоит он среди тополей и терпкого черемухового запаха в парке, который, по преданию, заложили декабристы, отбывавшие здесь полтора века назад каторжные работы.

Портретного сходства памятник не имеет. Но я в нем почему-то вижу Ивана Сухинова, непримиримого бунтаря, уже здесь, на Благодатке, ставившего целью освобождение декабристов по всей Сибири. Заговор раскрыли. Сухинов был приговорен к смертной казни и погиб в тюремной камере Горного Зерентуя. И вот сейчас поднялся он над горняцким поселком в строгой задумчивости, застыл на горестном своем постаменте.

Без малого три века назад здесь были открыты богатейшие месторождения серебряных руд. Рядом с Троицкой горой возник сереброплавильный завод — Нерчинский. Осваивались Нерчинские рудники силами «государственных преступников» — ссыльных и каторжан. Почти с первых же дней появились здесь и политические, проходившие в сыскных бумагах как «секретные».

Старинная горнозерентуевская тюрьма стала местом гибели сотен людей. Рудники всасывали в себя человеческие жизни. Из тюрьмы, за всю ее историю, смог бежать только один заключенный.

Акатуй, Кадая, Кличка, Михайловка, Горный Зерентуй... Рудники и поселки Нерчинского полиметаллического комбината имени 50-летия СССР, раскинувшиеся в четырех приграничных районах Забайкалья. Попробуйте протянуть параллель, соединяющую во времени те же географические названия. Не получится. Иное смысловое звучание сейчас у них. И наше отношение к тем же рудникам и поселкам иное — отсюда для отечественной промышленности идут цинк и свинец. А сам комбинат славен по Забайкалью большими трудовыми успехами.

Горный Зерентуй — ныне центр Благодатского рудника. В его состав входят две шахты — Благодатская и Воздвиженская, обогатительная фабрика и подсобные цеха. В начале XX века богатая серебряная руда здесь была выработана, шахты заброшены. Но в пятидесятых годах геологи разведали в тех же местах месторождение свинца и

цинка. Рудник родился заново. Отстроился. В работе здесь строгий ритм. Рудник ежемесячно выполняет планы по всем показателям и в комбинате занимает ведущее место.

...Обычно в восемь утра директор Анатолий Григорьевич Бахтин приглашает к телефону на раскомандировку руководителей всех участков. Они у себя в кабинетах, Бахтин — у себя. Если работа идет по графику, разговор идет почти односторонний: начальник участка доложит о точной выработке, и у телефона следующий. Бахтин лишь уточнит задания на предстоящие сутки. Но, если случилось какое-то ЧП, срыв в выдаче руды — жди резковатого диалога.

Воздвиженскую шахту вдруг залихорадило с прошлой недели. Сначала сломался рудовоз. Потом из рабочих блоков пошла в основном порода. Горняки кляли сложные в отработке рудные трубки Воздвиженки — месторождение не имело никакой закономерности в простирании: только «поймаешь» жилу в блоке, наладишь отбойку, глядь — она в сторону скакнула или вниз ушла. Разворачивай, стало быть, блок за ней, заново подготавливай его к отбойке, а руду выдавай с другого, запасного.

Бахтин еще в субботу дал распоряжение ускорить крепежные работы на двенадцатом рудном теле (оно обещало дать хороший цинк), а пока запустить в отбойку первый блок. Все вроде было предусмотрено. Но в последнюю ночь вышла из строя блокировка подъемника, в шахтном стволе зависла клеть. Выдача руды прервалась на несколько часов.

— Почему мне не доложили сразу же? — спросил директор. — Почему поздно приняли меры? Где вы были сами в момент аварии?!

Молодой начальник шахты Виктор Абрамов с обидой докладывал:

— Был дома. Спал. Я ночью спать должен, Анатолий Григорьевич...

Собственно, виноват был мастер, не сумевший в короткий срок запустить подъемный комплекс, но с руководителя первый спрос.

Абрамов там, у себя, невозмутим:

— Руда есть, но один рудовоз с вывозкой не справляется. Давайте дополнительную. Придет — выдачу увеличим.

— Что ж ты раньше молчал?..

— Был в шахте, — сказал Абрамов, — и

потом, Анатолий Григорьевич, мое дело — добыча, я ее организовал.

Бахтин аккуратно положил трубку на рычаг. Абрамов вдруг напомнил ему самого себя. Таким вот был и он лет пятнадцать назад: самолюбия и энергии до краев, а опыта и обыкновенной распорядительности не хватало.

Все ступени — от мастера до директора — прошел здесь, на руднике, Бахтин. Поэтому производство он знал как свою ладонь. И рудник сумел вывести в разряд лучших по комбинату. А, пожив сам заботами мастера и инженера, теперь он не нарушал однажды выведенного правила: в управление участков не вмешиваться, если только срывы в работе не принимали хронического характера. В Абрамова он верил: справится сам.

Небо над Воздвиженкой набирало грозную силу. Ничего доброго оно горнякам не сулило. Очень неудбно — на косогоре — расположена шахта. Ливневые потоки с горы прут прямо в стволы. И это иногда прерывает основные работы.

Готовилась к спуску под землю вторая смена Абрамов попросил принести ужин в свои тесный кабинет. Но едва сел перекусить, во дворе ударил дождь с градом. Не до еды теперь: гроза перекроит рабочий график по-своему.

В раскомандировочной горняки тихо переговаривались и поглядывали на окна. Дождь бил и бил по стеклам. Притока ливневой воды в главный ствол не миновать...

Начальник шахты проводил раскомандировку сам.

Горняки слушали, молча дымя папиросами. Получив задания, разошлись быстро, без обычного оживления перед сменой. Запешил к стволу и Макар Прокопьевич Шапкин, старый горняк, бригадир.

Дождь и внезапно обедневшие рудой блоки внесли свои поправки в рабочие задания бригад. Бригада Вишнякова займется сегодня отбуриванием одной из дучек, будет готовить фронт работ к отбойке следующей смене. А в эти часы руда должна пойти в основном из забоев бригады Шапкина. Однако у него самый трудоемкий блок. Рудное тело здесь идет вверх по восстающей к первому горизонту. К тому же года три назад этот блок уже отработывали, самую добрую руду из него взяли, недавно вернулись сюда, чтобы уже подчистую добрать оставшееся.

Перед самым выходом на-гора звено Кузнецова произвело отпалку. По сути, руда к выемке готова. Но в забой не сунешься: газ не выветрился, дымкой стоит в воздухе. Проветривать надо. Пока Макар Прокопьевич вместе с напарником Литвиновым орошал забой смесью сжатого воздуха с водой, полчаса как не бывало. Время под землей, как известно, и без солнышка поспешает. А тут еще закол над головой после отпалки остался, ликви-

диров его кайлой и ломиком, обстучи забой, чтобы полуотбитая порода не грозила своей тяжестью сверху и не мешала вести крепь.

А минуты бегут, драгоценное время уходит на дела хоть и необходимые, но второстепенные. И пока не наладишь дело, не войдешь в ритм, зудит внутри досада.

Отскреперовали руду быстро. Подали ее к стволу. Но лишь тогда, когда были отбурены все тринадцать шпуров основного забоя и закончено крепление дучки (вертикальной выработки под руду), Макар Прокопьевич потянулся к раскрытой пачке Литвинова за папиросой.

Обоим под пятьдесят. Оба почти всю жизнь отдали горняцкому делу. Но, между прочим, и Пучнин, и Кузнецов, и вся бригада — ровесники Шапкина. Редкий по своему составу коллектив подобрался, сплошь из ветеранов. Люди надежные, основательные. И не было еще такого случая, чтобы сорвал Шапкин выполнение наряда.

Совсем недавно работали они в проходке, там тоже ходили в передовках. Но как-то вызвал их к себе Бахтин, попросил: «Надо старый блок отработать, дело сложное, молодежь туда не пошлешь». Они согласились. И вот уже семь месяцев дают на отбойке высокую выработку.

Бригадир своего, награжденного орденом «Знак Почета», горняки чтут за опыт и, как сказал один из них, за биографию: он без малого тридцать лет в шахте. В разговоре Макар Прокопьевич немногословен и раздумчив, в деле — умен и расчетлив.

Сейчас отдыхает старый горняк, прислонившись спиной к пустой вагонетке. Затягивается папиросой, заслоняя ее огонек от капающей с потолка влаги. Поглядывает нетерпеливо на часы...

— Успеем отпалить, Александр?

— Успеем, Макар, вот только докурим.

Чистяков тоже спешит. И для него время дорого, хотя проблема сиоминутной выдачи руды его прямо не касается. Дело его бригады — проходка. Но для того он и ведет разведочный квершлаг, чтобы такой вот запарки не было из-за внезапно обедневших блоков.

— Проходка — добычи голова, — любит говорить Чистяков. И еще добавит: — Без здоровья нет проходчика.

Сам он высок, могуч, улыбчив. Дома я видел у него толстую кипу спортивных грамот: в свое время был Александр Семенович неплохим легкоатлетом. Еще есть у него права на шесть горняцких специальностей (от взрывника до скрепериста) и орден — свидетельство его высокой квалификации и трудовых заслуг.

Бригада Чистякова на Нерчинском комбинате известна. Третьей, после Тисленко из Акатюга и Убинина из Клички, в начале этого года завершила она свою пятилетку. На Воздвиженке за последние годы прошел он со своими горняками около трех

тысяч метров. В промежутках между «ходками» отбивал руду.

Сейчас он должен как можно быстрее подготовить к эксплуатации новое Рязановское месторождение. Центральное, давшее уже сотни тысяч тонн руды, постепенно обрабатывается, а руднику нужна перспектива.

Рязановское месторождение в трех километрах от главного ствола. Пять месяцев назад проходчики подсекли его на первом горизонте и подготовили к отработке тысячи тонн руды, но взять ее оказалось невозможно: задавила подземная вода. Теперь Чистяков пробивается под те же рудные тела другим квершлагом, расположенным на восемьдесят метров ниже. Дойдет до нужной отметки, пробурит под обводненный горизонт отверстия, спустит воду — и очистники получат осушенные, готовые к выемке рабочие блоки.

Такова общая задача. А конкретная, как сказано в обязательствах, принятых на бригадном собрании: при плановых ста метрах проходить ежемесячно сто двадцать пять, скоростным методом до конца года отработать триста семьдесят пять метров. Это даст возможность раньше срока подсесть рудные тела Рязановки. Бригада не просто рвется вперед: она еще и подсекает встречные жилы. А на пятистах метрах квершлага (столько пройдено от старых выработок) их предостаточно. На днях такая жила пересекла забой, ушла вправо. Пришлось бить рассечку, чтобы уточнить ее направление.

На сегодняшний день задание: сделать один цикл по рассечке, другой — по квершлагом, на полтора метра углубиться там и здесь.

— Жалейте время, хлопчики, жалейте! — говорит бригадир. — Сережа, давай на электровозе за порожняком. Матафонов! Лопать рассечку, в углах там погрузчик породу не возьмет. А мы с Ушаковым будем бурить.

Отбурили квершлаг. Взорвали. Отбитая порода присыпала забой. Во влажной пыли тонет грохот погрузчика. Виктора Ушакова на нем и не видать; скудный свет лишь очерчивает его зыбкий силуэт. Второй поезд из пятнадцати вагонеток ушел к стволу Сергей Кузнецов. Новичок Коля Матафонов подчистил рассечку, подготовил ее к бурению. Бригадир перенес в нее тяжелый перфоратор: можно начинать второй цикл.

У Чистякова в бригаде в основном молодежь: пятерым проходчикам немногим за двадцать, четверым нет еще тридцати. Ветеран среди них он один — Чистякову за сорок.

— Почему собрал к себе молодежь? — говорит он. — Так то ж народ перспективный! С такими-то ребятами... Вот дело не клеилось. В марте восемьдесят метров дали. Мало! Перемозговали: изменили резьбу на соединении воздухошлангов, троллей, протянули дальше. Пошло веселее. В апреле уже больше ста двадцати метров.

Славно! Теперь растить и растить темпы. Ох, и летит у нас время!

После второй отпалки в левом углу рассечки вместе с влагой на стене показался черный, с яркими блестками шлам. Чистяков сбросил промокшую брезентовую рукавицу, мазнул пальцами, захватив в щепоть черную массу.

— Подсекли! Жила... И богатая. Ничего блок будет. Рудный.

Александр Семенович вышел из рассечки, стрельнул слепящим лучом по лицам парней. И голосом гулким даже в сырой атмосфере квершлага напомнил:

— Время, время, ребята! Теперь пошли на Рязановку!

Ствол падает вниз — узкий, прямой. Темные стены под крепью обильно сочатся подземной влагой. У самого дна над небольшой рабочей площадкой она превращается в непрерывный хлещущий ливень. Этот падающий с высоты поток бывает иногда так силен, что пробивает на горняке прорезиненную рубу. И тогда проходчики перед сменой натягивают на себя по две хрустких куртки. А на работе напряженно прислушиваются к резкому тараканью напосов. Если при таком обилии воды выйдут они из строя — углубка надолго прервется.

Но сейчас приток «в норме». Насосы справляются. Перфоратор, плюсуя к ливню тончайшую водяную пыль, дрожит в руках проходчика Грешилова. Вибрация передается всему телу, даже лицо подрагивает в такт. Приходится бурить на углубке: без пневмоколонки на два ствола их не закрепишь. А специальных — для вертикальных выработок — не хватает.

Мокрое лицо Грешилова и вся его коренастая, невысокая фигура напряжены. В резком свете шахтерок у щек обозначились две глубокие бороздки морщин.

Рядом бурит Василий Шевцов, совсем еще молодой проходчик. В громоздкой робе высокая фигура его кажется особенно внушительной. Хороших парней подбирает себе в бригаду Грешилов и ценит при этом их физическую силу. Но к крепким мышцам нужен еще и характер. Чтоб не дрейфил человек под потоками воды и сознавал свою ответственность за крепление ствола. Очень это тонкое дело — вести за собой вниз крепь. На всей глубине отклонение по вертикали допускается плюс—минус десять миллиметров.

Дорожит бригадир своими ребятами. Недостатком опыта не укоряет. Мне по этому поводу он сказал так: «Опыт на работе приходит, его нажить можно. Молодого обучишь — не пожалеешь».

Горняк в годах, как правило, не идет на углубку ствола. На проходку горизонтальных выработок — пожалуйста: там каждодневная ясность в работе и заработок устойчивый, а если уж льет сверху, так в меру. Умудренные жизнью «старика» предпочитают заниматься отбойкой руды или проходкой квершлагов. Много физи-

ческой силы и железного здоровья требует углубка. Из тех, кому перевалило за сорок, верен ей остался один Грешилов.

— Почему? — спросил я его, вызывая на откровенный разговор.

— Привык. И здоровье позволяет.

Поговорили...

В поселке причины такой его верности своему делу объясняют по-разному. Одни уверены: «Большой мастер, без него дело станет». Другие с намеком: «К почету привык». С этим я не могу согласиться. Видел Грешилова в разных ситуациях, а шума вокруг него не заметил. Не узрел я и никаких выгод от углубки Дмитрию Михайловичу — ни тайных, ни явных. Он и впрямь на стволах был у места, понимал это сам и оттого вполне законной гордости своей не скрывал. Не находил нужным.

Для непосвященных нужно сказать о стволах подробнее.

Горняки бьют их с поверхности на всю глубину шахты, от первого до последнего горизонтов. Скажем, лег один из них на глубине двести метров, другой пройдет метров тридцать-пятьдесят ниже. А соединит их ствол, с которого новый рабочий горизонт и начнет свою жизнь. Выработают его — снова пойдут вниз. И так на всю глубину месторождения.

Тот, кто ведет углубку и «зарезает» рудные дворы на горизонте, по сути первым осваивает месторождение, обеспечивает других работой по всему фронту. Кроме основных стволов, в шахте целый ассортимент вспомогательных, запасных, вентиляционных. Без работы специалист по углубке не остается.

На Благодатском руднике бригада Грешилова, пожалуй, единственная специализированная. Остальные занимаются проходкой и отбойкой свинцово-цинковой руды — в зависимости от нужд рудника. Грешилов же чистый проходчик. Предприятию выгоднее использовать такого человека только в его главном деле. И ставят бригаду Дмитрия Михайловича на самые трудные участки: «Грешилов вытанет».

Мне рассказали такой случай. Для механизации работ на углубке рудник получил новый грейферный погрузчик. Грешилов собрал бригаду поучиться управлять им. Ставил на дно ствола деревянную чурку, а машинист должен был подхватить ее челюстями грейфера. У кого дело шло, у кого чурка валилась. И тут кто-то не выдержал: «А сам-то ты как, Дмитрий Михайлович? Можешь?» Бригадир сел за рычаги погрузчика, и вместо чурки с маху поднял со дна... оставшуюся после обеда бутылку из-под кефира. Челюсти грейфера аккуратно сомкнулись как раз на ее горлышке...

Горняком Дмитрий Михайлович стал двадцать три года назад. Начинал в Хапчеранге, где до войны на проходке работал его отец. В восемнадцать лет сын погибшего фронтвика спустился в ту шахту и сразу угодил на углубку ствола. Молод, здоров, смекалист — самое место на труд-

ном участке. После службы в армии возвратился в родной поселок; месторождение уходило на глубину, специалисты по углубке были в «цене». Как раз тогда он и начал специализироваться на стволах.

Из Хапчеранги Дмитрий Михайлович переехал в Горный Зерентуй в 1959 году, когда месторождения Благодатского рудника потребовали капитальной разведки. С тех пор адреса своего не менял. За ударный труд в восьмой пятилетке был награжден орденом Ленина.

Говорят, гордый человек Дмитрий Михайлович. Это верно, ему есть чем гордиться.

— Временем зря не сорю, — говорит он. — Если бы все выработки, что я прошел, вместе собрать, по ним бы месяц ходить надо было.

Гордость его не от бахвальства, она много лет назад в нем делом зажжена. Но если для молодого парня быть первым среди первых лестно, то для зрелого человека в этой формуле суть иная: он не славы ищет, а выявленную однажды степень своей нужности людям не хочет терять. Здесь и кроется причина его верности сложнейшей среди прочих проходческой работе. Я, во всяком случае, так его понял.

Первым секретным ссыльным в Нерчинском Заводе был Антон Алексеев. Он попал сюда в 1776 году. Второй, Степан Нечаев, пробыл здесь сорок шесть лет. В конце концов, потеряв всякую надежду на возвращение, он сошел с ума. Сорок девять лет отбыл на Нерчинской каторге Осип Ананьин...

К стене невысокого беленого здания Благодатской шахты прикреплена сегодня мемориальная доска. Надпись на ней повествует о том, что здесь с 1827 по 1828 год отбывали каторжные работы декабристы Сергей Трубецкой, Сергей Волконский, Артамон Муравьев, Василий Давыдов, Александр Якубович, братья Борисовы. Рядом с шахтой старый Благодатский поселок. Он свое отживает. Часть домов перенесена в Горный Зерентуй, где средняя школа, рудничная больница и Дом культуры, и искусственный пруд с отменными карасями. Здесь же, как правило, остаются доживать старики, не желающие изменять земле своего детства.

Когда-то в Благодатке, у самого серебряного рудника, стоял среди прочих и домик княгини Волконской. До наших дней он, к сожалению, не сохранился.

До сих пор. живет в Горном Зерентуе предание о существовавшей некогда железной двери на старой Благодатской шахте. Рассказывают, что горняк-каторжанин должен был приносить к ней пуд добытой руды — свою дневную норму. Только в этом случае стражник отпирал замок, и человек мог подняться к солнцу.

Я вспомнил об этой мрачной легенде, когда директор рудника прикидывал примерную выработку очистных коллективов.

Здесь внедрен скоростной безоткаточный метод работы. Доставкой руды от забоя к стволу большинство бригад уже не занимается. Для этого созданы звенья рударей. Очистники же получили возможность, не отвлекаясь на другие операции, вести только отбойку. В хорошем блоке выработка на каждого более чем в полторы тысячи раз превосходит суточную норму горнякаторжанина.

— В наших забоях горит свое солнце — солнце трудовой славы, — утверждают горняки. И не без оснований. Нерчинский полиметаллический комбинат славен по Забайкалью. А Благодатский рудник известен в системе комбината. В конце августа 1975 года рудник рапортовал о завершении пятилетнего плана.

И стар, и молод Благодатский рудник. История его в века уходит, а второе рождение («на свинцово-цинковой основе») — шутят в Горном Зерентуе — и четверть века не измеряется. Жизнь руднику долго. У него славное будущее еще и потому, что народ здесь в большинстве молодой, «спроектированный в завтра», — говорит Бахтин. Уходят старые горняки на пенсию, зато подрастают их сыновья и, как правило, поселка не покидают. Из армии возвращаются только домой. В отделе кадров дали такую справку: почти все из молодых горняков, призванных на действительную службу два года назад, снова работают в шахтах. Неплохая статистика. Она убеждает, что любовь и уважение к фамильным профессиям прочны у нашей молодежи.

Самому Бахтину только-только «стукнуло» сорок. Главному инженеру рудника Евгению Васильевичу Логунову — тридцать семь. Начальнику Воздвиженской шахты Виктору Владимировичу Абрамову на десять лет меньше. Многим мастерам едва перевалило за двадцать.

Возможности роста для молодого специалиста здесь редкостные. За восемь лет от мастера до главного инженера рудника вырос Е. В. Логунов. Нынешний начальник шахты Абрамов только два года назад окончил институт. Прибыл сюда по распределению, о чем сейчас не сожалеет.

С удовольствием едут работать в Горный Зерентуй люди. Благо, и предприятие

современное, и поселок вырос. Обогастительную фабрику дважды реконструировали, и мощность ее в сравнении с 1953 годом увеличилась в четырнадцать раз! Добыча руды на одной только Воздвиженке поднялась за пятилетие почти на восемьдесят процентов. В поселке строят столовую-комбинат на сто мест и детский сад. Школу новую собираются закладывать, уже отвели для нее место.

— А что будет в старом здании? — спросил я директора.

— Оборудуем спортивный комплекс. Может быть, даже с плавательным бассейном, — в голосе Бахтина пробились несвойственные ему мечтательные нотки.

Разговор о будущем, видимо, настроил его на «лирический» лад.

Стояла вторая половина июня, в школе начались выпускные экзамены. А тут выяснилось, что двое учеников-заочников не явились на собеседование.

— Кто?! — спросил Анатолий Григорьевич.

— Дементьев, из гаража, — сказал учитель, — и помощник киномеханика Волокитин.

— Ну этому-то сам бог велел учиться! — Бахтин поднял телефонную трубку.

Словом, произошел не очень-то приятный разговор с двумя людьми, не желающими заканчивать среднюю школу. Своего директора рудника добился: оба заочника решились экзаменоваться.

— В принципе с кадрами нехватки нет. Но нам нужны грамотные люди. Грамотные! — объяснял мне директор рудника. — Организовали у себя заочную среднюю школу. Планируем нынче направлять своих стипендиатов в вузы. Вот медика для Зерентуя надо вырастить, чтоб из местных был, корнями здесь держался.

Сам Бахтин в здешнюю землю врос крепко. Уважает постоянство и в своих специалистах. Но по-особому он ценит врожденную преданность и кровную связь местных жителей со старым рудником и молодеющим поселком. В этой связи, по его мнению, и заключена та нить, что соединяет в людях ставшую историей давнюю горечь с привычной гордостью сегодняшнего дня.

Неоконченный дневник

Этот дневник — общую тетрадку, наполовину заполненную аккуратным девичьим почерком, — мне передала Мыдыгма, тоненькая, черноглазая бурятка.

День клонился к вечеру, а нам еще предстояло добраться до реки Онон, где мы решили отобориться на ночь, чтобы не киснуть в гостинице. Я спросил девушку:

— А можно взять дневник с собой?

— Пожалуйста, — сказала Мыдыгма. — Вернете его потом через Мунко-Жаргала.

Мунко-Жаргал Цыбиков заместитель председателя колхоза, с которым мы вместе приехали на летнюю стоянку комсомольско-молодежной овцеводческой бригады.

Наставник бригады, молчаливый, средних лет мужчина, и Мыдыгма по старинному бурятскому обычаю вышли из летника проводить гостей. Я еще долго видел обе фигуры: худощавого, чуть сутуловатого Гарма-Базара и Мыдыгму — в белой кофточке и шеголеватых брючках.

Местность, где находится стоянка, называется Нарин-Хундуй, что в переводе означает Узкая падь. До центральной усадьбы отсюда двадцать километров и еще столько же до реки Онона. Проселочная дорога то петляет по дну пади, то взбирается на гребень сопки — и тогда взору открывается захватывающая дух картина. Раскаленный жарой воздух как бы струится, смазывает очертания горизонта. Вдали виден хребет, над которым возвышается Алханай — трехкилометровая гора со снежной шапкой, питающая, как ледник речку, бурятский фольклор многочисленными легендами.

Склоны сопки одеты в яркий травяной ковер, сотканный из кроваво-красных степных маков, лиловой валерьяны, бледно-розового змеевика, черно-пурпуровой кровохлебки, белых одуванчиков, бледно-зеленого подорожника и пырея, желтой ромашки и десятков других трав, ароматный настой которых кружит голову. Да еще слышна трескотня, писк, чириканье, шуршание всякой твари, кишасей в разнотравье, несмолкаемая трель жаворонка в белесом от жары небе. Ошалевшие от зноя мыши и суслики перебегают пыльную дорогу прямо под колесами машины.

Изумительна, неповторима природа Забайкалья! Путешественник, побывавший здесь без малого сто лет назад, писал: «...в Забайкалье я находил все, что хотел:

и Кавказ, и долину Псла, и Звенигородский уезд, и Дон. Днем скачешь по Кавказу, ночью — по Донской степи, а утром очнешься от дремоты, глядь, уже Полтавская губерния — и так всю тысячу верст». Этим путешественником был А. П. Чехов.

Хороша степь! Балдеешь от восторга, когда она обрывается вдруг у высокого берега Онона и ты, сбрасывая на ходу одежду, бултыхаешься в его прохладные воды. Река выносит тебя на стрежень и, с замиранием сердца борясь с упругим и быстрым течением, стремишься вновь к желанному берегу.

А на обрыве, широко расставив ноги и добродушно поглаживая брюшко, стоит наш шофер Илларионыч, и тоненький голосок его звенит над водой:

— Э-ге-ге-е-й! Причалив-а-й! Русалка у-волоке-ё-т!

Через час мы с Илларионычем разбили табор, наладили костер, поставили чай. Илларионыч, напустив на себя важный и таинственный вид, возится с рыболовной снастью. Вот он вышел на кручу и замер в размышлении, каким образом можно лучше «окрутить» тайменя. Лучи заходящего солнца высветили его картинную позу: Илларионыч стоял с видом Наполеона, озиравшего с холма поле предстоящей битвы.

Ну а мы возьмем тетрадку, которую решила нам почитать Мыдыгма. На обложке ее аккуратно выведено: «Дневник комсомольско-молодежной овцеводческой бригады «Ошон» («Искра») Агинского Бурятского национального округа. Начат 27 ноября 1974 года».

Два года назад десять мальчишек и девчонок, окончивших среднюю школу в бурятском селе Цокто-Хангил, решили по примеру своих сверстников из Казахстана образовать комсомольско-молодежную овцеводческую бригаду. Правление колхоза имени XXII партсъезда, которое возглавляет депутат Верховного Совета РСФСР Дамби-Жалсан Дондоков, поддержало ребят. Им создали отличные условия для труда и отдыха.

В десяти километрах от центральной усадьбы построено общежитие — добротный дом, обставленный современной мебелью, с телевизором, холодильником, стиральной и швейной машинками, газовой плитой. Спортивный инвентарь и музыкаль-

ные инструменты приобретены тоже на колхозные деньги. Выдана рабочая одежда. Наполовину оплачено колхозом питание.

За комсомольской бригадой «Толон» закрепили три маточных и одну молодняковую отару — всего около трех тысяч голов овец, два трактора, грузовую машину.

«Толон» положил в Забайкалье начало молодежному движению: многие выпускники школ организованно пошли работать в животноводство. Наибольшую популярность приобрели комсомольско-молодежные укрупненные овцеводческие бригады. Первый опыт толонцев вселил надежду в сердца и самих ребят, и руководителей хозяйств: успешно решалась, казалось, гжучая проблема чабанов!

В семьдесят четвертом году толонцы получили по 93 ягненка на сто овцематок, настригли свыше четырех килограммов шерсти с каждой овцы. Эти показатели значительно выше среднеобластных. Конечно же, без бригадира-наставника опытного чабана коммуниста Дамбы-Дугара Дондокова таких успехов ребята не добились бы.

Инициатива школьников, общественных организаций и правления колхоза имени XXII партсъезда была поддержана сначала окружными партийными и советскими органами, а потом и бюро Читинского обкома партии. В округе и области стали возникать по образцу «Толона» новые бригады.

Одной из таких была «Искра», созданная по желанию выпускников Зуткулейской средней школы в начале сентября 1974 года. В нее вошли пять девушек — Мыдыгма Батоцыренова, Дарима Болотова, Люда Содномдашиева, Долгорма Митупова, Долгорма Цырендабаева — и пять юношей — Аюр Даримаев, Цыден-Доржи Мижитов, Болот Цыдендашиев, Базар Дашинамаев... Девять из них родились в пятьдесят седьмом году, а в семьдесят четвертом окончили среднюю школу. Лишь Базару Дашинамаеву было двадцать пять лет, он работал чабаном, знал трактор. В наставники ребятам дали опытного чабана Бадма-Базара Балданова.

В десяти километрах от села построили для ребят два добротных домика, обставили их мебелью, поставили телевизор, холодильник, радиолу. Построили баню. Выделили технику. А еще подальше — в двадцати километрах — оборудовали уже поскромнее, летнюю стоянку.

И вот организационные хлопоты и торжественные напутствия позади. Начались трудовые будни. О них-то и рассказывает дневник.

Торопливые строки запечатлели важный момент в жизни наших молодых современников. В сущности, нам дана редкая возможность наблюдать как бы изнутри процесс становления человека, превращение подростка в гражданина, творца материальных благ. И даже если нет желанного финала, то есть мальчик не превращается в мужа — мы не должны огорчаться.

Жизнь состоит не из одних побед только. В поисках цели, смысла жизни человек может ошибаться, заблуждаться. Но — если его метания, размышления были искренними — они всегда поучительны и для других.

Не все искровцы, авторы дневника, оказались, как мы увидим, достаточно твердыми. Для нас важно понять, почему это произошло. Может, потому, что первые романтические порывы разбились об обыденность, однообразие жизни? Не сумели ребята в бесхитроном укладе чабанского быта увидеть его великую изначальность?..

Однако начнем читать дневник:

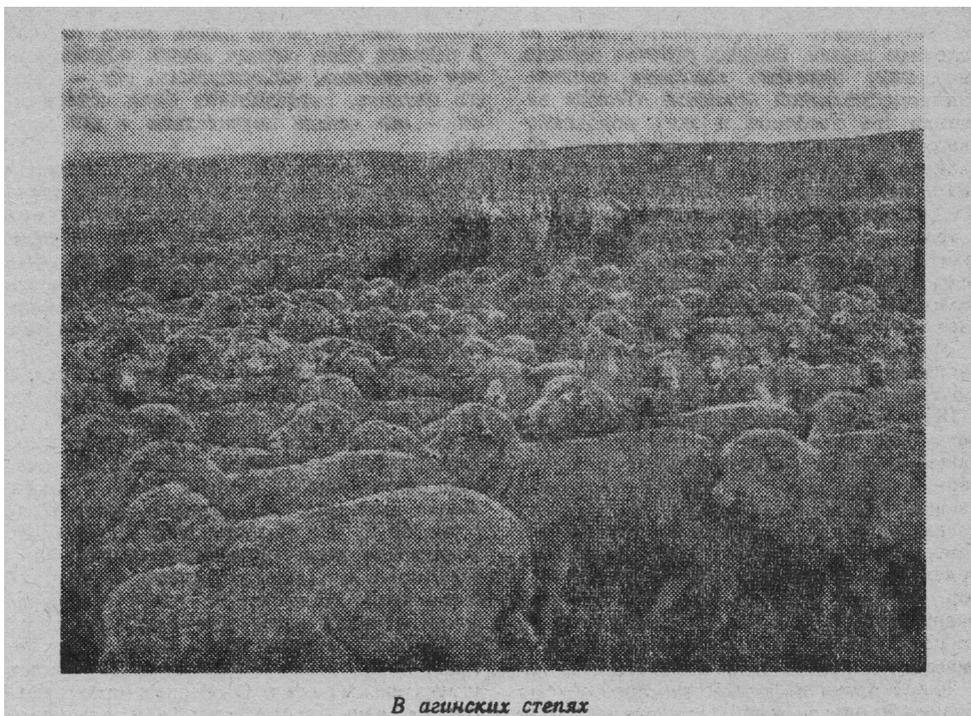
27.XI.74. Встали в 7 утра. На улице холодно. Дул ветер. Позавтракали и вышли на работу. Раздали корм молодняку и приготовили для осеменения 35 голов овец. Трое девушек готовятся к выходу, их очередь пасти овец. С отарой раннего окота вышла Долгорма М., позднего окота Долгорма Ц.-Д. и с молодняковой Люда С.-Д. Осеменение овец провели Мыдыгма, Цыден-Доржи и Дарима. Дарима — техник-осеменатор. Мальчики во главе с наставником строили загон для овец. Мыдыгма и Дарима готовили обед. Мяса у нас не было, и они жарили макароны. Получился замечательный обед. Особенных происшествий за день, кроме того, что кончилось мясо, не было.

28.XI. Встали в 7 ч. 30 м. Первой встала Мыдыгма и разбудила нас. Позавтракали и выполнили утренние работы. Наставник и его помощник еще вчера уехали на тракторе за продуктами в центр. Пасли овец Мыдыгма, Аюр и Болот. Ждали водовоза, но он не приехал, и мы оказались без воды. Осеменили 36 голов овец. У Даримы сломался шприц. Приезжала автолавка. Наши сластены купили сладости. Особенных работ за день не сделали. Две Долгормы ушли в центр. У них порвалась обувь, и они будут дома чинить. Утром должны приехать в 9 часов. Юноши дома занимались боксом, а мы читали книги. Приехали наставник и помощник под вечер, потому что у трактора спустил баллон и чинили.

29.XI. Сегодня дежурная Мыдыгма Б.-Ц. Встали в 7 ч. Позавтракали и выполнили утренние работы. Пасли овец Цырен, Цырен-Доржи и Люда. Осеменили 30 овец. Приехали две Долгормы с починенными валенками. Вечером, как загнали баранов, юноши уехали в центр, завтра утром приедут. Вечером приехали родители Люды посмотреть на наше житье-бытье. Принесли радиолу, и под нее танцевали девушки. Наставник с помощником приехали и привезли 20 килограммов мяса, ящик повидла... Наставник с помощником сделали кормушки. Все таскали корыта. Сдала дежурство Люда.

Деж. Мыдыгма.

31.XI. Последний день осени. Встали в 8 часов. Выполнили те же утренние работы. Приехали юноши, кроме Цырена Погода благоприятная. Овец вышли пасти

В агинских степях

Дарима и Мыдыгма. Юноши вместе с наставником строили кормушки для овец, также достраивали ограду. Пообедали, попили ягнят и осемененных овец, дали им сена и начали пилить дрова. А юноши работали у кормушек. Сейчас юноши смотрят по телевизору встречу хоккеистов столицы «Крылья Советов» и «Динамо». Девушки читают, а двое уже уснули. Время 10.35. Особенных происшествий за день не было. Установили дежурство по кухне и красному уголку. Дежурные обязаны вставать в 7.30. Но сегодня мы все встали в 8.

Дежурная Люда.

1. XII. Первый день зимы. Встали в 7 ч. 30 мин. Выполнили те же утренние работы. Было холодно. Овец вышли пасти Болот, Мыдыгма и Люда. На осеменение вышли Дарима, Долгорма и Цырен-Доржи. Юноши вместе с наставником делали кормушки. Приехали фельдшер и парторг. Они привезли нам медикаменты. Пообедали, напоили ягнят и осемененных овец, дали им сена и начали пилить дрова. Вечером приехал Баир Доржиев. Он осмотрел пункт осеменения. Из центра 28 ноября привезли 200 л. бензина и 900 л. солярки.

Деж. Долгорма М.

4. XII. Утром выпал снег. Дул ветер. Всем овцам раздали корм. Приехали матери Болота, Цырена и Люды. Привезли муку. Теперь можем даже пельмени делать. Осеменили 30 голов овец. Пасли овец Мыдыгма, Болот, Аюр. На сегодня сделали немало работ. Потом пошли встречать овец. Сегодня у нас слились две отары — маточные. Завтра утром у нас будет много работы. Надо утром разъединить отары и

приготовить овец к осеменению. Приехала хлебовозка, купили 50 булок хлеба. Для нас хватит на полмесяца. Дежурство сдаю Долгорме Ц.-Д.

Деж. Люда.

6. XII. Девушки встали в 9 ч. утра. Проснувшись, мы долго смеялись, потому что проснулись позже мальчиков. Не умывшись и не позавтракав, побежали на работу. Всем овцам задали корм. С 11 часов начали приготовления к обеду. Мы с Людой делали пельмени. Мальчики с наставником и помощником делали корыто и шиты. Осеменили 30 голов овец. Пасли овец Долгорма Ц.-Д. Долгорма, Аюр Д.

После ужина мы играли в теннис. Долгорма Ц.-Д. обыграла всех парней. Цырен-Доржи выиграл и Люда.

Дежурство сдаю Долгорме М.

Деж. Мыдыгма.

10. XII. Погода прекрасная. Приготовила завтрак, и все вышли на работу. Я начала приготовление обеда. Но приехали с окружкома и районного комитетов КПСС. Отзывы положительные.

16. XII. С 7-го декабря сидим без света, потому что Базар-ахай с Мунко-Далаем увезли в центр сломанный мотор, чтобы сделать ремонт. 13-го у нас был заместитель председателя Цыбиков М.-Ж. и Сондакова Д.-Ц. Годовая ревизия была. Все чабаны шестой фермы собрались у нас на производственное собрание. Цыбиков М.-Ж. рассказывал о международном положении и потом принял социалистические обязательства. Сегодня утром приехал председатель колхоза Норбо Доржиевич Доржиев, осмотрел наши котоны. Отозвался

положительно. Он сказал, чтобы мы готовили кошары к новому году. Вечером Дарима уехала домой и завтра придет. Долгорма и Цырен-Доржи привезли дрова. Дарима, Долгорма Ц.-Д. и Гарма-Базар-ахай начали делать завалянки для будущего года.

Деж. Люда.

18.XII. Сегодня состоялось комсомольское собрание. Оно началось в 2 часа дня. Все уехали, кроме дежурных Мыдыгмы, Долгормы и Даримы. Сегодня Аюур отдыхает. После обеда приехала на тракторе с Мунко-Далаем Батоевым жена нашего наставника. Мунко-Далай-ахай привез 2,5 т. овса.

19.XII. Приехали Филатов, первый секретарь окружкома партии, председатель нашего колхоза Норбо Доржиевич, секретарь комсомольской организации Баир Будаевич. Провели у нас собрание. Баир Будаевич оборудовал Доску показателей. Привез мотор Базар-ахай. Вместе с ним приехал радиотелемастер Дармажапов Батор. На улице было холодно. После собрания Гарма-Базар-ахай уехал в центр на партсобрание. Не выгнали овец на пастбище, потому что было ужасно холодно.

20.XII. Пятница. На улице холодно. Страпали олады. Сегодня приехали ветработники. Они сделали прививки баранам (против оспы). Болот и Аюур в лесу заготовляли дрова.

22.XII. Погода стоит сегодня благоприятная. Приехал Д.-Цырен Бальжинмаев и сделал сварку для крыши бани. Вечером Долгорма М. пошла домой.

26.XII. Сегодня приехали Дармаев и Гармаев и установили телевизионную антенну. Мунко-Далай-ахай привез отходы. Приехали ветврачи Г. Доудокова и Дашижалсоева и привезли лекарство для молодняка... Сегодня не наполнили худых овец, потому что вода кончилась в цистерне.

27.XII. Сегодня к нам приехали представители областного управления сельского хозяйства, ветврач И. М. Мигунов и главный зоотехник из района Арслан Цыденович Цыденов. Базар и Болот привезли дрова. Вечером мы, 9 человек, поехали в центр. Завтра, 28 декабря, поедем в райцентр.

28.XII. Приехали Шойтин-ахай и Хэшэг-то, помогали наставнику и его помощнику. В общем — заменили нас. Мунко-Далай-ахай привез отходы. Мы в 9 часов собрались в Доме культуры. Начались приготовления к отъезду. Выпустили «Комсомольский прожектор» и взяли с собой елочку, подарки нашим соперникам, ребятам из комсомольско-молодежной бригады «Ургы» («Подснежник») колхоза «Онон». В Дульдурге были в час дня. Поели в столовой, переодевшись, пошли на бал.

Первым выступил первый секретарь РК КПСС Масюков. Он поздравил всех с праздником, затем начались танцы, соревнования между колхозами, игра «сэр», придуманная нашим колхозом. И по этой игре первое место занял наш Болот Цыденда-

шиев. Сперва поели там, ну, в общем-то, угощали всех, и снова танцы.

Было очень весело, красиво.

Мы подарили елочку членам «Ургы» и пригласили их в гости. Должны приехать в январе 1975 года. Выступала знатная доржарка из Алханая, которая проработала 28 лет и сейчас является наставником молодежи. Из нашего колхоза было 20 человек. Да, мы вручили РК ВЛКСМ свой трудовой рапорт. Кроме нашего колхоза, никто рапорты не вручал. Баир Будаевич был ведущим бала. Поднимали новогодние тосты. Встречали Деда Мороза, Снегурочку. Было это прекрасно! Хорошая традиция установилась в районе — проводить такие праздники.

31.XII. Были те же утренние работы. Вечером в 6 часов приехала машина за нами. Овец закрыли дома, замкнули и поехали. Новогодний вечер начался с 8 вечера. Прошел хорошо и организованно. Затем Баир Будаевич вручил нам, искровцам, новогодние подарки. Под звон бокалов встретили новый, 75-й...

Теперь мы трудимся в счет нового, 1975-го и надеемся, что он принесет нам много удач, радости и счастья как в общественном, так и в личном. Приехали Баир Будаевич и партторг колхоза Болотов Б.-С., привезли книги в нашу библиотеку от РК ВЛКСМ.

7.01.75. Прodelали те же работы. Приехали Цыбиков, главный зоотехник Бороев, медсестра Доржиева Ц.-Д. Осмотрели овец, помещения.

10.01. Прошел воскресник. Мыдыгма дежурная. Ей пришлось очень долго вертеться около печки, так как обед готовила на всех. Вечером Цырен-Доржи и Болот уехали в центр, завтра тоже воскресник. Гарма-Базар-ахай завтра едет на собрание наставников в Агинское.

11.01. Долгорма сломала очки. И они с Людой пешком пошли домой. Мотор никак не смогли завести, поэтому овец не наполнили.

12.01. Приехал утром наставник. Мы заняли третье место в четвертом квартале. Нас наградили грамотой окружкома партии. Среди 24 молодежных бригад третье место — это в общем не плохо.

13.01. Посетила нас агитбригада районного Дома культуры и показала маленький концерт. В ответ мы тоже дали маленький концерт. Мункуева провела беседу по Обращению ЦК КПСС к партии и советскому народу. Баир Будаевич провел политзанятие. 14—16 января очищали территорию.

15-го приехала передвижная кинобудка, смотрели фильмы «Ход белой королевы» и «Здравствуй, Москва!»

23.01. Сегодня зоотехник привез известь.

24.01. Приехали представители телевидения вместе с партторгом и секретарем комсомольской организации колхоза.

25.01. С утра начали готовиться к встрече своих соперников токчинцев, приехали в 8 вечера. Вечер прошел интересно. Взяли

обязательства, обменялись насчет соревнования двух бригад.

30.01. Приехал секретарь окружкома КПСС. Особых замечаний нет.

27—28—29 января Возили к нам сено. Привезли дрова Аюр и Базар...»

Пока я дочитывал страницы, с трудом разбирая в некоторых местах скоропись и сокращения, солнце уже зашло. Со стороны реки, из-под обрыва, слышалась преимущественно шумная борьба Илларионыча с рыбой, попавшейся на крючок

— Михалы-ыч! — кричал он. — Помогай! Таймешек... В улово меня... затыне-е-т!

И так хорошо стало и от этой возни Илларионыча, и от глухо умиротворенного шумящего Онона, и от первых крупных звезд, что я невольно замечтался, вспомнил свою юность и нашел в ней много до щемящей боли похожего на подробности жизни героев прочитанной сейчас хроники.

Тогда мы, московские студенты середины пятидесятых годов, ездили на целину, на уборку первых урожаев. Казахские степи схожи с забайкальскими своей бескрайностью, головокружительным настоящим разнотравья, но разнятся рельефом: там нет сопок.

Обдирая в кровь не привыкшие к труду ладошки, мы разгребали вилами силос, дежурили по столовой, ругались с совхозным снабженцем, который не завез хлеба или керосина для ламп, выпускали стенгазету, шумно отмечали счастливым дням рождения. Все, что мы ни делали, нам казалось неповторимо важным и наполняло сердца счастьем. А поздними вечерами, как бы ни была трудна дневная работа, разбредались по степи считать звезды. Любили жечь до утра костры на берегу Тобола, притока Иртыша. Иртыш уводил нас: к Ермаку, от него начинались горячие споры о связи времен и поколений, о смысле жизни.

Связь поколений... Как в давние студенческие годы, обостряется воображение, хочется увязать воедино день нынешний и минувший.

Многое помнит седой Онон. В его прохладных водах купали разгоряченных коней орды Чингис-хана. По преданиям, где-то здесь, на его берегах, и был похоронен могущественный завоеватель. Владыка повелел умертвить всех воинов, которые будут его хоронить. И тех, кто умертвит первых. И тех, кто отправит вслед за ними вторых. И так до десятой кровавой смены.

Да ведь зря старался хан. Не жаждут потомки отыскать его прах. Мечом и отравленными стрелами прокладывая он свой путь, утверждая культ насилия и произвола.

Других героев разыскивают ныне отряды красных следопытов — безымянных героев сражений, разыгравшихся на берегах Онона полвека назад. Здесь красные конники легендарного Сергея Лазо оста-

новили и наголову разбили белые сотни атамана Семенова. В честь их и стоят по степным селам краснозвездные обелиски...

Но вернемся от воспоминаний в день нынешний.

В целинной эпопее моего поколения много общего с жизнью сегодняшних ребят, пошедших по зову комсомола из школы в колхозные отары. Общее — в романтической приподнятости свершений, в горячей юношеской дружбе, в готовности выполнить любой, самый трудный наказ Родины.

Но есть и огромная разница. Современная романтика имеет несравнимо более солидную материальную базу. Помню, мы, семьдесят человек, жили в одной землянке — мальчишки и девчонки. Черные матрасовки набивали соломой. Простыней не было. У землянки стояла походная солдатская кухня. Наспех оструганные доски на вкопанных в землю столбах — стол. Доски чуть пониже — скамейки. Тогда еще не вошли в быт транзисторы, а радиоприемника в землянке не было (да и откуда бы мог взяться?). Поэтому каждый вечер мы посылали по жребью ходока на центральную усадьбу, за двенадцать километров: он должен был узнать у парторга совхоза последние известия. Газеты к нам привозили с опозданием на несколько дней. Так было. Таковы были возможности.

Животноводство сейчас называют второй целиной. Да, это уже другая целина, потому что иные теперь времена. Мы стали богаче, в состоянии хорошо оценить и поддержать добрые порывы. Вы поглядите, как естественно и просто авторы дневника пишут о вещах, о которых первоцелинники и не мечтали: «Сейчас юноши смотрят по телевизору встречу хоккеистов столицы... После ужина играли в теннис. Привезли кино... Приехал радиотелемастер...»

«Родина» не самый богатый колхоз в Агинском Бурятском национальном округе. Но это крепкое хозяйство, которое продает государству большое количество сельскохозяйственных продуктов, с каждым годом улучшает условия труда и быта колхозников. Основа благополучия всего хозяйства и каждого жителя Зуткуля — пятидесятилетняя стада овец. Оно дает основную прибыль. Крупного рогатого скота в колхозе 1800 голов, около четырехсот лошадей. Посевные площади невелики, зерновой клин играет подсобную роль. Валовой доход в прошлом году превысил миллион рублей. Колхоз успешно выполняет пятилетний план по всем основным показателям. За четыре с половиной года пятилетки продано государству 25 715 центнеров мяса, 20 040 центнеров молока, 7090 центнеров шерсти.

Окрепшая экономика хозяйства позволила значительные средства вложить в культурно-бытовое строительство. Только за 1974 год на эти цели израсходовано свыше четверти миллиона рублей. В селе

построены Дом культуры, комбинат бытового обслуживания, гостиница, кинотеатр, колхозный дом отдыха, детсад, средняя школа с интернатом, почта, автоматическая телефонная станция, жилые дома общей площадью полторы тысячи квадратных метров.

Население села — 1655 человек; 863 человека из них — члены колхоза, остальные — подростки и дети. В индивидуальном пользовании у колхозников 34 легковых автомобиля, 54 мотоцикла, 86 телевизоров, 75 газовых плит, 103 холодильника.

Конечно же, колхоз имеет возможность хорошо обеспечить ребят, пошедших после окончания средней школы работать на овцеводческие фермы. Что мы и видим на примере бригады «Ошон».

И ребята делом отвечали на заботу о них. По итогам первых трех месяцев работы «Ошон» заняла третье место в округе — среди двадцати четырех комсомольско-молодежных бригад. Неплохих успехов добились они и в первом квартале 1975 года: полностью сохранили поголовье, организовано провели ранний окот. В социалистическом соревновании чабанов на раннем окоте ошонцы заняли четвертое место в районе. О бригаде писала областная молодежная газета. «Комсомольская правда» опубликовала коллективное письмо членов бригады. Ребята писали:

«Мы решили выдержать первый в жизни трудовой экзамен, хотя все, кроме наставника и механика, новички в овцеводстве. Знаем, на нас надеются односельчане, учителя, сверстники... Пока дела идут хорошо, соревнуемся с молодежной бригадой «Ургы» («Подснежник») из соседнего колхоза. Постараемся добиться большого успеха.

Вообще — интересно работать! Мы решили так: многие комсомольцы строят БАМ, новые города, осваивают Нечерноземье. Для нас ударный участок — животноводство».

Итак, что же — проблема смены поколений чабанов решена? Увы, дело это не так уж простое.

Прочитав дневник, я приехал еще раз в Нарин-Хундуй (Узкую падь), на летнюю стоянку «Искры». Там и спросил Мыдыгму, почему записи обрываются в январе — закончились? И будет ли продолжение дневника?

— Нет! — сказала девушка — Скорее всего, нет. Мы уходим из бригады.

— Почему?

— Будем пытаться поступать в институты.

— Наверное, в сельскохозяйственные пойдете?

— Я — да. Дарима, Люда — в пединститут, обе Долгормы — в медицинский Болот мечтает о военном училище.

— А как же с отарами, бригадой? Она что, прекратит свое существование?

Смуглые щеки Мыдыгмы залил румянец, но она смело посмотрела мне в глаза:

— Разве мы не имеем права попытаться свое счастье в учебе? Бараны от вас не

убегут. Да и не останутся они без просмотра. Мы уже договорились с подругами из старших классов. Они нас заменят.

Этих юностей и девушек можно понять. Желание учиться — естественно и похвально. Разве можно ему противиться? И в то же время понятны разочарование и неудовлетворенность правления колхоза: нянчились-нянчились с молодыми, уделяли им внимания гораздо больше, чем старым, заслуженным людям, а пришла пора стрижки, нагула овец — они в город. Выходит, вновь надо обращаться к старикам, которые тихо и незаметно делают свое дело?

Зуткулейский инцидент не порочит, конечно, самоё идею молодежных бригад. Он только предупреждает хозяйственников, комсомольских работников: уже с зимы надо знать, кто из ребят и куда хочет поступать учиться, чтобы своевременно подготовить им замену.

В Казахстане, где недавно состоялся Третий всесоюзный слет молодых овцеводов, к которым с теплым приветствием обратился Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев, накоплен интересный опыт. В частности, там некоторые учебные заведения организуют обучение чабанов без отрыва от производства, направляют комиссии для проведения приемных экзаменов непосредственно в бригадах. Видимо, и в области создать какие-то удобства молодым овцеводам при поступлении в вузы надо.

На бюро Читинского обкома партии мне довелось быть свидетелем полемики, возникшей по поводу самой организации молодежных бригад. Сомнений в их целесообразности не возникало ни у кого. Но, говорил один оратор, не слишком ли нянчимся с ними? Взять тот же «Толон». Стоянка расположена всего в десяти километрах от центральной усадьбы колхоза. Немалые деньги потребовались, чтобы построить целый хуторок, обставить домики мебелью, бытовыми вещами. А не лучше ли и не дешевле ли было бы возить ребят ежедневно на работу? Ведь все это, в конечном счете, удорожает продукцию, ради которой все и делается. И, вообще, экономическая эффективность бригад, как правило, не высока, чабаны-одиночки трудятся с большей отдачей.

Ему горячо возражали: да, по опыту, по знанию тонкостей ремесла молодые чабаны уступают ветеранам. И внимания к себе они требуют больше, и мясо и шерсть у них на первых порах дороже. Но это временное явление! Мы бросаем в разрыленную землю зерна, которые еще дадут обильный урожай.

Движение комсомольско-молодежных бригад как всякое новое дело требует перестройки психологии некоторой части людей. Вероятно, такой перестройки еще не произошло, потому что новая форма внедряется в области пока медленно. Практически почин поддержали лишь животноводы Агинского Бурятского национального округа, в других крупных овцеводческих

районах — Борзинском, Кыринском, Забайкальском — все еще присматриваются.

Но сама жизнь неизбежно приведет инертных или колеблющихся к молодежным укрупненным бригадам как наиболее целесообразной и эффективной в данное время организации труда в овцеводстве.

Вот возрастная структура чабанов колхоза «Родина». Из 128 человек возраст до 20 лет имеют 21, до тридцати — 2, до сорока — 21, от сорока до шестидесяти — 73, свыше шестидесяти — 11 человек. Как видим, овцеводство держится, в основном, на плечах людей пожилого возраста. Думается, что и общая картина по области близка к названной здесь.

Старики уходят, молодежь же овцеводство пополняется пока слабо, и это, естественно, ведет к острому дефициту рабочей силы.

Сейчас в области в овцеводстве занято 11 180 человек, на поечении которых в колхозах и совхозах имеется более четырех миллионов овец. Укомплектованность этой важнейшей отрасли сельского хозяйства Забайкалья рабочей силой составляет 79 процентов; не достаёт почти три тысячи человек. В ближайшее время, с учетом растущего поголовья, дефицит составит уже тысячи четыре.

Свои заметки я не случайно начал пейзажной зарисовкой.

Крестьянский труд — особый, неповторимый. В нем своя проза и своя поэзия. Одному человеку нравится неумолчный шум заводских цехов, скрежет и стон металла, покоренного теплой человеческой рукой. А истый деревенщик любит тишину и покой неоглядных степных просторов, пофыр-

кивание лошадки, горький полынный настой. Любовь к родной земле, к родному краю определяет часто и выбор профессии, и постоянную прописку. Всякому, конечно, свое.

Но магическая сила земли уже не действует безотказно на некоторые молодые сердца. Н. Д. Доржиев, председатель колхоза, с беспокойством говорит о потере престижа профессии животновода и хлебороба. Немало молодых людей, окончивших школу, стремятся во что бы то ни стало уехать в город, попасть в какой-либо институт или техникум — без учета собственных способностей. Устраиваются на случайные работы, лишь бы не идти чабанами или не садиться на трактор.

За последние пять лет Зуткулейскую школу окончили 159 человек. В вузы и техникумы поступили пятьдесят пять. Но, как мы уже видели, в овцеводстве двадцатилетних (вместе с «Ошоном») пока двадцать один человек, а чабанов в возрасте от двадцати до тридцати лет лишь двое. Сейчас в Зуткулее детей и подростков от шестнадцати лет 792 человека — половина населения! Стало быть, есть откуда черпать в будущем резервы.

Так вполне конкретная хозяйственная проблема вовлечения грамотной молодежи в овцеводство вырастает в большой разговор о воспитании в каждом молодом человеке пахаря и чабана, чувства любви к своей земле, ответственности за ее нынешнюю и будущую красоту и богатство.

Да, дневник жизни не окончен. И Мыдыгме, и ее сверстникам, и односельчанам еще предстоит заполнить в нем новые страницы трудовой биографии.

СДЕЛАНО В ДЕВЯТОЙ ПЯТИЛЕТКЕ

ТКАНИ С ЗАБАЙКАЛЬСКОЙ МАРКОЙ

Десять лет назад на северной окраине Читы появились первые многоэтажные дома, растущие параллельно огромным корпусам камвольно-суконного комбината. Теперь поселок разросся, и его новые пятый и шестой микрорайоны почти вдвое сократили расстояние до города. Да и сам комбинат стал полноправным предприятием, пожалуй, первым в большом списке новых оснащенных промышленных предприятий Забайкалья.

Читинский камвольно-суконный комбинат — крупнейшее не только на Дальнем Востоке, но и в стране предприятие легкой промышленности. В прошлом году здесь реализовано продукции на двести миллионов рублей.

В декабре 1968 года была сдана первая очередь комбината — прядильное производство, в 1971 году — ткацкое производство, и к августу этого же года был получен миллионный метр ткани. В декабре 1972 года строительство комбината было закончено, пущена пятая его очередь — отделочное производство, которое завершило технологический процесс превращения шерсти в готовую ткань. Предприятие уверенно стало набирать проектные мощности и скоро будет выпускать в год около 28 миллионов метров костюмных тканей.

Десять лет назад профессия текстильщика была новой в нашем крае. Сейчас на комбинате работает около семи тысяч человек, средний возраст работающих не свыше двадцати пяти лет. Молодежь осваивает новые текстильные профессии под руководством опытных наставников-мастеров, приехавших в Забайкалье из Иванова, Моск-

Аппаратный цех камвольно-суконного комбината

Фото В. Дзюнова

вы, Ярославля, учится мастерству в профессионально-техническом училище и недавно открытом при комбинате вечернем текстильном техникуме.

Отлично трудятся на комбинате сотни передовых комсомольско-молодежных комплектов и бригад. В большой семье текстильщиков особым уважением пользуются депутат Верховного Совета СССР двадцатитрехлетняя ткачиха Ольга Бурдуковская, прядильщица Галина Манченко, мотальщица Татьяна Коренева, победительница конкурса профессионального мастерства в республике и во всей стране, помощник мастера Геннадий Абрамов, чья бригада является вот уже несколько лет лучшим комсомольско-молодежным коллективом в городе.

В 1975 году забайкальским текстильщикам был поручен ответственный государственный заказ — выпуск ткани для школьных форм нового образца, и читинцы справились с ним успешно. А в конце прошлого года на комбинате получили первую образцовую партию чистшерстяной суконной пряжи, из которой получена отличная драповая ткань. Хорошие отзывы покупателей и специалистов завоевали такие ткани, как «Чара», «Салют», «Удокан», «Угдан» «Орхон», «Забайкальская» и другие.

В. БИРЮКОВА

ЧИТИНСКИЙ ХРОМ

Никто не спорит, что обувь из искусственной кожи хороша. Красивая, легкая, она стала привычной и необходимой. И все же, когда есть возможность выбора, многие предпочитают туфли из натуральной кожи. Как бы ни были привлекательны но-

винки — до природных образцов они еще не «дотягивают»

Натуральный хром — в большой цене по всему миру.

Одно из крупных современных предприятий, вырабатывающих цветные хромовые кожи для обувщиков, построено в Чите. В декабре 1974 года государственная комиссия подписала акт о приемке его в эксплуатацию. Во время строительства завод стал своеобразной школой передового опыта. Впервые в практике возведения промышленных объектов в Забайкалье здесь был применен метод бригадного подряда. Используя новую форму хозяйственного расчета, строители на месяц раньше срока сдали объект с оценкой «хорошо» заказчику — Читинскому кожевенно-обувному комбинату.

Проектная мощность завода — 168,8 миллиона квадратных дециметров хрома в год. Уверенному освоению коллективом производственных мощностей способствует рациональное использование многочисленных механизмов и поточных линий. При проектировании завода были учтены новейшие мировые технические достижения в этой отрасли. Вот почему в цехах рядом с отечественным оборудованием импортное: английское, чехословацкое, французское. Шнековые аппараты для операций, происходящих в химических агрессивных средах, опасных для человека, — закрытого типа.

В связи с пуском нового завода на кожевенно-обувном комбинате закрыли юфтьевое производство, где были сложные условия труда. Рабочие перешли в просторные, светлые, хорошо вентилируемые цеха.

На Читинском заводе хромовых кож впервые в Советском Союзе применено оригинальное архитектурно-планировочное ре-

Читинский завод хромовых кож. Шнековые аппараты для отточки кож

Фото В. Дианова

шение, при котором отменно-зольно-дубильный цех находится в середине завода. Это значительно уменьшает внутрицеховые перевозки, увеличивает производительность труда. Размещение оборудования в главном корпусе сделано очень рационально, в комплексе.

Уже сейчас читинские кожевники отправляют свою продукцию на обувные предприятия Свердловска, Челябинска, Биробиджана, Новосибирска и Иркутска. В 1976 году комбинат выпустит 25 000 пар обуви из собственного хрома. Местные модельеры разрабатывают несколько оригинальных моделей. Министерство легкой промышленности выделило средства на проектирование в Чите обувной фабрики. Мощность ее — полтора миллиона пар обуви в год. Предлагаемый ассортимент: мужские ботинки и полуботинки, женские туфли, обувь для детей дошкольного и школьного возрастов.

В. БРАТУШЕВ.

ВЕЕР «ТАРБАГАНА»

«Просим оказать техническую и методическую помощь выделением отклонителей ТЗ...»; «Просим включить в общую заявку 50 отклонителей ТЗ для нашего геологического управления...»; «Просим отгрузить пять «Тарбаганов»...» Короткие телеграммы приходят почти каждый день в адрес заведующего отделом техники разведки Забайкальского комплексного научно-исследовательского института Министерства геологии СССР кандидата технических наук Юрия Сергеевича Костина.

Что же такое ТЗ? Так любовно его создатели — молодые ученые ЗаБНИИ под руководством Юрия Сергеевича Костина — назвали малогабаритный буровой снаряд. Свое имя «ТЗ» — «Тарбаган Забайкальский» получил от степного забайкальского

зверька тарбагана — искусного землекопа, который пробуривает норы на большую глубину и делает в них ходы в разных направлениях. ТЗ — снаряд для бурения скважин по заданному направлению в требуемую точку пространства. Это очень важно для обеспечения качественной разведки любого месторождения. И еще одно качество этого снаряда: из одной точки на поверхности он пробуривает веер скважин, подсекая месторождение полезных ископаемых.

При разведочном бурении скважины могут самопроизвольно отклоняться от проектного направления. Это удлиняет сроки разведки и приносит немалые убытки. Особенно учащаются случаи искривления скважин при переходе на бурение малым диаметром. Необходим был надежный буровой снаряд, который позволял бы «управлять» трассой скважин. И такой снаряд создан молодыми учеными Забайкалья.

Обширна география применения «Тарбагана Забайкальского»: Средняя Азия, Таймыр, Чукотка, Западная и Восточная Сибирь, Кольский полуостров, Урал, Забайкалье. Сейчас ученые ЗаБНИИ готовятся к десанту в Северо-Байкальскую геолого-разведочную экспедицию, которая интенсивно ведет разведку полиметаллического месторождения в зоне Байкало-Амурской магистрали. «Тарбаган» позволит за счет бурения направленных многоствольных скважин не только сократить затраты, но и сроки разведки этого перспективного месторождения. ТЗ выдержал уже экзамен на медном Удоканском месторождении в районе БАМа.

После широких производственных испытаний «Тарбаган Забайкальский» принят государственной комиссией к серийному производству. По самым скромным подсчетам внедрение трехсот «Тарбаганов» позволит получить экономический эффект в год свыше полутора миллионов рублей.

Л. ФАДЕЕВ.

Первые революционные бои в Забайкалье

(По документам Государственного архива Читинской области)

К началу 1905 года Забайкалье представляло собой одну из тех окраин Российской империи, где революционные события достигли большого размаха и особенной остроты. Близость Забайкалья от фронтов русско-японской войны сделала его тылом миллионной русской армии. Это ухудшало и без того бедственное положение народных масс. Росту революционного сознания рабочих и трудящихся населения края способствовала активная работа забайкальских большевиков. Большую часть членов Читинской социал-демократической организации, созданной в 1902 году Ем. Ярославским, составляли железнодорожники, сплоченный и наиболее многочисленный отряд рабочих Забайкалья.

События 9 января 1905 года всколыхнули всю Россию. Читинский комитет РСДРП с помощью устной агитации и перепечатки полученных сообщений постарался донести весть о расстреле царскими властями мирной демонстрации до широких масс. Волна митингов солидарности с рабочими Петербурга прокатилась по Забайкалью.

«Мы, читинские рабочие, собравшись по приглашению местного комитета партии на сходку и выслушав речи двух ораторов на тему: «События Дня и наши задачи», — единогласно приняли следующую резолюцию:

1. Свято чтя память борцов, погибших в Петербурге 9 января, мы шлем свой братский привет всем борцам за свободу родины.

2. Считая своим гражданским долгом содействовать всеми возможными средствами окончательной гибели издыхающего самодержавного чудовища, мы с глубочайшим презрением отвергаем царские предательские заигрывания с рабочим классом...

3. Требуя созыва учредительного собрания на основе всеобщего равного, прямого и тайного избирательного права и прекращения войны, мы остаемся верны лозун-

гам нашей партии: «Долой самодержавие, долой войну, да здравствует начавшаяся революция»¹.

Учитывая революционное настроение рабочих, комитет решил провести стачку. И стачка началась. В одном из донесений местным властям начальник Главных читинских железнодорожных мастерских сообщил: «Сегодня, 29, вышли рабочие главных мастерских на работы, но к работе не приступают, а, собравшись в сборном цехе, ведут между собой разговоры. Войдя в цех, я во исполнение телеграммы начальника дороги объявил рабочим, что платёж будет производиться сегодня около 11 часов дня. Меня выслушали и затем на мое предложение разойтись по работам ответа не дали, но попросили меня в вежливой форме удалиться из цеха. Также было предложено удалиться и другим начальствующим лицам»².

Стачка длилась три дня, требования забастовщиков, предъявленные администрации мастерских, были удовлетворены. Однако стачечная борьба не прекратилась. Митинги и собрания проходили почти ежедневно. 19 февраля в доме Позолотина, в Кузнечных рядах, было созвано нелегальное собрание рабочих. Жандармы с помощью провокатора выследили их.

**Отношение
прокурора Читинского окружного суда
прокурору Иркутской судебной палаты**

Секретно

Арестантское

Оцепив дом, из которого раздавался гул голосов, полицейские надзиратели с несколькими городовыми открыли дверь, ведущую со двора в большую комнату, за-

¹ Государственный архив Читинской области (ГАЧО), ф. 96, оп. 2, д. 237, л. 53.

² ГАЧО, ф. 1545, оп. 1. д. 11, л. 3.

нимающую весь дом. В ней было около 100 рабочих и разных других лиц. В углу стоял небольшой столик, на котором стояли свечи и были разложены какие-то бумаги, а за столом стоял какой-то человек, который громко читал что-то вроде газеты, которую при появлении полиции опустил под стол... Рабочие выбежали на улицу и, отстреливаясь из револьверов, разбежались в разные стороны. Из них 8 человек полицией были, несмотря на сопротивление, задержаны. Это оказались рабочие Абрам Штейн, Тимофей Плеханов, Сергей Моргенштерн, Самуил Андоверов, Солломон Гейман, Федор Петров, Павел Киселев и Дмитрий Вирбунов...

В помещении чинами полиции найдены четыре «Сборных листа» на пополнение кассы «Всеобщей политической стачки по линии Сибирской и Забайкальской железной дороги»... 2 экземпляра воззвания Читинского комитета «К рабочим», брошюра Н. Ленина «К деревенской бедноте» издания Центрального комитета, брошюра «Рабочее дело в России», 3-й номер газеты «Искра» 1901 г.»¹

Узнав об аресте своих товарищей, рабочие читинских железнодорожных мастерских вновь забастовали. 21 февраля 1905 года на имя военного губернатора Забайкальской области поступила телеграмма от подполковника Ребиндера:

«Сегодня с утра в читинских мастерских большинство рабочих прекратили работу, собрались на сходку в одном из цехов. Хотели идти к военному губернатору, но потом постановили не ходить, забастовать и требовать освобождения арестованных 19 февраля в Кузнецких рядах»².

Власти были вынуждены освободить семерых осужденных, а Павла Киселева, опытного партийного работника, члена РСДРП, выслали за пределы области.

Забастовочное движение широкой волной прокатилось по линии Сибирской и Забайкальской железных дорог. Все чаще оно носило политический характер. Особенно большой размах приобрели июльско-августовские стачки.

20 июля рабочие предъявили железнодорожной администрации ряд экономических требований. Администрация ответила отказом и пригрозила локаутом. В ответ рабочие с 25 июля объявили политическую стачку. Спустя несколько дней бастующие читали постановление главного начальника тыла маньчжурских армий генерала Надарова о запрещении сходов. Виновных ждали трехмесячное тюремное заключение или денежный штраф до трех тысяч рублей. В свою очередь рабочие направили губернатору заявление:

«Ввиду запрещения сходов для обсуждения наших нужд в здании мастерских мы, рабочие мастерских и депо, заявляем, что

сегодня 27 июля и в последующие дни соберемся для обсуждения наших нужд в старой колонии и, если с Вашей стороны будут приняты репрессивные меры во время наших мирных собраний, мы за последствия не отвечаем»¹.

Читинский комитет РСДРП 28 июля организовал митинг в железнодорожных мастерских, на котором присутствовало около двух тысяч человек. Здесь были не только рабочие мастерских и депо, но и солдаты железнодорожного батальона, служащие торгово-промышленных предприятий, типографские рабочие. Все чаще и чаще в речах выступающих звучал лозунг: «Долой самодержавие!»

Забастовкой руководил стачечный комитет, который от имени рабочих предъявил администрации 33 требования: полная уплата жалования за время стачки, 8-часовой рабочий день, накануне праздников — 7-часовой рабочий день, уплата больничных денег, улучшение гигиенических условий в рабочих помещениях, отмена сверхурочных работ и платы в железнодорожных школах².

К забастовке читинских железнодорожников присоединились рабочие Могзона, Борзи, Иркутска, Могочи, Хилка.

Администрация пыталась сорвать стачку. В читинское паровозное депо были направлены солдаты железнодорожного батальона. Стачка в Чите продолжалась две недели, но из-за отсутствия связи и хорошо поставленной информации стачка рабочих Сибири не стала всеобщей. И все-таки значение ее для последующих выступлений было велико. Она пробудила даже среди отсталой части рабочих сознание необходимости организованной борьбы, мобилизовала внимание рабочих на политическом лозунге всеобщей стачки, дала возможность большевикам широко разъяснить трудящимся массам значение всеобщей стачки как первого шага к восстанию против царского самодержавия и необходимость создания массовых политических организаций, прежде всего профсоюзов.

Первоочередной задачей был созыв съезда рабочих-железнодорожников. В начале августа комитет разослал письма-обращения к рабочим Маньчжурии, Борзи, Оловянной, Хилка и других станций дороги:

«Товарищи! Революционная борьба становится день ото дня все сильнее и сильнее, громадные массы народа выходят из состояния спячки, все сильнее и глубже вовлекаются в политическую борьбу. Сознательное политическое движение, еще недавно ограничивавшееся тесным кругом революционной интеллигентской молодежи и передовых слоев рабочего класса, теперь захватывает не только массу рабочих а мелких городских служащих, но и самые широкие слои крестьянства...

¹ Революционное движение в Забайкалье. 1905—1907 гг. Чита, 1955, с. 53—55.

² ГАЧО. ф. 50. оп. 2, д. 7, л. 6.

¹ ГАЧО, ф. 1545, оп. 1, д. 11, л. 48.

² ГАЧО, ф. 1545, оп. 1, д. 11, л. 1.

Российская социалдемократическая
рабочая партия
Пролетарий всех стран, соединяйтесь

Резолюция,
принятая на собрании рабочих г. Читы

Мы, Читинские рабочие, собрались по
приглашению тов. Козлова Комитета партии
в количестве около тысячи человек и
обсудив вопрос о всеобщей стачке по линии
Сибирской и Забайкальской п. д., которая
будет полным и последним ударом,
нанесенным ему российским пролетари-
атом, единственной борьбой против всякого
угнетения и эксплуатации, приняв
следующую резолюцию:
Во 1-х Целями нашей ближайшей задачи
свержение царского самодержавия и
замену его самодержавием народа

Народное восстание неизбежно и чрезвычайно близко. Рабочий класс должен сохранить за собой эту руководящую роль и впредь для того, чтобы довести революцию до конца как можно скорее и отвоевать у буржуазии в новом свободном буржуазном государстве возможно больше свободы для самого себя, для дальнейшей борьбы за социализм.

Пока продолжается война, стачка будет лучшим средством против войны и царской монархии, лучшей поддержкой народного восстания в России. Чем сильнее обострится революционная борьба, тем большее значение приобретает эта стачка и тем настоятельнее является для нас необходимость осуществить это великое дело...»¹

Съезд состоялся в конце августа и начале сентября. 18 делегатов от 507 рабочих, организованных в профсоюзы, собрались на этом съезде. Делегаты рассмотрели вопросы улучшения взаимосвязи же-

лезнодорожников Забайкалья, выявили недостатки только что закончившейся стачки. Съезд поддержал призыв большевиков об активном бойкоте антинародной государственной думы, отметил, что наиболее действенной формой выступления против думских выборов является всеобщая стачка не только железнодорожников, но и всех рабочих Забайкалья.

В решениях съезда нашли отражение такие политические требования, как запрещение жандармам и представителям администрации присутствовать на рабочих митингах и собраниях, запрещение увольнять рабочих за участие в стачках, требование разрешить свободное празднование 1 Мая и 9 Января.

На съезде был организационно оформлен профессиональный союз железнодорожников Забайкалья.

Осенью 1905 года стачечное движение в России поднялось на небывалую высоту и в октябре вылилось во Всероссийскую политическую стачку. 7 октября забастовали рабочие и служащие управления и всей линии Московско-Казанской дороги, за ними — Ярославской и Курской. 13 ок-

¹ Революционное движение в Забайкалье 1905—1907 гг., Чита, 1955, с. 73—76.

тября Забайкальский губернатор получил зашифрованную телеграмму от Трепова:

«Прошу не допускать никаких сборищ, сходок, собраний, на устройство которых не будет испрошено разрешения. Прекращать подобные неразрешенные сборища всеми мерами вплоть до применения открытой силы!»¹.

На следующий день рабочие Забайкалья узнали о начавшейся в центре политической стачке.

14 октября на многолюдном митинге в главных мастерских, организованном Читинским комитетом РСДРП, рабочие мастерских и депо, служащие почты и телеграфа, телефонной станции приняли единодушное решение присоединиться ко всеобщей стачке. В тот же день состоялся еще один, более многочисленный митинг, на котором был образован стачечный комитет, осуществлявший руководство дальнейшей борьбой.

В Петербург шли тревожные сообщения военного губернатора Забайкальской области Холщевникова:

«В Чите, в железнодорожных мастерских забастовки. Запасные паровозы повреждены, движение поездов прекращено, сообщение с Иркутском прервано»².

Но полностью движение на Забайкальской дороге не было остановлено. Рабочие установили строгий контроль за продвижением поездов: хлебные эшелоны и военные составы с солдатами, возвращавшимися с полей Маньчжурии, пропускались беспрепятственно.

Как только началась всеобщая политическая стачка на Забайкальской железной дороге, Читинский комитет РСДРП поставил вопрос о вооружении рабочих.

15 октября рабочие читинских железнодорожных мастерских предприняли попытку на станции Чита-I завладеть оружием. Туда была направлена рота солдат под командованием офицера Шпилевского, но солдаты отказались стрелять. Тогда офицер выстрелил сам и смертельно ранил рабочего А. Кисельникова. Жестокое убийство потрясло жителей города. Возмущение против действия властей, солидарность с рабочими выразили учащиеся и преподаватели, служащие и крестьяне близлежащих деревень, солдаты читинского гарнизона.

Стачечное движение с необыкновенной быстротой распространялось по всей линии Забайкальской дороги. Бастовали железнодорожники Хилка, Верхнеудинска, Слюдянки, Борзи, Оловянной. Бастующие добивались демократических свобод: свободы слова, собраний, ввода восьмичасового рабочего дня.

Власти пытались покончить со стачкой вооруженной силой, но рабочие повсеместно оказывали сопротивление, вооружались, создавали боевые дружины.

Выполнение сложной задачи вооружения, строевой и боевой подготовки дружин, обучение их тактике боев Читинский комитет РСДРП возложил на бывшего кадрового военного профессионального революционера Антона Антоновича Костюшко-Валюжанича. Он отлично справился с боевым поручением партии. Отряды дружинников предпринимали смелые операции по захвату оружия.

¹ ГАЧО, ф. 1545, оп. 1, д. 11, л. 88.

² ГАЧО, ф. 1545, оп. 1, д. 11, л. 89.

Будучи бессильным перед назревающей революцией, царь 17 октября 1905 года издал манифест, в котором обещал народу гражданские свободы и «законодательную» думу. В условиях наступления реакции забастовочное движение в стране пошло на убыль. Так же организовано, как началась и протекала, была прекращена октябрьская стачка. С 24 октября железнодорожники Забайкалья приступили к работе.

Говоря о значении Всероссийской октябрьской политической стачки В. И. Ленин писал, что в ходе ее «пролетариат завоевал всему русскому народу, хотя и на короткое время, невиданную на Руси свободу печати, собраний, союзов. Он смел со своей дороги поддельную булыгинскую Думу, вырвал у царя манифест о конституции и раз и навсегда сделал невозможным управление Россией без представительных учреждений»¹.

Но и после прекращения октябрьской стачки рабочие ни на один день не останавливали борьбу. Значительно активизировалась деятельность Читинского комитета РСДРП с приходом в него видных деятелей партии В. К. Курнатовского, И. В. Бабушкина. Усилится печатная и устная агитация среди забайкальского учительства и учащихся, в частях местных воинских гарнизонов, среди солдат, проезжающих на запад с фронтов русско-японской войны. По свидетельству местных властей, «агитация из подпольной превратилась в открытую». Прокламации и популярные брошюры печатались не только в подпольной типографии Читинского комитета, но и в легальных типографиях города. Как показывал в отчете Читинский комитет, только за ноябрь им было издано и распространено 16 прокламаций и воззваний общим тиражом 38 500 экземпляров. В этом же месяце комитет организовал 27 общих собраний рабочих, солдат, казаков, 7 митингов и одну демонстрацию².

Во время стоянок воинских эшелонов собирались многочисленные митинги, устраивались братания солдат и рабочих.

Результаты пропагандистской работы в войсках не замедлили сказаться. На сторону народа перешли третий резервный железнодорожный батальон, Читинский, а затем Нерчинский и Сретенский гарнизоны. А 22 ноября 1905 года на собрании в Главных железнодорожных мастерских был создан Совет солдатских и казачьих депутатов и введен 8-часовой рабочий день. Позднее 8-часовой рабочий день был установлен по всей линии Забайкальской дороги. Революционное движение нарастало. Высшей точкой революции явилось декабрьское вооруженное восстание. Вооружение рабочих шло быстрыми темпами.

**Рапорт
начальника железнодорожного батальона
командующему
всеми сухопутными и морскими силами
генералу Ливевичу**

«Вчера около 9 часов вечера толпа рабочих Читинских железнодорожных мастерских разграбила временный оружейный цехгауз вверенного мне батальона, унесла 787 винтовок, 16 револьверов и 9 шашек, 6 декабря 1905 г.»¹

**Из донесений
прокурора Читинского окружного суда
прокурору Иркутской судебной палаты**

«...14 декабря в помещение кондукторской бригады явилась вооруженная толпа неизвестных людей... и забрала 51 казенный револьвер системы «Смит и Вессон» и 1200 револьверных патронов, причем одним из этой толпы, назвавшимся заведующим самообороной, выдана расписка в том, что им в пользу комитета социал-демократической рабочей партии взято означенное выше количество револьверов и патронов»².

Как свидетельствуют документы, в распоряжении Читинского комитета было до четырех миллионов патронов, сорок тысяч винтовок. Количество собранного в Чите оружия намного превышало местные потребности, поэтому комитет снабжал оружием боевые дружины Хилка, Могзона, Петровского Завода, Борзи. Был собран и послан транспорт с оружием в Иркутск.

Рабочую дружину на станции Хилок возглавил слесарь депо Степан Талев, его помощником стал машинист Винокуров. Хилокские рабочие вооружились, захватили власть на станции.

Большую помощь в приобретении оружия оказывал Э. В. Цупсман, помощник начальника станции Чита-I. Девятнадцать вагонов с оружием и боеприпасами, захваченных с его помощью, оказались в руках восставших.

Успехи революции были налицо. Правительственный аппарат в области был полностью парализован. Читинский комитет РСДРП, Совет солдатских и казачьих депутатов, Совет боевых дружин являлись фактическими хозяевами в городе и по линии железной дороги. Были образованы смешанные комитеты по перевозкам. Без их санкции ни один поезд не мог пройти по дороге. Полностью контролируя работу дороги, смешанные комитеты прежде всего ускорили отправку домой измученных войной солдат Маньчжурской армии, боролись с саботажем администрации. Читинский комитет возглавил революционный захват почты и телеграфа. Была образована «Читинская республика». 7 декабря 1905 года под редакцией В. К. Курнатовского вышел первый номер газеты «Забайкальский рабочий» — боевого органа забайкальских

¹ В. И. Ленин. Поли. собр. соч., т. 19, с. 416.

² Революционное движение в Забайкалье. 1905—1907 гг. Чита, 1955, с. 134—141.

¹ ГАЧО, ф. 50, оп. 1, д. 570, л. 28.

² Революционное движение в Забайкалье, 1905—1907 гг. Чита, 1955, с. 154—155.

большевиков. Первый номер газеты было встречен восставшими с восторгом. Страницы газеты — летопись событий революционного Забайкалья.

В одном из номеров газеты было опубликовано сообщение «К освобождению матросов из Акатувского рудника». Подробности этого события раскрывают документы государственного архива: Протоколы допросов обвиняемых в освобождении матросов, показания свидетелей, статеиные списки матросов, их портреты, матросские книжки, переписка судебных властей¹.

В июне 1905 года учебный транспорт «Прут» поддержал восставших потемкинцев. Царские власти расстреляли руководителей матросского комитета, а пятнадцать активных участников восстания сослали в каторжные работы в Акатуй на разные сроки.

21 декабря четыре делегата, избранные на общем собрании рабочих железнодорожных мастерских и членов Читинского гарнизона, прибыли в Акатуй и вручили мандат Читинского комитета РСДРП начальнику тюрьмы Фищеву: «Читинский комитет Российской социал-демократической рабочей партии требует от вас немедленного освобождения всех политических заключенных, находящихся во вверенной вам тюрьме. Привести в исполнение настоящее требование Читинский комитет уполномочивает двух делегатов комитета и представителей от Совета солдатских и казачьих депутатов Российской социал-демократической рабочей партии»².

Начальнику тюрьмы не оставалось ничего другого, как подчиниться требованию. 26 декабря делегация от комитета встречала прутьевцев в Чите.

Революционное движение в Забайкалье достигло такого широкого размаха, что местные власти вынуждены были просить помощи у самого царя Николая II. В итоге из Царского села 17 декабря 1905 года последовала телеграмма генералу Линевичу:

«Повелеваю Вам немедленно... в кратчайший срок примерно наказат виновных в самозванном присвоении себе власти по всей строгости законов военного времени и установить по всей железнодорожной полосе и прилегающих к ней городах беспрекословное исполнение требованиям законных властей.

О принимаемых мерах и достигнутых результатах донесите мне ежедневно телеграфом. Николай»³.

Обстановка в стране все более и более обострялась. Разгромлены царскими властями восстания в Москве и Петербурге, пала «Красноярская республика», нависла угроза и над Забайкальем. Сжимая кольцо, жестоко подавляя сопротивление восставшего населения Забайкалья, двигались

на Читу карательные отряды царских генералов Меллер-Закомельского и Ренненкампа.

Читинский комитет и Совет рабочих и солдатских депутатов на совместном заседании решили держать оборону Читы. В Читинские мастерские было свезено оружие, продовольствие. Рабочие строили баррикады. Навстречу карательным эшелонам были высланы два отряда подрывников. Однако остановить продвижение карателей не удалось. 21 января комитет получил известие о разоружении революционно настроенных солдат Читинского гарнизона. Потеряв поддержку армии, Читинский комитет вынес решение во избежание кровопролития оставить мастерские. 23 января «Читинская республика» пала.

Начались жестокие репрессии. В течение лишь одной недели в Чите было брошено в тюрьмы свыше четырехсот человек. Наказание — каторга или смертная казнь. Жертвами карателей пали видные деятели революционного движения: А. А. Костошко-Валожанич, И. В. Бабушкин, А. Попов-Коновалов, В. Розенфельд, Э. В. Цупсман, Е. П. Столяров, И. Вайнштейн и другие. Несмотря на поражение революции, Читинская партийная организация продолжала работать в подполье.

В самый разгар репрессий в Чите вышел шестой номер «Забайкальского рабочего». Передовая статья газеты писала о причинах поражения и уроках Читинского восстания:

«Читинское восстание показало наглядно, что революция имеет силу постольку, поскольку ее отдельные моменты связаны друг с другом...

Оно учит и требует, чтобы следующее выступление было одновременным, чтобы не было отдельных восстаний в Чите, Красноярске, Нижнем, Москве и т. д., а чтобы восстание пролетариата и крестьянства было всероссийским.

А для этого нужна широкая и прочная организация рабочих в социал-демократическую партию, нужно, чтобы масса рабочих поняла, что в политической борьбе сила и успех каждого класса непосредственно зависят от силы и успехов его политической партии»¹.

Революционная работа большевиков в Забайкалье продолжалась и в годы реакции, и наступившего затем нового революционного подъема в стране. Она способствовала укреплению и развитию славных революционных традиций; Забайкалье в годы борьбы за победу Власти Советов являлось одним из тех районов, где особенно широк был размах народной борьбы против интервентов и белогвардейцев.

Л. СБИТНЕВА, С. НИКОНОВА,
научные сотрудники Государственного
архива Читинской области.

¹ ГАЧО, ф. 63, оп. 1, д. 169, л. 71.

² ГАЧО, ф. 63, оп. 1, д. 169, л. 71.

³ ГАЧО, ф. 50, оп. 1, д. 570, л. 25.

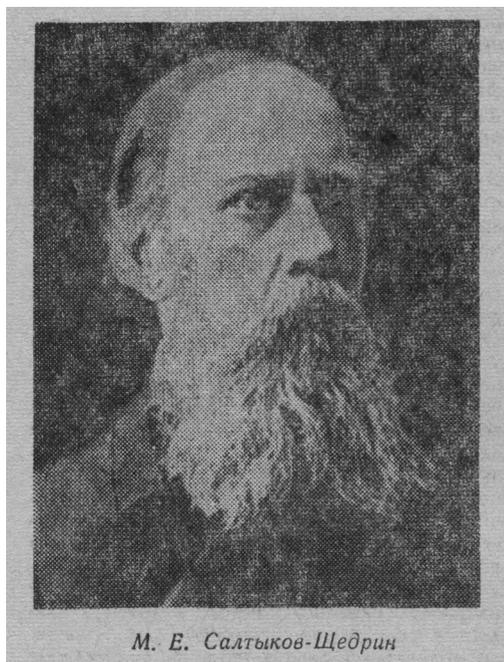
¹ «Забайкальский рабочий», 12 февраля 1906 г.

К 150-летию со дня рождения

М. Е. Салтыкова-Щедрина

С. ЮРОВСКИЙ,
кандидат философских наук

МУЗА ПЛАМЕННОЙ САТИРЫ

Эту знаменательную дату отмечает весь советский народ. Заветная мечта великого русского писателя-сатирика, пламенного демократа, поборника свободы и страстного патриота земли русской Михаила Евграфовича Салтыкова (Н. Щедрина) об идейной близости между писателем и читателем в наши дни стала реальной осязаемой действительностью. Сегодня, как никогда прежде, дороги и понятны высокие идеалы Салтыкова-Щедрина, органически близка каждому из советских людей его непримиримая борьба против рабства и угнетения трудящихся масс дореволюционной России.

Беспошадная критика самодержавия и устоев крепостничества, а также буржуазных порядков, пламенный призыв к свержению царизма, всякого и всяческого насилия и глубокая вера в торжество правды на земле — таков сокровенный смысл жизненного и творческого подвига великого писателя и гражданина.

Определяя непреходящую ценность литературного наследия автора «Истории одного города», «Господ Головлевых», «Сказок» и многих других его бессмертных творе-

ний, А. М. Горький в своей «Истории русской литературы» (1907—1908) со всей категоричностью подчеркивал: «Щедрин шел в ногу с жизнью, ни на шаг не отставая от нее, он пристально смотрел в лицо ей и — горько пророчески хохотал надо всеми и всем. Это не смех Гоголя, а нечто более оглушительно-правдивое, более глубокое и могучее»¹.

Творчество Салтыкова-Щедрина, с первых шагов его литературной деятельности и до конца его дней (он умер 28 апреля—10 мая по новому стилю 1889 года) органически связало с развитием русского революционного движения. Его произведения вдохновляли не одно поколение революционеров.

М. Е. Салтыков-Щедрин в совершенстве владел редчайшим даром, каким явился сатирический талант в полном и совершенном смысле этого слова. В истории человечества бывают времена, когда ни один из многочисленных жанров искусства слова не ценится так высоко, как жанр бичующей социальной сатиры. «Смех имеет в себе нечто революционное», — указывал А. И. Герцен. Особенно велика и значительна с точки зрения своей социальной и жизненной актуальности была роль этого жанра в условиях самодержавно-крепостнической и буржуазной России. И не случайно еще молодой Пушкин придавал огромное значение сатире. С присущей ему вдохновенностью он призывал:

О муза пламенной сатиры,
Приди на мой призывный клич,
Не надо мне гремещей лиры,
Вручи мне ювеналов² бич.

Поразительная способность владеть этим бичом отличала таких великих русских писателей, как Д. И. Фонвизин, А. И. Крылов, А. С. Грибоедов, Н. В. Гоголь. «Муза пламенной сатиры» — постоянная спутница Салтыкова.

Гениальный русский писатель, продолживший лучшие традиции нашего искусства слова, на протяжении всей своей литературной деятельности мастерски владел «ювеналовым бичом» сатиры.

¹ М. Горький. История русской литературы. №1, 1939, с. 270.

² Ювенал Деций Юний — римский поэт-сатирик (I в. — после 127 г. н. э.).

Его сатирический образ — все эти иудушки и угрюм-бурчеевы, колупаевы и разуваевы, помпадурсы и помпадурши помогли прогрессивным деятелям России срывать все и всяческие маски с помещиков-крепостников, разоблачать царских чиновников и бюрократов, выводить на чистую воду «прекраснодушных», вконец изолгавшихся либералов, пригвозждать к позорному столбу истории «чумазах» хищников капитализма и человеконенавистников всех видов и форм.

«Здоровый социальный скептицизм» выступает в качестве характерной черты творческого облика великого писателя с первых шагов его литературной деятельности. В окружающем его мире «чужовишной империи», как некогда А. И. Герцен квалифицировал Россию своего времени, М. Е. Салтыков не видел ничего, что могло бы вызвать в нем положительные эмоции. Этим обстоятельством и мотивируются острота его сатирического таланта и непреходящая сила его испепеляющей ненависти по адресу «властей придержащих» самодержавной России.

В одном из ранних стихотворений «Две жизни» он с горечью констатировал:

...Жизнь безрадостна и тяжела тому,
Кто сердца не нашел ответного ему;
Кто символом ничтожества покрытый,
Людьми и всем, что в мире позабытый
Страстей земных измученный борьбой,
Каким-то странником блуждая одиноким¹.

Хотя эти его опыты и не отличаются особыми поэтическими достоинствами, но они уже были проникнуты той мрачной рефлексией, которая определялась крепостническим режимом и тупоумием чиновников-педагогов лица. Именно здесь, вопреки чудовищно-диким порядкам, Щедрин пристрастился к чтению. Его захватило «полное страсти слово Белинского» на страницах «Отечественных записок».

Мысли В. Г. Белинского о гоголевском реализме и натуральной школе, вдумчивое изучение произведений Гоголя во многих отношениях определили судьбу Салтыкова-Щедрина как писателя. Поступив в мае 1844 года на внештатную службу в военное министерство, Щедрин одновременно сближается с литературными кругами Петербурга. Уже тогда, касаясь природы чиновничье-бюрократической столицы России, он отвечал: «Везде долг, везде принуждение, везде скука и ложь»².

Жизнь Салтыкова-Щедрина была наполнена литературными встречами, пристальным изучением классиков русской и мировой литературы, произведений французских философов-материалистов XVIII ве-

ка, философского наследия Гегеля и Фейербаха, социалистов-утопистов, а также близким общением с кружком Петрашевского. Вспоминая об этом времени, он отмечал в своей книге «За рубежом»: «...Духовно мы жили во Франции... оттуда лилась на нас вера в человечество, оттуда воссияла нам уверенность, что «золотой век» находится не позади, а впереди нас»¹.

Под влиянием Петрашевского и его окружения, а также в результате глубокого изучения философской мысли своего времени М. Е. Салтыков приобщился к идеям утопического социализма. Важно подчеркнуть при этом, что он усвоил лишь сильную критическую сторону предшественников научного социализма. Мечтательно-фантастические стороны фурийеризма и религиозные потуги Сен-Симона он категорически отбросил. Его увлекала лишь страстная вера в лучшее будущее человечества, в неизбежную гибель несправедливого строя жизни и конечное торжество справедливого социалистического устройства общества.

Стремлением воздействовать на ход исторического процесса своего времени и определяется идейно-политическое и художественное развитие Щедрина. В своих поисках он, подобно Чернышевскому и другим поборникам революционной демократии, остался типичным просветителем и утопистом. Политические и философские искания великого писателя являются наглядной иллюстрацией ленинской характеристики важнейшего периода в истории общественно-политического развития в России. «В течение около полувека, примерно с 40-х и до 90-х годов прошлого века, — писал об этом времени В. И. Ленин, — передовая мысль России, под гнетом невиданно дикого и реакционного царизма, жадно искала правильной революционной теории, следя с удивительным усердием и тщательностью за всяким и каждым «последним словом» Европы и Америки в этой области. Марксизм, как единственно правильную революционную теорию, Россия поистине выстрадала полувековой историей неслыханных мук и жертв, невиданного революционного героизма, невероятной энергии и беззаветности исканий, обучения, испытания на практике, разочарований, проверки, сопоставления опыта Европы»².

М. Е. Салтыков-Щедрин в результате этих поисков становится принципиальным противником народнического социализма с его ориентацией на крестьянскую общину. Однако и к пониманию научного социализма он еще не пришел. Кроме всего прочего, одной из причин этого является то, что, будучи материалистом в истолковании природы, он оставался на позициях идеализма в понимании общественных явлений. Главным фактором общественного разви-

¹ К. К. Арсеньев. Материалы для биографии М. Е. Салтыкова, журн. «Вестник Европы», 1890, № 1, с. 317—318.

² М. Е. Салтыков (Н. Щедрин). Полн. собр. соч. М.-Л., 1941, т. 1, с. 122.

¹ Указ. собр. соч., т. 14, с. 161.

² В. И. Ленин. Поли. собр. соч., т. 41, с. 7—8.

тия, по мысли писателя, выступает сознание. Он ошибочно полагал, что «история развития человеческого общества есть ничто иное, как история разложения масс под влиянием сознательной мысли»¹.

Будучи до конца своих дней рационалистом и моралистом, М. Е. Салтыков-Щедрин большое значение придавал также нравственным основам воспитания человека. Под этим углом зрения он критиковал негативные явления своего времени. Социально-отрицательный материал живой действительности оставался для писателя главным объектом его обличительного наступления. При этом, однако, его никогда не покидала мысль о «бесконечной изменчивости общественных форм», предопределяющей человечеству «обширное будущее».

Вдохновленный великими идеями «высшего и безукоризненного патриотизма», Салтыков обрушил всю силу своего сатирического таланта на царскую правящую бюрократию, которая мешала реализации великих идеалов свободы и справедливости. Он не мог примириться с теми фактами страшной действительности, которую постиг еще в годы вятского прозябания и подневольной чиновничьей службы. Напомним, что с мая 1848 по ноябрь 1855 годов Салтыков-Щедрин находился в Вятке, куда был сослан царскими властями за опубликование двух своих ранних повестей — «Противоречия» и «Запутанное дело», — в которых узурпаторы свободной мысли усматривали «пагубное стремление» к ниспровержению властей. Писатель ясно видел, что поработители России в лице царского правительства и господствующих классов завели его родину на «ложную дорогу». Вот почему в борьбе с ними он усматривал свою общественную миссию, свое гражданское призвание.

От «Губернских очерков» к «Истории одного города», «За рубежом» и «Пошехонской старине» — через все произведения великий писатель пронес свой гнев по адресу «подъячих», взяточников и казнокрадов первоначально низшего разряда, а затем и «помпадуров», усматривавших свою главную обязанность «в выколачивании недоимок и в усмирении воображаемых... бунтов». Досталось также и «градоначальникам», во многом напоминавших собою столь «высоких персон», какими представлялись по тем временам Аракчеев (Угрюм-Бурчеев), Александр I (Грустилов), Николай I (Перехват-Залихватский).

Первым сатирическим циклом Салтыкова явились его знаменитые «Губернские очерки», вышедшие отдельным изданием в 1857 году. Они печатались под псевдонимом Н. Щедрин. С этим именем Салтыков и вошел в большую литературу и в скором времени стал одним из известнейших рус-

ских писателей, прочно заняв свое место наряду с Гончаровым, Тургеневым, Львом Толстым.

В «Губернских очерках» — этой «благородной и превосходной книге», по меткому определению Н. Г. Чернышевского, Салтыков-Щедрин нарисовал впечатляющую картину русской жизни конца 40-х — начала 50-х годов с небывалой до той поры широтой охвата — от провинциальной губернской гостинной до избы и острога. Перед нами проходят образы «живоготов», беспринципных и тупых «озорников», чиновников, истребляющих «талантливых натур», хищников-купцов, многострадальных «странников» и проезжих из народа. С беспощадной правдой писателя-реалиста Щедрин изобразил на страницах книги изнанку императорской России.

«Губернские очерки» не только восстановили в русской литературе гоголевские традиции, но и придали им новую социальную остроту. И, наряду с этим, уже в этом произведении ярко сказались такие черты мировоззрения Салтыкова-Щедрина, как преданность народу и глубокая вера в его неисчерпаемые силы. Именно на эту сторону обратил внимание Н. А. Добролюбов, когда писал: «...он любит этот народ, он видит много добрых, благородных, хотя и неразвитых и неверно направленных инстинктов в этих смиренных простодушных тружениках. Их-то защищает он от разного рода талантливых натур и бесталанных скромников, к ним-то относится без всякого отрицания»¹. Революционно-демократического критика привлекло то, что в «Губернских очерках» «...великолепен контраст между ...свежими чувствами простолюдинов и надменной пустотой генеральши Дарьи Михайловны или гадостным фанфаронством откупщика Хрептюгина»².

Неизменно следуя принципам «мужицкого демократизма», М. Е. Салтыков-Щедрин в конце 50-х — начале 60-х годов, в самую напряженную эпоху русской жизни второй половины прошлого века, становится одним из основных сотрудников «Современника», а с 1862 года входит в редакцию этого журнала. Кардинальным вопросом того времени был крестьянский вопрос. Освобождение крестьянства от крепостной зависимости «с землей или без земли» — предмет напряженных споров в самых различных кругах русского общества того времени.

Пресловутую реформу 1861 года Салтыков, вслед за Чернышевским, воспринял как половинчатую, которая ничего хорошего крестьянским массам России дать не могла. К этому времени относится создание писателем знаменитого цикла «Невинные рассказы» («Миша и Ваня», «Развешенное житье»), в котором он со всей категоричностью разделял думы и чаяния рус-

¹ М. Е. Салтыков. Полн. собр. соч., т. 7, с. 467.

¹ Н. А. Добролюбов. Полн. собр. соч. М., 1935, т. 1, с. 200.

² Там же, с. 200.

крепощенного крестьянства. Он приходит к принципиальному умозаключению о необходимости революционного преобразования жизни.

Еще накануне реформы 1861 года Салтыков в очерке «Литераторы-обыватели» пригвоздил к позорному столбу глуповцев — по имени впервые появившегося в творчестве писателя города Глупова. Все глуповцы и сидоричи предстают перед нами как заправские хищники, которые сначала «забавлялись медвежьими травлями и петушиными боями, но постепенно это зрелище (им) надоело... Место медведей и петухов заступили Иванушки». Именно судьба «Иванушек», олицетворяющих собою широкие трудящиеся массы России, прежде всего и больше всего интересовала великого писателя.

Сатирическое мастерство Салтыкова-Щедрина заметно росло по мере сближения его с революционной демократией России. Наглядным выражением этого процесса явилось поистине непревзойденное развенчание писателем двоедущия либерализма. В рассказе «На заре ты ее не буди» изображаются дворянские выборы, на которых представлены две конкурирующие между собою партии: крепостников, так называемых «крепкоголовых», и либералов, которые выдавали себя за «красных». «В первой, — иронически замечает автор, — господствуют старцы и те молодые люди, о которых говорят, что они со старыми стары, а с молодыми — молоды; во второй бушует молодежь, к которой пристало несколько живчиков из стариков. Консерваторы говорят: «Шестуй вперед, но по временам мужайся и отдыхай!» «Красные возражают: «Отдыхай, но по временам мужайся и шестуй вперед! Разногласие, очевидно, не всегда глубоко». Свою ненависть к либерализму, который всегда в конечном счете проявляется «применительно к подлости» писатель сохранил до конца своих дней. Русская классическая литература XIX века не знает более непримиримого врага либерализма, чем Салтыков-Щедрин.

Расцвет сатирического гения Салтыкова-Щедрина падает на семидесятые—восемьдесятые годы, последние Годы жизни и деятельности писателя. В 1866 году после незначительного перерыва, который был вызван тем, что правительство и цензура закрыли «Современник», Салтыков возвращается в литературу. Совместно с Н. А. Некрасовым он начинает сотрудничать в обновленных «Отечественных Записках», продолжавших лучшие традиции «Современника». Именно здесь публикуются наиболее значительные произведения писателя, которые подняли его до уровня таких величайших мастеров сатиры, как Свифт и Рабле, представляющих собою английскую и французскую литературы. Свообразие сатиры Салтыкова-Щедрина заключается, прежде всего, в том, что она всегда была

тесным образом связана с актуальными вопросами современности. Художественная сатира его наносила сокрушительные удары по самодержавной царской реакции, крепостничеству, породила убийственные по силе обобщения типические образы. При этом важно заметить, что Салтыков-Щедрин никогда не ограничивался критикой лишь отдельных проявлений реакции, а обрушивался на всю систему самодержавия.

В этом смысле особый интерес представляет «История одного города». Здесь мы обнаруживаем сатирические приемы шаржа, гиперболы и сказочную фантастику, что в совокупности своей убедительно подчеркивает реализм писателя. Так в этом смысле характерен, например, фантастический органчик в голове Бурдастова, Который играет лишь два Мотива — «Не потерплю!» И «Разорю!». Ему импонируют гротескный автоматизм Угрюм-Бурчеева, предававший все огню и мечу, и Перехват-Залихватского, «упразднившего науки». С помощью этих образов Салтыков помогал современникам выявлять наиболее отвратительные стороны реакционного царского строя. Обобщающая сила и типизация этих образов настолько значительны, что они пережили свою эпоху и в наши дни помогают разоблачать недобитых фашистских мракобесов. Разве банда Пиночета, бесчинствующая в Чили, или протестантские экстремисты Ольстера чем-нибудь отличаются от разоблаченных Салтыковым человеко-навистников? В борьбе с ними Салтыков-Щедрин наш современник.

Сила Щедрина как писателя-демократа и гражданина, в том, что всей своей деятельностью, он объективно выступал не только как страстный обличитель кошмаров и ужасов самодержавной России, но и как горячий поборник крестьянской революции, составлявшей смысл жизни и борьбы революционных демократов шестидесятых—семидесятых годов прошлого века. Его выступления против «помпадурства» и угрюм-бурчеевщины настоятельно звали лучшие умы России К сопротивлению.

М. Е. Салтыков-Щедрин пригвоздил к позорному столбу истории не только дворянство, но и буржуазию. Он явно ощущал наступление «чумаза», в образе которого он увидел новых незадачливых хозяев России, шедших на смену крепостникам. Подобно тому, как в образах Головлевых и, прежде всего, Иудушки Головлева, Салтыков показал не только моральное, но и физическое вырождение дворянства, так в образах Дерунова («Благонамеренные речи»), Разуваева и Колупаева («Убежище Монрепо») перед нами выступает новый тип хищника-живоглота — молодой по возрасту, но уже непомерно алчный российский буржуа. Все они квалифицируются писателем, как «паразиты, хотя бы и высшей школы», органически враждебные народу, чуждые идеям патриотизма и гуманизма. «Знает ли он, — с гневом и возмущением спрашивал сатирик, — что такое отечество? Слышал ли он, когда-нибудь это

слово? Разуваев думает, что это падаль, брошенная на расклевание ему и прочим кровопийственным дел мастерам».

Капиталистическое хищничество получило законченное художественное осмысление в образе Чумазого. «Идет Чумазый! Идет и на вопрос, что есть истина, твердо и неукоснительно отвечает: «распивочно и на вынос!» Чумазый по природе своей, — наглый и хищный, цепкий и алчный. Ему органически чужды любые проявления человечности. Он не знает ни морали, ни чести, ни правды, и ни добра, ни свободы для других, у него нет отечества и родины. Все эти сокровенные стороны гуманности и чистоты души человеческой ему абсолютно неприемлемы. Главное для него — грош и неутолимая алчность. М. Е. Салтыков-Щедрин с горечью констатировал: «Чумазый будет держаться за свое торжество упорно, за это ручаются его откровенно нахальные замашки и самоуверенная бессовестность». Однако писатель не заметил, что в недрах капиталистического общества возникало и нечто новое — рождался рабочий класс, которому в союзе с трудовыми массами крестьянства и предстояло обновить Россию в огне и буре социальной революции. В этом следует усматривать известную историческую ограниченность мировоззрения великого писателя.

В многогранном наследии М. Е. Салтыкова-Щедрина особое место занимает сатирический цикл — «За рубежом» (1881). Об этом цикле меньше всего говорится в литературе о Щедрине. Между тем, как нам представляется, он заслуживает особого внимания. Из биографии писателя известно, что ему приходилось в последние годы жизни лечиться во Франции и Германии. Он жил в Париже и Ницце, Берлине и Баден-Бадене. Здесь он пристально изучал западноевропейскую жизнь, хотя и тогда минуты в его жизни не было, когда сердце его «не рвалось бы к России».

Салтыков-Щедрин не мог своим орлиным взором художника и гражданина не видеть господства во Франции и Германии семидесятых годов разнузданной и наглой реакции, торжества дикого пруссачества, возмутительных действий милитаристов и солдафонов Европы. Заграничные наблюдения писателя блестяще отражены в анализируемом цикле. Сатира его здесь поднимается на значительную высоту таких типических обобщений, которые не только выдержали испытание временем, но и не потеряли своей остроты и сегодня.

Поистине бессмертные памфлетные страницы книги «За рубежом» блистательно разоблачают французских буржуазных плутократов, которые потопили в крови Парижскую коммуну, создали пресловутую «республику без республиканцев, с сытыми буржуа во главе, в тылу и во флангах... без идеалов, без страстной идеи», которым «ни героизм, ни идеалы не под силу».

Щедринское разоблачение реакционной политики конквистадоров капитала во Франции того времени получило высокую оценку В. И. Ленина. «Щедрин классически высмеял когда-то Францию, расстрелявшую коммунаров, — писал Ленин, — Францию пресмыкающихся перед русскими тиранами банкиров, как республику без республиканцев»¹.

Однако этим не исчерпывается содержание сатирического цикла, прозвучавшего как своеобразный обвинительный акт, направленный против утвердившихся буржуазных порядков в Европе. Слово предвосхищая страшные страницы гитлеровской Германии, Салтыков-Щедрин уже тогда решительно осудил наблюдавшееся им в Германии «наглое самомнение», «ничем не оправданную претензию на вселенское господство и офицерское самодовольство».

Среди многих ярких страниц цикла «За рубежом» особый интерес представляет сатирический диалог «Мальчик в штанах и мальчик без штанов». Щедрин с потрясающей силой развенчал германский милитаризм начала восьмидесятых годов прошлого столетия, хищнические стремления его апологетов проникнуть в Россию под маской «цивилизаторов». Не случайно, что в годы Великой Отечественной войны в борьбе с германским фашизмом произведения Салтыкова-Щедрина служили вдохновляющей силой.

В наши дни растущей разрядки напряженности, реализации Программы мира, принятой XXIV съездом нашей партии, еще не перевелись, однако, адепты «холодной войны». Это они — престарелый мракобес американский профбосс Джордж Мини и неумный сенатор поборник антикоммунизма Генри Джексон и подобные им клеветы военно-промышленного комплекса — пытаются задержать бег времени. Они не хотят считаться с тем фактом, что разрядка напряженности нужна, как воздух, всем людям нашей планеты. Совершенно очевидно, что в борьбе с носителями империалистической реакции, в интересах материализации исторических решений Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, состоявшегося в июльские дни 1975 года в Хельсинки, в борьбе со всеми и всяческими мини, Штраусами и спинолами сатира великого русского писателя — наше боевое, говоря словами В. Маяковского, «старое, но грозное оружие».

Смысл своей деятельности Салтыков видел в том, «чтобы пролить луч света на всякого рода нравственные и умственные неурядицы», «чтобы освежить всякого рода духоты веянием идеала». И действительно, сила Щедрина была не только в беспощадной критике им «свинцовых мерзостей русской жизни» и их носителей. Сила ве-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 14, с. 237.

ликого писателя выражается и в пламенных призывах его стремиться к осуществлению идеалов будущего. Сквозь мрачные видения кошмаров и ужасов настоящего он стремился провидеть устроителей грядущих исторических судеб, хотя еще смутно представлял себе, и не мог иначе представлять в условиях тогдашней отсталой России, как будет реализован этот идеал будущего.

Писатель страстно призывал своих современников: «Не погрязайте в подробностях настоящего... Но воспитывайте в себе идеалы будущего; ибо это своего рода солнечные лучи, без оживотворяющего действия которых земной шар превратился бы в камень»¹.

Сочинения Салтыкова-Щедрина овеяны верой в лучшее будущее родной страны и ее народа, в лучшее будущее всего человечества. Вспомним для примера замечательный диалог «дедушки» и «внучки» в рассказе «Дворянская хандра». Дедушка, восьмидесятилетний старец, озирая прошлое, видит лишь «плюхи да плюхи, на каждом шагу плюхи». Он не сомневается в том, что «заря на востоке сейчас потухнет, а затем начнется ночь... и навсегда». Полемизируя с ним, внучка, совсем еще молодая девушка, вопреки пессимистическому настрою своего деда, упрямо твердит: «Нет дедушка, этого не будет... Заря опять придет и не только заря, но и солнце... Есть добрые, не падающие духом! Есть! И они увидят Солнце, увидят, увидят»².

Глубокая вера писателя в торжество лучших времен нашла свое выражение и в сказке «Пропала совесть». Это именно она, на первый взгляд, никому ненужная, всеми проклинаемая совесть обратилась к какому-то незадачливому «мещанинишке» с просьбой «растворить» перед нею «сердце чистое маленькое русского дитяти» и схоронить ее в нем». По этому ее слову, все так и сделалось. Отыскал мещанинишка маленькое русское дитя, растворил его сердце чистое и схоронил в нем совесть. Растет маленькое дитя, а вместе с ним растет в нем и совесть. И будет маленькое дитя большим человеком, и будет в нем большая совесть, и исчезнут тогда все неправды, коварства и насилия, потому что совесть будет не робкая и захочет распоряжаться всем сама»³. Сокровенный смысл этого щедринского провидения очевиден. Писатель выражает глубочайшую уверенность в том, что и в самом народе русском, вопреки всем тягостям жизни, не угасла вера в лучшие времена, в неотвратимость их торжества.

Примечательно, что в последние тревожные дни своей жизни, когда тяжелые не-

дуги одолевали писателя, он не впадал в безысходное пессимистическое уныние. Напротив, в своей «Пошехонской старине» — этой лебединой песне своего почти полувекового творчества, он с уверенностью непреодолимой твердил о грядущих радостных переменах в жизни народа. «Он (т. е. народ. — С. Ю.) верит, что в мире есть нечто высшее, нежели дикий произвол, которому он от рождения отдан в жертву... что есть в мире Правда и что в недрах ее кроется Чудо, которое придет к нему на помощь и изведет его из тьмы... Пускай вериги рабства с каждым часом все глубже и глубже впиваются в его изможденное тело — он верит, что злостястье его не бессрочно, что наступит минута, когда Правда осияет его!.. Да, колдовство рухнет, цепи рабства падут, явится свет, которого не победит тьма». Говоря о великом Чуде, которое должно окончательно и навсегда ликвидировать чумазных и мироедов, М. Е. Салтыков-Щедрин, конечно, имел в виду социальную революцию, хотя говорить об этом откровенно «во весь голос» он не мог. Однако в совершенстве владея эзоповым языком, великий писатель и в последнем своем творении утверждал в сознании читателя трудного своего времени, что «...борьба настоящего неизбежно откликнется в тех глубинах, в которых таятся будущие судьбы человечества, и заронит в них плодотворное семя. Не все лучи света погибнут в перипетиях борьбы, но часть их прорежет мрак и даст исходную точку для грядущего обновления. Эта мысль заставляет усиленнее биться сердца поборников правды и укрепляет силы, необходимые для совершения подвига»¹.

Чудо, о котором писал Салтыков, воплотилось в живую действительность победоносной социалистической революции в нашей стране, в героической борьбе советского народа, ознаменовавшейся полной и окончательной победой социализма. Мечты Салтыкова стали живой, ощутимой явью наших дней.

Не случайно классики марксизма-ленинизма видели в нем своего страстного соратника в борьбе за торжество Правды и Свободы. Известно, что основоположники научного коммунизма К. Маркс и Ф. Энгельс по произведениям Щедрина изучали Россию и русский народ. Согласно воспоминаниям Поля Лафарга, Салтыков был одним из любимых русских писателей Маркса. Такие шедевры сатирического гения писателя, как «Господа-ташкентцы», «Убежище Монрепо», «Дневник провинциала в Петербурге», «За рубежом» были предметом пристального изучения К. Маркса. И хотя он и обнаруживал известные слабости в мировоззрении Салтыкова, но его всегда подкупала в нем принципиальная непримиримость к господствующим классам — живоглотам и всякого рода

¹ Н. Щедрин (М. Е. Салтыков). Собр. соч., М., «Правда», 1951, т. 12, с. 69.

² М. Е. Салтыков (Н. Щедрин). Л., 1936, т. XIII, с. 481—482.

³ Н. Щедрин (М. Е. Салтыков). М., «Правда», 1951, т. 10, с. 293.

¹ Н. Щедрин (М. Е. Салтыков). Собр. соч., М., «Правда», 1951, т. 12, с. 73.

узурпаторам, а также страстность обличения и революционный демократизм¹.

Особый интерес представляет ленинская оценка творчества М. Е. Салтыкова-Щедрина. Воинствующая ненависть писателя к самодержавию, его искренняя испепеляющая неприязнь к поработителям народа, острое политическое чутье в оценке сложных современных ему общественных явлений, наконец, поразительная способность распознавать под напомаженной внешностью лицемерных фраз подлинное лицо предателей интересов народа — именно этими сторонами своего творчества он и привлекал к себе пристальное внимание великого Ленина. Есть все основания утверждать, что из многих классиков русской и мировой литературы именно Салтыков-Щедрин на протяжении всей многогранной деятельности В. И. Ленина — мыслителя и вождя пролетарской революции, основателя первого в мире государства рабочих и крестьян — был одним из самых политически и идейно близких ему художников слова. Полное собрание сочинений Ленина наглядно иллюстрирует многообразное использование им литературного наследия Щедрина. В своих трудах Владимир Ильич цитирует почти все сочинения Салтыкова, начиная от «Губернских очерков» и кончая «Сказками», «Мелочами жизни» и другими его сатирическими циклами. При этом весьма характерны точность воспроизведения щедринских афоризмов, цитат, выражений и словечек не только широко известных, но и таких менее распространенных, как «спапашились», упоминание о таком типе, как граф Твердооно и т. д. Все это убедительно доказывает, как глубоко и всесторонне В. И. Ленин изучал творчество великого писателя. Его привлекала в нем удивительная способность срывать все и всяческие маски с носителей всей системы самодержавного строя, а затем полукрепостнической и полубуржуазной России — российского помпадурства и угрюм-бурчевщины. И поскольку все эти явления и их речедивы имели место и в жизни России девятых и девятисотых годов, вплоть до победы Великого Октября, постольку Ленин считал возможным и необходимым в борьбе с устоями реакционной действительности и носителям ее использовать творчество Салтыкова-Щедрина.

Своеобразной обобщающей ленинской оценкой последнего могут служить следующие строки из статьи В. И. Ленина «Памяти графа Гейдена», посвященной разоблачению крепостнических тенденций либерального дворянства в первом десятилетии XX века: «Еще Некрасов и Салтыков,— подчеркнул Ленин в 1907 году,— учили русское общество различать под приглаженной и напомаженной внешностью

образованности крепостника-помещика его хищные интересы, учили ненавидеть лицемерие и бездушие подобных типов, а современный российский интеллигент, мнящий себя хранителем демократического наследия, принадлежащий к кадетской партии или к кадетским подголоскам, учит народ хамству и восторгается своим беспристрастием беспартийного демократа»¹.

Особое значение Ленин придавал щедринской оценке буржуазного либерализма, политическую деятельность которого М. Е. Салтыков характеризует как «курлыканье каплунов», или как «сидение между двумя стульями», как «висение на весу», или, наконец, пресловутой формулой: «С одной стороны нельзя не сознаться, с другой стороны надо признаться», по сути дела это означает «чего изволите».

В. И. Ленин высоко ценил щедринскую сказку «Либерал», которую широко использовал уже в первой своей классической работе «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов». Ленин категорически отрицал клеветное обвинение в адрес Щедрина якобы в склонности его к либерализму. Напротив, именно в нем он видел своего боевого соратника в борьбе с этим отвратительным явлением политической жизни.

В. И. Ленин постоянно обращался к художественным образам Салтыкова с целью углубить, уточнить характеристику того или иного общественного деятеля, политического лица, своевременно разоблачить противника рабочего класса, трудящихся масс крестьянства, врагов марксизма. Более того, литературные образы Щедрина — все эти иудушки и балалайкины, мешанские нарциссы и угрюм-бурчевы, тряпичники и твердооно — в текстах Ленина как бы обретают новую жизнь. Весьма примечательна в этом смысле ленинская трактовка Иудушки Головлева. Этот мировой литературный тип, выступающий как непревзойденное воплощение ханжи и лицемера, в ленинской интерпретации проявляет себя как опасный враг, искусно прячущий под маской лицемера громких и красивых речей лицо врага трудящихся, предателя интересов народа. Можно было бы много рассказывать о ленинском использовании этого образа в борьбе с многочисленными врагами нашей партии и социалистической революции. Напомним, что еще в 1911 году Владимир Ильич в борьбе за создание большевистской партии — партии нового типа, которая выступает ныне, как «ум, честь и совесть нашей эпохи» — в трудные годы, предшествовавшие Октябрьской революции, с негодованием обрушивался на меньшевиков и эсеров, в особенности на врага пролетарской революции Троцкого за его типично иудушкины приемы предательства интересов рабочего класса. «Иудушка — Троцкий, — подчеркивал Ленин, — распылился на пленуме

¹ Мысли К. Маркса о творчестве Салтыкова отражены в работе Б. Николаевского «Русские книги в библиотеке Маркса». Архив Маркса и Энгельса. Госиздат, 1929, с. 393.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 16, с. 43.

против ликвидаторства и отзовизма, клялся и божился, что он партиен»¹, а на деле был врагом большевизма.

Щедринский лексикон: «препоны», «обуздание», «благоглупости», «трезвонные слова», «утробный процесс», «не столько сражающимся, сколько сражаемым», «языкоблудие» и т. д. — широко, использовал Ленин не только в своих работах, но и в речах, в многочисленных выступлениях перед трудящимися. С помощью Щедрина, его обобщающих образов и непреодолимого сатиризма Владимир Ильич избличал скрытых и явных противников революционного обновления России и всей нашей планеты, предателей великого дела строительства социалистического общества, утверждения на земле того, что Маркс и Энгельс называли прозрачными отношениями между людьми. В лице М. Е. Салтыкова-Щедрина Ленин всегда видел боевого соратника, творчество которого может содействовать реализации исторических задач в деле преобразования мира. Учитывая это обстоятельство, Ленин еще 8/IX 1912 года в письме из Кракова писал редакции газеты «Правда»: «Хорошо бы вообще от времени до времени вспоминать, цитировать и растолковывать в «Правде» Щедрина и других писателей «старой» народнической демократии»².

1 Ленинский сборник, XXI, с. 303.

2 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 48, с. 89.

Нам представляется, что эта ленинская рекомендация не потеряла своего смысла и сегодня. Щедрин не умер и для наших дней. В борьбе с пережитками прошлого сатира Щедрин может и должна быть всемерно использована.

Советская литература продолжает славные традиции великого писателя. Творчество Демьяна Бедного и В. Маяковского, И. Ильфа и Е. Петрова, произведения Л. Ленча и других с щедринским пристрастием развенчивали головотяпов и бюрократов, хапуг и живоготов, прекраснотушных обывателей и бездельников, тунеядцев и антисоветчиков — всех и всяческих отщепенцев. В условиях современной острой идеологической борьбы между силами коммунизма и антикоммунизма, силами прогресса и реакции М. Е. Салтыков-Щедрин остается нашим боевым и верным соратником. Нельзя забывать, что в нашей стране еще не перевелись до конца пенкосниматели и «премудрые пескари», балалайкины и подхалимовы. И борьба с ними во имя торжества коммунистического строя необходима. В борьбе с пережитками прошлого сатира Щедрин это не только воспоминание о прошлом, но и острое оружие в деле полного и окончательного преодоления всех и всяческих негативных традиций мертвых поколений.

А. ТАТУЙКО

ЛИТЕРАТУРНОЕ ЗАБАЙКАЛЬЕ

Забайкалье — самобытный и по-своему прекрасный край, раскинувшийся от Прибайкалья до Амурской области, от Китая и Монголии до Якутии. Чуть ли не целая Франция могла бы разместиться на его просторах. Известны богатства его недр. Разнообразна природа — степи и сопки, бескрайние таежные дали... В суровом величии края есть что-то богатырское. Хорошо сказал о нем поэт-забайкалец Н. Савостин:

Сто километров — не расстояние,
Сорок градусов — не мороз,
Только солнца да снега сияние
Ослепительное до слез.

В настоящей статье рассматриваются произведения писателей-забайкальцев, вышедшие в последние три-четыре года отдельными изданиями: *В. Баябин*. Комса. Повесть. Иркутск, Вост.-Сиб. кн. изд., 1973; *В. Баябин*. Забайкальцы. Роман. М., «Сов. писатель», 1974; *Г. Граубин*. Разноцветная роса. Стихи. Иркутск, Вост.-Сиб. кн. изд., 1973; *Г. Донец*. Алданцы. Роман. Новосибирск, Зап.-Сиб. кн. изд., 1973; *А. Жамбалон*. Степная музыка. Стихи. Иркутск, Вост.-Сиб. кн. изд., 1974; *С. Зарубин*. Я люблю тебя, Мария! Повесть. Иркутск, Вост.-Сиб. кн. изд., 1975; *Г. Кобяков*. Лирическая тетрадь. Иркутск, Вост.-Сиб. кн. изд., 1973; *Г. Кобяков*. Обелиски. Иркутск, Вост.-Сиб. кн. изд., 1974; *Н. Кузаков*. Любовь шаманки. Роман. М., «Современник», 1975; *В. Лавринайтис*. Рабочая серенада. Роман. Иркутск, Вост.-Сиб. кн. изд., 1974; *В. Ляхницкий*. Легенды и были. Рассказы. Иркутск, Вост.-Сиб. кн. изд., 1972; *В. Никонов*. Приключения сохатенка. Повесть. Иркутск, Вост.-Сиб. кн. изд., 1973; *В. Озолин*. Чайки над городом. Стихи. Иркутск, Вост.-Сиб. кн. изд., 1975; Тайга — твой дом. Очерки и рассказы. Иркутск, Вост.-Сиб. кн. изд., 1973; *Р. Филиппов*. Выбор. Стихи. М., «Современник», 1974; *Р. Филиппов*. Сибирские ямбы. Главы из поэмы. В газете «Забайкальский рабочий» за 6 ноября 1974 года и 16 февраля 1975 года; *Н. Яньков*. Солонец. Рассказы. Иркутск, Вост.-Сиб. кн. изд., 1974; *Н. Яценко*. Северная точка. Документальная повесть. Иркутск, Вост.-Сиб. кн. изд., 1974.

Ссылки на названные произведения даются в тексте статьи с указанием в скобках страницы цитируемой книги.

Не объедешь просторы таежные,
Не измеришь в озерах дна.
Ах таежная,
Бездорожная,
Богатырская сторона!

Богата история края, в котором побывали представители всех поколений русских революционеров — декабристы, петрашевцы, революционеры-демократы, большевики.

Однако литературное освещение Забайкалья в прошлом получало лишь в творчестве отдельных писателей. Октябрьская революция создала благоприятные условия для развития литературных талантов на местах. Особенно интенсивно процесс расширения «географии» литературы начался в послевоенные годы, когда, как отмечалось на II Всесоюзном съезде писателей СССР, «большой размах работы русских прозаиков в краях, областях и республиках» составил «важную черту послевоенной прозы»¹. В этой связи в ряду других значительных произведений советской прозы на съезде были названы книги писателей-сибиряков и дальневосточников: «Даурия» К. Седых (Чита), «Хребты саянские» С. Сартакова (Красноярск), «Быстроногий олень» Н. Шундика (Хабаровск), «Строговый» Г. Маркова (Иркутск), «Великое кочевье» А. Коптелова (Новосибирск), «Северные рассказы» С. Залыгина (Омск).

Сибиряки и дальневосточники входили в большую литературу главным образом на освоении историко-революционной тематики, поднимая новые пласты действительности, талантливо показывая на «местном» материале глубинные процессы, связанные с революционным пробуждением широких народных масс России.

Сегодня крупнейшим писателем Забайкалья, разрабатывающим историко-революционную тему, является В. И. Баябин. Недавний выход в свет всех трех книг его романа «Забайкальцы», изданных вместе, стал событием в культурной жизни края.

Роман «Забайкальцы» убеждает нас в том, что эпоха революции и гражданской войны даже в пределах одного края была богатой и многообразной. Взяв время, уже освещенное К. Седых («Даурия»),

¹ Второй всесоюзный съезд советских писателей. 15—26 декабря 1954. Стенографический отчет. М., «Сов. писатель», 1956. с. 84.

И. Черневым («Мой великий брат») и другими писателями, В. Баялин сумел не повторить своих предшественников.

Роман строится примерно так же, как и многие другие романы, охватывающие период с мировой войны до гражданской. События начинаются в небольшом казачьем селе, затем охват жизни расширяется. С началом мировой войны персонажи оказываются захваченными событиями общероссийского масштаба. Главный герой, находясь в центре многих событий, формируется как новый человек, сознательный творец истории. Такая композиция, ставшая традиционной для многих советских романов об эпохе революции и гражданской войны, не является литературным штампом. Она в самых общих своих чертах обусловлена изображаемой в романах эпохой, когда в водоворот исторической жизни вовлекались рядовые люди, становясь свидетелями и участниками больших исторических событий. И в самых общих чертах их судьбы оказывались однотипными: движимые ненавистью к старому миру, они в ходе борьбы обретали идейную четкость, становились активными и сознательными борцами за новую жизнь.

Таким центральным героем романа «Забайкалец» является рядовой казак забайкалец Егор Ушаков.

Казачество, как известно, было в царской России привилегированным сословием. В казачестве царизм видел не только военную силу для защиты империи от внешних врагов, но и силу, пригодную для подавления внутренних «беспорядков». Поэтому в казачестве воспитывалось пренебрежительное отношение к крестьянству и рабочим. А между тем неумолимые законы классового расслоения разделяли и казачество, разделяя его на богатых и бедных. Но осложненность сознания казаков сословными предрассудками затрудняла путь трудового казачества к революции. Это с огромной художественной силой показано автором «Тихого Дона».

При всей схожести с казачеством других областей России — Дона, Кубани и т. д. — забайкальское казачество находилось в несколько иных условиях. Здесь не было такого резкого водораздела между казаками и иногородними, какой был, например, на Дону. Не было потому, что казачество здесь образовалось сравнительно недавно, а также в силу ряда других причин.

Коренной забайкалец, выходец из бедной казачьей семьи, В. Баялин прекрасно знает быт забайкальского казачества и ярко, образно живописует его, показывая уже в первой книге усилившееся в казачестве классовое расслоение.

Уже первая книга «Забайкальцев» свидетельствовала о том, что ее автор принадлежит к тем писателям-реалистам, которые обходятся без приемов литературной условности. Вторая и третья книги подтвердили это. Пластически четкие, колоритные образы персонажей, их самобытные харак-

теры, язык, сочный народный юмор, хорошо написанные картины забайкальской природы — все это вызывает интерес к произведению В. Баялина не только в Забайкалье, но и далеко за его пределами.

Но вторая и третья книги, повествующие о жизни Забайкалья в годы с 1914 по 1919-й, существенно отличаются от первой, в которой рассказывалось о жизни Забайкалья мирных лет. Новый жизненный материал обусловил и новую жанрово-композиционную структуру. Из социально-бытового роман превращается в широкое художественно-историческое полотно. Рядовые казаки оказываются втянутыми в бурный водоворот больших исторических событий. Появляются исторические герои — Сергей Лазо, Фрол Баялин, Георгий Богомяжков, Дмитрий Шилов, Федор Погадаев и другие.

Новым и принципиально важным, по сравнению с «Даурией» К. Седых, является в романе главы, показывающие забайкальцев на русско-германском фронте. Они существенно обогащают наше представление о процессах революционизации забайкальцев-фронтовиков на почве их недовольства чуждой интересам народа войной. Таким образом более наглядно и убедительно выступает в романе мысль об общности судеб забайкальского казачества с судьбами всего русского народа.

Принципиально важным является введение В. Баялиным в художественную литературу о казачестве факта, насколько мне известно, еще не освещавшегося ею. Речь идет об общеказачьем фронтовом съезде, проходившем с середины октября до середины ноября 1917 года сначала в Киеве, затем в Новочеркасске. Съезд был созван контрреволюционной казачьей верхушкой с целью отозвать с русско-германского фронта все казаки войска на Дон и Кубань, создать из них мощный боевой кулак и, ударив по Москве, раздавить пролетарскую революцию. В. Баялин нашел интересные материалы об этом съезде. Оказывается, на нем присутствовало 26 делегатов от забайкальского фронтового казачества. Из них двое — прапорщики Проконий Поздеев и Гавриил Аксенов (впоследствии командиры Красной Армии) возглавили оппозицию руководству съезда. Забайкальцев поддержало большинство делегатов и в знак протеста против линии руководства, вслед за П. Поздеевым, покинуло съезд, после чего съезд был закрыт.

Во второй и третьей книгах вводится много интересного материала, связанного с образом Фрола Баялина и других исторических лиц, а также с деятельностью представителей США в Забайкалье.

Третья книга завершается потрясающей своим драматизмом картиной массового расстрела узников «поезда смерти» — 1600 человек, схваченных семеновскими палачами. Написанная с большой художественной силой, эта картина звучит вечным проклятием палачам революции. Но этот жуткий финал не заслоняет того факта, что гос-

подставу реакции начинает приходить конец. С весны 1919 года разворачивается, набирает силы гражданская война в Восточном Забайкалье. Писатель показывает, как, преодолевая стихийщину, она обретает формы организованной борьбы, крепнет. В ходе борьбы формируются талантливые командиры из народа, крепнет революционная сознательность масс.

В. Баябин пришел в литературу от богатства жизненного опыта. Участник гражданской войны, он после ее окончания устанавливал в родном селе новую жизнь, организовал и возглавил первую комсомольскую ячейку, участвовал в теротрядах, охранявших границу от недобитых банд, укравшихся на правом берегу Аргуни и совершавших оттуда набеги.

Обо всем этом и рассказывает он в новой своей книге — повести «Комса». Рассказывает просто, увлекательно, оживляя для современного читателя героинку буден первой комсомолки Забайкалья.

События, изображаемые в повести, ограничиваются 1922—1923 годами, годами острой экономической и политической борьбы в деревне. Но общее в искусстве всегда выступает в облике конкретного. А конкретные штрихи жизни забайкальского села, выражаемые через детали быта, нравы, обычаи, язык всегда были сильной стороной творчества В. Баябина.

Первая комсомолка изображается им любовно. Центральный герой повести Николай Дубровин раскрывается в кипучей организаторской работе. Он несет в себе лучшее, что было рождено в молодежи революцией: сознание ответственности, пламенный энтузиазм, уверенность в победе новых форм жизни. Для него личное и общественное слилось в одно целое. Он не мыслит своего личного счастья без борьбы.

Однако в стремлении создать характер сильный, цельный писатель иногда идет по линии наименьшего сопротивления. Николай любит девушку. Он хочет ее, воспитанную на старых традициях, втянуть в общественную жизнь, приобщить к делам комсомолки. Можно понять замысел автора. Он хотел показать черту, чрезвычайно важную, присущую комсомолки начала 20-х годов — нерасторжимость личного и общественного. Но в воплощении замысла автор допускает упрощение.

Сейчас писатель закончил четвертую книгу «Забайкальцев», которая покажет кульминацию гражданской войны в Забайкалье и победу.

Грозные годы Великой Отечественной войны получили свое отражение в книгах Г. Кобякова «Лирическая тетрадь» и «Обелиски», а также в повести С. Зарубина «Я люблю тебя, Мария!» — книгах разных и по жанру, и по материалу, во многом обусловленному личным жизненным опытом авторов.

«Лирическую тетрадь» Г. Кобякова трудно отнести к какому-то определенному жанру. Это — написанные от первого ли-

ца беллетризованные воспоминания и раздумья современника о времени и о себе, о поколении мальчишек и девочек, детство которых совпало с коллективизацией и довоенными пятилетками, а юность — с войной.

В главном герое — Егоре — легко угадываются черты биографии самого автора — человека доброго и остро чувствующего прошлое. В «Лирической тетради» нет «громких» слов о подвигах, о героизме, дружбе, нет пафосных деклараций. Для книги Г. Кобякова характерен сдержанный лиризм. А избранная автором форма свободной композиции (переключения повествования из настоящего в прошлое и наоборот) позволяет ему сближать день нынешний и день минувший, судить о делах своего поколения глазами нашего современника.

Книга Г. Кобякова дает читателю возможность ощутить ход времени, почувствовать атмосферу предвоенных лет, которая пронизывала собою тогдашнюю жизнь страны, и глухой сибирской деревушки, понять тех мальчишек и девочек, которые в 1938 году требовали отправки в Испанию, а вскоре, едва окончив школу, шагнули в пламя Великой Отечественной войны. Идеалы подростков предвоенных лет, сформулированные с трогательной прямолинейностью одним из героев книги — Володей Курцем в его «Раздумьях о жизни», и сегодня невозможно читать без душевного трепета. И глубоко символично, что автор-рассказчик, приехав в деревню своего детства, в родную школу, читает эти «Раздумья» сегодняшним юношам и девушкам как духовное завещание одного поколения другому.

В идее преемственности поколений отцов и детей, делающих одно дело, — в этой идее, выраженной задушевно, — и заключается обаятельность «Лирической тетради».

Эта же идея положена и в основу очерков и «невдуманных рассказов» Г. Кобякова, опубликованных в периодической прессе. Собранные вместе и дополненные записками, дневниками, письмами забайкальцев, они теперь составили книгу «Обелиски». Книга волнует, учит бережно относиться к памяти фронтовиков, приумножать славные дела отцов.

Вообще нужно сказать, что в последние годы читинскими писателями и журналистами сделано немало для разыскания документов о подвигах забайкальцев в годы войны, для установления имен погибших воинов-земляков. В первую очередь здесь следует сказать об огромной работе журналиста А. А. Алешкина. Собранные им документы составили волнующую книгу «Письма к живым». (Иркутск, 1973).

Вот уже много лет в жанре документальной повести о войне, работает С. Зарубин. И в основу его последней повести «Я люблю тебя, Мария!» положен подлинный факт, отраженный в архивных документах.

Повесть разошлась мгновенно. Для тех, кто еще не прочел ее, необходимо пояснение, без которого анализ произведения не возможен. Радисты всех стран знают, что существует волна, на которой нельзя передавать никаких сигналов, кроме сигнала бедствия. Лишь изредка прозвучит на ней SOS, возвещая миру о беде. Три минуты каждого полчаса радисты морских служб, оставив все дела, должны слушать эту волну. Должны были это делать и советские радисты в годы войны. И вдруг однажды, сразу же после капитуляции Японии, на этой волне без позывных, без адреса прозвучало: «Это ошибка, Мария! Ты слышишь меня? Это ошибка, я люблю тебя!» Фраза, услышанная многими радистами, породила самые различные предположения. Естественно было предположить, что на такое мог решиться человек только в самом крайнем случае. «Комсомольская правда» обратилась к своим читателям с просьбой сообщить в редакцию хоть что-нибудь, проливающее свет на этот факт. Но никто не откликнулся... Так этот случай вторжения любви на «волну смерти» оставался долгие годы непроясненным.

Читинскому писателю С. Зарубину удалось найти в Чите «виновников» этой истории — бывших радистов Сергея Ивановича Огонькова и его жену Марию.

Прямо скажем, случай исключительный и даже единственный в своем роде. С. Зарубину на редкость повезло. Он не только нашел героев. В его распоряжении оказались и дневник Огонькова, и архивные документы, связанные с этой историей. Да и сам писатель — в прошлом радист Тихоокеанского флота. Все это обещало повесть захватывающую.

Но повесть обманула надежды читателей. Обещанный интригующим заглавием и предисловием рассказ о большой любви на деле обернулся довольно скучным повествованием о службе Огонькова, разбавленным историей несостоявшейся любви старшины и контр-адмиральной дочки Нины Загребной. Эта растянувшаяся почти на всю повесть история не имеет никакого отношения к теме произведения. Главная героиня повести — Мария — появляется впервые лишь на 180-й странице книги.

У нас нет ни тени сомнения в том, что прототип героини — Манефа Поплутина (герой повести, а вслед за ним и автор называют ее: Мария) в жизни была действительно личностью незаурядной, яркой. Но в повести она предстает перед нами как личность заурядная, бесцветная. И вместо большой, красивой любви — излагается довольно банальная любовная история, с любовным «треугольником», подозрениями, капризами, размолвками. Героиня в понимании служебного долга любимого человека оказывается неспособной подняться выше обычной обывательницы.

В извлеченном из архива прокуратуры письме Манефы Поплутинной к Сергею Огонькову есть признание: «В своей Занятости мы так и не узнали друг друга». Но

это не может служить оправданием тому, что образ главной героини оказался в повести бледным, прииженным. Здесь-то и должна была на помощь скупому документу прийти творческая фантазия писателя.

Главным в повести является изображение будничной жизни небольшой группы военных радистов, деятельность Огонькова по сплочению ее в дружный и боеспособный коллектив, способный хорошо выполнять свое дело охраны восточных рубежей страны в военные годы. Эта тема известна читателям по многим книгам, в том числе и по повести самого С. Зарубина «На морском посту» (Чита, 1955). И вот для того, чтобы заинтриговать читателя, к повествованию «пришивается» вся эта история с Марией и дается интригующее название, не оправданное содержанием произведения.

Еще более интригующее, бывшее на сенсацию заглавие дает своему роману Н. Кузиков — «Любовь шаманки». В этом романе мотив любви, ведущее место которого в произведении подчеркнуто его заголовком, оказывается тоже наиболее слабо разработанным.

События, описанные в романе, происходят в первой половине 20-х годов в сибирской деревне, рядом с которой располагается стойбище эвенков. Девушка-шаманка Ятога, получившая шаманство и титул главы рода по наследству от умершего отца, любит русского парня — охотника Василия Воронова.

Образ Ятоги идеализирован. Это не тронутое пороками буржуазного общества, чистое, бесхитрое дитя природы. Повелительница рода, владелица множества оленей, она в то же время бесхитростна, неприхотлива, добра. Смелая и выносливая, она часто появляется в самые критические моменты. Дважды спасает Василия от смерти. Подслушивает важный разговор.

В крае идет жестокая борьба между представителями Советской власти и купцами, обманным путем Скупающими пушнину у эвенков. И эта борьба, фактически составляющая главное содержание романа, показана хорошо. Но Ятога оказывается вне ее. Она политически наивна, как младенец. Когда Василий пытается разъяснить ей смысл происходящих из-за пушнины столкновений, она признается: «С кем ты пойдешь, с теми и я пойду. С тобой рядом идти хочу» (84). Но путь этот изображается автором в явно облегченном свете. Любовь быстро и легко пробуждает в Ятоге сознание несправедливости того, что она богата в то время, когда ее сородичи эвенки бедны. Она отдает свое пятитысячное стадо оленей Советской власти, становится равноправной советской гражданкой и даже хочет вступить в комсомол. И все это без ведома совета рода, без малейшего противодействия сородичей, хотя рядом с ней находится жестокий и коварный богач эвенк Урукча.

Этот идейно-композиционный просчет привел к тому, что духовный мир Ятоги ока-

зался обедненным, а отношения между нею и Василием — лишенными того драматизма, который так естествен в отношениях между столь разными людьми. Нельзя так легко обращаться с социальной психологией!

Облегченно показан и процесс приобщения эвенков к культуре. Достаточно было Ятоге изречь фразу: «Ребятишки поедут учиться», — и в дальнейшем в романе уже не возникает проблемы приобщения эвенкийских ребятишек к учебе. Вся концовка романа выдержана в идиллических тонах

Эту идилличность, облегченность романа Н. Кузакова особенно чувствуешь, читая документальную повесть Н. Ященко «Северная точка», в которой описывается жизнь эвенков уже в начале 50-х годов, то есть через тридцать лет после событий, изображаемых Н. Кузаковым. Устами положительного героя повести говорится: «Газеты и лекторы отделяются общей фразой: «Шаманство уходит в прошлое». Никто не говорит и не пишет о том, какова сила веры в бога, ведь эвенки давно приняли православие. Оно, как видно, не привилось. Шаманство сильнее и, как всякая зараза, само по себе в прошлое не уйдет» (184).

Повесть Н. Ященко, пронизанная большой заботой о необходимости нести культуру в самые отдаленные уголки Сибири, думается, дает более правдивую картину жизни эвенков.

Я не случайно обращаю внимание на то, что названия некоторых книг писателей-забайкальцев не отражают истинного содержания этих книг. Это мы видим и на примере романа Г. Донца — «Алданцы». А настоящих алданцев, тех передовых рабочих, техников, инженеров, которые в 30-е годы создали один из центров золотодобывающей промышленности страны, в романе почти нет. Это дало основание критике сделать вывод о том, что писатель в романе прошел мимо главного¹.

Главный смысл романа «Алданцы», написанного человеком одаренным, я вижу не в намерении автора показать рабочую гвардию Алдана, а в стремлении показать становление человека на трудном «человеческом материале».

Для того чтобы поправить одного человека, достаточно бывает хорошей встряски на профсоюзном собрании. Другой преобразуется в результате потрясений, куда более сильных. Для главного героя романа Михаила Романчука таким потрясением явилась война. Человек недожизненной физической и духовной силы, натура с явной анархической закваской, эгоистическая и бесшабашная — таков Михаил в довоенные годы. И приехал он на Алдан отнюдь не по мотивам гражданского характера. Алдан в начале 30-х годов был новостройкой, где суровые климатические условия

компенсировались хорошими заработками — страна не жалела средств для золотодобытчиков. Туда стекались люди, сильные, решительные, любившие фарт. Михаил, добывая стране золото, доставил начальству немало хлопот — и еще больше принес горя своей семье. Начавшаяся война всколыхнула совесть Михаила. Фронт, тяжелое ранение при схватке с фашистским танком (этот эпизод неточно истолкован рецензентом), заботливое отношение семьи, простившей неупутевому мужу и отцу довоенные его грехи, — все это преобразует Михаила. После известия о разгроме немцев под Сталинградом, полемизируя с вымышленным фашистом, Михаил говорит ему: «Устал? И жить неохота?.. Жить неохота тому, кого не любят, по себе знаю. И стараться надо, дурах, чтоб тебя любили, — вот в чем загадка, и делать надо так, чтоб было за что любить...» (259).

И когда в финале романа видишь, как Михаил и Мария, оба ослабшие — он от ранения, она от тяжелого труда и недоедания, — идут, поддерживая друг друга, идут в надежде дойти до счастья, то история их жизни заставляет задуматься о многом. «Мысль семейная» делает этот роман актуальным.

В романе Н. Кузакова «Любовь шаманки» престарелый эвенк говорит: «Хорошую власть принесли Степан с Митькой... Только одно плохо, зачем ребятишек в город отравили. Кто потом охотиться будет?» (130). Этот вопрос, поставленный более полувека назад неграмотным престарелым эвенком, сегодня снова встает перед нами, обрастая кучей других проблем, связанных с сохранением и использованием природных богатств края. К вопросу «Кто охотиться будет?» сегодня прибавляется другой, более тревожный: «А на что, собственно, охотиться, если зверья в тайге становится все меньше и меньше?»

В книге рассказов Н. Янькова «Солонец» автор-рассказчик, оказавшись в тех местах, где проходило его детство, с горечью говорит: «Не узнал я землю своего детства: умерли звуки птиц и зверей, молчащие пади напоминают дома, приготовленные под снос».

Забота о разумном использовании богатств тайги, о сохранении природы приобретает характер одной из важнейших общенародных проблем. Сегодня это уже чувствуешь даже здесь, в Забайкалье. Р. Филиппов справедливо пишет в «Сибирских ямбах»:

Пора задуматься, ребята, —
Ведь и в сибирском далеке
Уже бензиновые пятна
Плывут, сверкая, по реке.

Да, действительно, пора задуматься!

Очень нужное дело начали читинские журналисты и писатели выпуском коллективных сборников с точным и выразительным названием «Тайга — твой дом». Пер-

¹ Р. Филиппов. Мимо главного. «Забайкальский рабочий», 22 марта 1974 г.

вый из них вышел в 1969 году, второй — в 1973. Тайга — твой дом. Береги его. Будь рачительным хозяином. Эта идея пронизывает собою все книги забайкальских авторов на таежную тему, вышедшие в последние годы. В них содержится немало интересных мыслей народнохозяйственного характера. В документальной повести Н. Яценко «Северная точка» рассказывается об интересном решении вопроса подготовки будущих охотников и звероводов. Невозможно пройти и мимо энергично и с хорошим знанием дела написанного Е. Куренным очерка «Кондратово новоселье». Писатель ставит проблему судеб небольших таежных поселков Забайкалья. Ставит правильно, по-государственному, руководствуясь не «сердобольным вздыханием по деревенскому, патриархальному быту», а соображениями целесообразности: нельзя оставлять тайгу без человека, нельзя недооценивать важности небольших таежных поселков в народном хозяйстве и спокойно смотреть на их исчезновение.

Но «утилитарность» в книгах о современной тайге проявляется в тесной связи с проблемой нравственной, что придает им не столько «лесоведческую», сколько «человековедческую» направленность. Тайга — тоже поле битвы за новую мораль, за человечность. Отношение к природе как критерий полноценности человеческой личности стало в советской литературе последних лет одной из важных нравственных проблем. Добро и зло, благородство и подлость, честность и вероломство здесь, в тайге, часто проявляются в остро драматических формах, ибо тайга слабых не любит. Таежный стяжатель — натура, как правило, сильная, выносливая. Возможность поживиться за счет не спрятанного под замком народного добра развивает в нем стяжательские инстинкты, делает глухим к красоте. Противостоять таежному стяжателю могут только люди сильные, любящие и хорошо знающие тайгу. Они несут в таежную глухомань культуру (фельдшеры-молодожены Василий и Тамара Кириосовы из повести Н. Яценко «Северная точка»), оповещают жителей о погоде (Славка-метеорадист из одноименного стихотворения Р. Филиппова), охраняют богатства тайги, разводят зверей (Егор и Марина Саранины и их дети Максим и Петя, охотоинспектор Володя Синчук — из повести В. Никонова «Приключения сохатенка»).

На столкновении истинных хозяев тайги, рачительных и добрых, с браконьером строится остро сюжетная, интересная повесть В. Никонова «Приключения сохатенка». Сохатенок в ней — живое воплощение красоты и беззащитности природы. Писателю удалось хорошо показать, как в столкновении из-за сохатенка раскрываются характеры людей, как в трудной битве за добро побеждают истинные хозяева тайги.

Доброе отношение к природе, к живому миру тайги, наблюдательность, умение очерчивать характеры людей обнаружива-

ет в своей первой книге рассказов «Соловец» Н. Янков. В ней примес, непосредственное, чем в других произведениях художественной литературы, выражается тревога за судьбу тайги. Борьба добра и зла раскрывается в ситуациях остродраматических. В этом отношении очень показателен едва ли не лучший рассказ сборника — «Трое на ледовой дороге», в котором прекрасные качества таежного человека Максима Борисова отчетливо выступают на фоне стяжательской психологии заезжих браконьеров-горожан. Но в обрисовке Максима чувствуется некий отблеск руссоистской философии. Простой деревенский парень, работающий, смиренный, честный, Максим когда-то столкнулся в городе с чело-веческой подлостью. В райкомах — мест-комах управы на нее найти не смог и, избив подлеца, оказался в тюрьме. После этого «люди для него были непонятны, страшны». Идеалом его становится «чащобный житель», его отец, который «жил, как живут деревья» (48). Правда, в одном месте он говорит: «Человеки бывают разные». Но это трезвое соображение расхо-дится с его воспоминаниями о городской жизни. Отсюда недалеко до противопостав-ления «чащобного жителя» жителю город-скому! Бросается в глаза и перенасыщен-ность языка книги Н. Янкова диалектиз-мами и просторечиями. Уместные в речи персонажей, они не всегда уместны в речи автора-повествователя.

Некоторыми своими рассказами примы-кает к «таежной теме» и небольшая хоро-шая книга В. Ляхницкого «Рассказы и были».

Пожалуй, слабее других в творчестве писателей-забайкальцев разрабатывалась всегда тема рабочего класса. Писали о ле-сорубах, рыбаках, лесниках, геологах, но крупнопромышленный рабочий оставался вне поля зрения, если не считать двух-трех произведений, из которых наиболее зна-чительным был роман В. Никонова «Лю-бовь остается с нами». Но в нем жизнь рабочих-металлургов изображалась ретро-спективно.

И вот теперь можно назвать новое круп-ное произведение о современном индустри-альном рабочем классе — роман В. Лаври-найтиса «Рабочая серенада». Факт сам по себе значительный. Примечательно и то, что написал его человек, путь которого в литературе проходил до сих пор через лес. («Лесники», «Падь Золотая», «Охотничьи встречи», «Лесная быль»).

Взяв «индустриальную» тему, В. Лаври-найтис не углубляется в технологические тонкости машиностроения, справедливо па-мятуя о том, что литература есть челове-коведение. Его интересует нравственный ас-пект проблемы, И жизненный конфликт найден им не специально-технологический, а нравственно-психологический. Мастер Ми-ронов благодаря творческому подходу до-бивается повышения производительности труда и просит повысить ему норму выра-ботки. Другой такой же замечательный

мастер, Капитонов, перевыполняет норму, не требуя ее повышения. Поведение Капитонова привычно, понятно. Поведение Миронова непривычно, оно вызывает раздражение и даже озлобление. Миронову нелегко видеть косые взгляды рабочих, слышать за своей спиной их язвительные реплики. Но иначе поступить он не может. «Когда норма легкая, — говорит он, — мне неинтересно, мне скучно» (263). Ему, переросшему существующие нормы, трудно работать в «согнутом» положении. Ему нужно жить в полный рост, в полную меру умственного и физического напряжения, чтобы ощущать моральное удовлетворение работой. «А искать, думать и находить — радостнее ничего на свете нет», — признается Константин Иванович (300). Искать более рациональные методы работы становится органической потребностью современного передового рабочего. В романе, таким образом, подмечена и без нажима, с художническим тактом раскрывается новая нравственная черта нашего времени: моральная удовлетворенность человека своим трудом становится все более и более значительным фактором.

Бросается в глаза такая сюжетная деталь: центральный герой произведения ученик Миронова Андрей Кочнев почти до самого конца романа не знает, что его любимый учитель это и есть тот самый «сверхидиот», которого поругивали многие, в том числе и он, Андрей. Лавринойтис в раскрытии главной темы — темы становления молодого рабочего — стремится избежать упрощенного, прямолинейного решения. Процесс вхождения молодежи в рабочий коллектив он показывает как процесс непростой, нередко сопровождаемый срывами, разочарованиями вследствие легкой ранимости юношеской души.

В литературе о рабочем классе мало найдешь мы книг, в которых бы так отчетливо сказывалась личность самого автора, выражающаяся в любовном, я бы сказал ласковом отношении автора к молодежи, как это мы видим в «Рабочей серенаде». Положительные молодые герои, составляющие основное «население» романа, освещены мягким светом авторского любования. Это проявляется и в отборе жизненного материала, и в обрисовке портретов, и в самой интонации повествования, насыщенного словами уменьшительно-ласкательного оттенка. (Заметим в скобках: кое-где автор переложил сахару. Например, на странице 8-й: «лукавинки», «смешинки», «снежок», «легонько», «хулиганочка», «седлинка», «рожица»). Но это не идеализация и не романтизация молодежи. Юноши и девушки предстают в романе как люди вполне земные.

В романе есть и уязвимые моменты. Психологически неубедителен разрыв Веры Шориной с Валерием. Надуманной выглядит «проверка» Пестрикова. По избитому пути прошел автор, показывая падение и воскрешение Бориса Птичкина.

Одной из сильных сторон романа является

раскрытие писателем идеи преемственности отцов и детей. С наибольшей полнотой она раскрыта на образах Миронова и Андрея Кочнева. Не на перевыполнение норм, не на рекорды направляет мастер своего ученика (это придет само), а на то, чтобы он поверил в себя, полюбил профессию, почувствовал себя частицей рабочего коллектива.

Сборник Г. Граубина «Разноцветная роса» подобрал в себя все лучшие стихи, созданные поэтом за четверть века его работы. Следовательно, говорить об этой книге — значит говорить о Г. Граубине как детском поэте вообще.

Если верно, что поэтический талант — это способность удивляться, то детский поэт должен обладать этой способностью вдвойне, ведь для детей, впервые познающих жизнь, все кажется удивительным. Поэтическое зрение Г. Граубина устроено так, что в обычном, повседневном, что нам, взрослым, давно примелькалось, он видит необычное, удивительное.

Выступая на IV Всесоюзном съезде писателей, С. Михалков назвал Г. Граубина в числе тех детских писателей, которые пишут веселые книги. Но и веселость бывает разная. У Г. Граубина она с оттенком мальчишеского озорства, что давно подмечено критикой. «Думается, что ему ближе всего психология не просто 10—12-летних ребят, а именно 10—12-летних мальчиков, — писал В. Хмара. — Угловатость (а порой и грубоватость), насмешливость, неугомная изобретательность мальчишеского ума, дотошная любознательность — все это отлично почувствовал, полюбил и передал поэт в своих произведениях»¹.

Поэт-сатирик, поэт-юморист уживается в Граубине с поэтом-лириком и пейзажистом, влюбленным в природу и умеющим ее живописать.

В стихах Г. Граубина хорошо ощущаются приметы нашего времени, передаются в доступных детскому пониманию картинах огромность перемен, происходящих сегодня в жизни благодаря воле и труду советских людей («Ветераны», «Скороход», «Провода», «Всеумейка», «Мертвый час»). И приметы эти чувствуются не только в тех стихотворениях, где говорится об экскаваторах, автомобилях и т. д. Они ощущаются и в его лучших пейзажных стихотворениях, потому что ими напоен сам воздух наших дней. «Чем пахнут ветры?» — так называется одно из лучших его стихотворений. К традиционным запахам моря, земли, цветов, трав примешивается и то новое, что характерно именно для наших дней:

Пахнут ветры сенокосом,
Сизым тракторным дымком,
Сталью, вымоченной в росах,
Прокопченным камелком...

¹ «Дальний Восток» 1966, № 4, с. 179.

Пахнут ветры солью,
 Потом,
 Углем,
 Шпалами,
 Стеклом.
 А сказать точнее —
 Работой,
 Человеческим Тёплом.

Общезвестная мысль о том, что природа — сподвижница человека в переустройстве жизни, получает в его стихах свое образное воплощение, часто совершенно неожиданное, полное выдумки, гиперболы. Лес, реки, горы, пашни — все служит человеку. Ну а вот... снежинки? Пушистые, нежные тихони-снежинки, безмятежно лежащие на земле? Казалось бы, в них-то уж никак не увидишь активной творческой силы. Но поэт ее видит: еще вчера они были водой — вертели турбины, тащили баржи и плоты, тушили пожар, в котлах паровозов взметались паром и тащили поезда. Они лишь временно прилегли на землю немного отдохнуть, чтобы вскоре снова участвовать в великом процессе созидания.

Кругом бело.
 Снежинки дремлют.
 Им скоро снова в дальний путь.
 Они садятся к нам на землю,
 Чтоб хоть немного отдохнуть.
 («Тихони»)

Сказать, что такие стихи расширяют кругозор юного читателя, — значит сказать не все и даже не главное. Познавательная сторона этой темы разрабатывается в учебниках и популярных детских книжках о круговороте воды в природе, о животном и растительном мире. Граубин же подает эту тему как художник, в эстетическом плане. У него категории полезного и красивого сливаются в один поэтический образ.

Стихи Г. Граубина начисто лишены романтической исключительности, экзотичности. Они как бы говорят юному читателю: не надо грезить о дальних заморских странах, не стоит тосковать об экзотике джунглей и Прерий. Всмотрись внимательней вокруг себя, юный читатель, вслушайся в музыку нашей жизни, вдохни полной грудью ветры нашей эпохи — и ты поймешь, что жизнь прекрасна делами людей. Цени же ее. Приумножай на земле радость.

В его стихах нигде дети не показаны мечтающими о своих будущих профессиях. Нет у него и таких стихов, в которых бы доказывалось преимущество таких-то и таких-то профессий. Для поэта важно не то, кем станет впоследствии его юный читатель (вопрос «кем быть?» — это вопрос для читателя уже более позднего возраста), а то, какие человеческие, гражданские качества в нем разовьются. Поэтому не профориентация, а мотивы нравственно-го, гражданского звучания выдвигаются на первое место. В качестве главного нравствен-

ного критерия в оценке маленьких «гражданят» выступает отношение детей к окружающим их людям, к труду, без скидок на детский возраст своих героев, без сюсюканья. Неважно, кем ты будешь, важно, каким человеком ты будешь.

Поэт высмеивает лентяев, завистников, эгоистов, болтунов. Одна из причин популярности сатирических стихов Г. Граубина заключается в том, что они основаны на неожиданных сюжетных поворотах и гиперболических заострениях. Его иронии не назовешь мягкой, деликатной. Она озорная, резкая, грубоватая, с перехлестами. Таковы, например, его «Мозоль», «Завистник», «Месячник совести», хотя последнее адресовано не столько детям, сколько их воспитателям. Жаль, что в сборник не вошло одно из лучших стихотворений этого плана — «Гвоздь».

Поэт откровенно любит теми, кто любит труд, людей, природу, кто исполнен духа коллективизма и доброжелательности. С наибольшей силой идеалы поэта выразились в его стихотворениях «Честное слово», «Хорошее настроение», «Именные города».

Неверным представляется суждение Б. Бегака о каких-то «трех Граубинных»¹. Граубин один, но личность поэта поворачивается перед нами различными гранями, радуя богатством выдумки, поэтичностью образов, добротным стихом — четким, упругим, напористым, напоминающим, по чьему-то удачному выражению, шаг здорового, хорошо тренированного человека.

Последний сборник стихов Р. Филиппова «Выбор» составлен из его прежних стихотворений. Некоторые из них переработаны, очищены в стилистическом да и не только в стилистическом отношении. В сборнике представлены стихи преимущественно с забайкальской тематикой, что не дает нам возможности судить по нему о Р. Филиппове в целом.

Главная тема сборника — человек и природа, причем природа сибирская, забайкальская. Природа, по мысли поэта, неотделима от красоты, труда и любви. И, когда они разделяются, происходит обеднение души человека, нарушается гармония. Первое стихотворение, задающее тон всему сборнику, заканчивается восклицанием:

Друзья мои! Охота ль, неохота —
 нам всем соединить придется вновь
 природу и любовь, природу и работу,
 с работою — природу и любовь.

Но это едва ли не единственное в сборнике заявление, выражающее идею в прямой, декларированной форме. Как правило мысль поэта раскрывается в его стихах через лирические и эпические картины.

¹ Б. Бегак. Дети смеются. М., 1971, с. 114.

Именно в них проступает образ лирического героя — нашего современника, мечтателя и жизнелюба, живущего заботами и тревогами народа.

Герои стихов Р. Филиппова — «великие маленькие люди» (М. Горький), которые делают нужное стране дело — охотятся, ловят рыбу, разведывают богатства земных недр, пасут овец. Поэт говорит о них, избегая патетических интонаций даже тогда, когда изображает факты волнующие. Что может быть трагичнее, чем страдания по умершему другу, хорошему человеку? Это трагическое состояние Р. Филиппов передает одним штрихом: председатель колхоза (человек, несомненно, занятый делами не-впоровот) оказывается, не спал всю ночь: рисовал памятник умершему другу («Председатель рисует памятник»).

Легко и просто сливается с людьми лирический герой, находя радость в общем ли труде («Рыбалка на Аргуни»), в общей ли песне («Скакал казак»). Вот это чувство слитности с людьми, называемое поэтом на старомодный лад «артельным» («на этот зов артельный охотно откликаюсь», «И хожу с артелью по Руси великой», «человек артельный, свой»), пожалуй, и создает сборнику единый пафос.

Из цитированных выражений мы видим налет стародавней лексики. Вместо коллективный — «артельный», вместо помощи — «пособи», вместо хорошо — «ладно» («ладно избы рубим», «жили ладно ребята в тайге», «как ладно строится страна», «Но сколь ты мяса сдал о прошлом годе?») — это уже было замечено критикой. Во введении стародавней лексики Е. Раппопорт увидел «нить, связавшую прошлое с настоящим в поэзии Р. Филиппова»¹. Но приходится отметить, что в рассматриваемом сборнике эта нить такова, что границы между прошлым и настоящим подчас ступеваются. Покажем это на примере стихотворения «Забайкалье». Уже само его заглавие обязывало поэта дать хотя бы в самых общих чертах более полное представление о Забайкалье. Такого не получилось. В стихотворении нет ни одного, даже мельчайшего штриха, который отразил бы сдвиги в судьбах Забайкалья. Автор, очевидно, не желая идти по проторенному пути прямого противопоставления советского Забайкалья досоветскому, каторжному (будто, кроме такого «лобового» решения, невозможны другие!) протягивает «нить» следующим образом:

Ерниками лицо исколото.
 День не солнечный, не мокрой.
 Те же степи да те же золото,
 Те же парни снабжают махрой (43).

О золоте судить не берусь. Но вот степи уже не совсем те же. Что же касается парней, то они уже совсем не те же.

Заканчивается стихотворение так:

¹ Литературная Сибирь. Писатели Восточной Сибири. Иркутск, Вост.-Сиб. кн. изд., 1971, с. 327.

Земля стылая, да не постылая,
 За печаль по тебе прости!
 И открой свои избы, милая,
 обогреться меня впусти...

Здесь что-то запутано. Если земля «не постылая», «милая» — а это наша советская забайкальская земля — то к чему же печалиться по ней? Если в душе поэта всколыхнулась печаль по старой, каторжной забайкальской земле, то печаль эта закономерна, законна — и зачем же просить прощения?

Р. Филиппов поэт растущий. Чувствуется, что ему становится тесно в рамках жанра небольшого стихотворения. Наше время — время больших дел — требует емких художественных обобщений, больших поэтических полотен. Закономерно и обращение Р. Филиппова к жанру поэмы о современной Сибири. Поэма еще не закончена. Опубликованы лишь первые семь глав. Но это после поэмы-хроники Н. Савостина «Тайга» первое в Забайкалье крупное поэтическое произведение о современности. И по своему тематическому замыслу, и по кругу проблем «Сибирские ямбы» значительно шире «Тайги». Здесь уже не забайкальская тайга, а вся Сибирь — ее судьбы в прошлом и настоящем, ее значение сегодня и завтра.

Избрав вслед за А. Твардовским форму дорожных раздумий (в отличие от лирического героя поэмы «За далью — даль», ехавшего на поезде, лирический герой «Сибирских ямбов» летит из Москвы в самолете), Р. Филиппов захватывает тему широко — от первых землепроходцев до наших дней. Его лирический герой-сибиряк счастлив знакомством все возрастающей роли Сибири, он гордится своим могучим краем, его новостройками, его замечательными людьми, их сибирским характером.

Нигде до этого, за исключением, пожалуй, стихотворения «Печенеги», не проявлялся так непосредственно темперамент поэта. В поэме много молодого задора, полемической страстности. Она проникнута горячей заинтересованностью нашего современника в делах и судьбах родного края, всей советской страны. И все же уйти от влияния могучего таланта А. Твардовского (как самонадеянно пообещал читателям в начале поэмы Р. Филиппов) ему не удалось. И дело здесь не в схожести архитектоники обеих поэм, и даже не в отдельных текстуальных переключках. Дело в стиле, в «почерке» Р. Филиппова, повторяющем здесь индивидуальный почерк А. Твардовского, что нетрудно доказать лингвистическим анализом. В «Сибирских ямбах» звучит «твардовская» фраза, которой в прежних стихах Р. Филиппова не было.

Ветрам забайкальских степных просторов, запахами их трав, гордостью человека за свою землю, преобразенную социализмом, веет от стихов бурятского поэта Арслана Жамбалова, собранных в сбор-

ник «Степная музыка». В них много воздуха, цветов, щедрого забайкальского солнца. В сборнике преобладают весенний и летний пейзажи, картины расцветающей природы, символизирующие цветение жизни. Поэтому так естественно, органически с пейзажной лирикой сливаются стихи о партии, Родине, о раскрепощенном труде и дружбе русского и бурятского народов:

Теперь мы свободно живем и богато,
Руду добываем, разводим овец,
И тянется щедрое сердце бурята
И биению дружеских русских сердец.

Лирический герой стихов Арсалана Жамбалона хорошо знает, кому он обязан своим счастьем и счастьем родной земли. В его сердце звучит благодарность Коммунистической партии, людям старших поколений, которые освободили Родину от эксплуатации, а потом защитили ее в кровопролитных боях. И поэтому так искренне звучит в его душе мотив совести, ответственности перед людьми:

Мне коммунисты открыли путь
В солнечные края.
Совесть моя! Подскажи, не забудь
Всех, кому должен я.
Всех их как добрых друзей приму,
Чувствуя твой упрек.
Всех, кто мне помогал, но кому
Я еще не помог (5).

Из забайкальских писателей только для Вильяма Озолина Забайкалье не является его литературной родиной. «По крови непоседа», он «и в поле, и в тундре бывал», был моряком. Это богатство жизненных впечатлений отразилось и в последнем сборнике его стихов «Чайки над городом».

Для понимания эстетической программы В. Озолина, на мой взгляд, наиболее показательными являются стихотворения «Учитель», «Называй именами своими» и «Северное окно». В них звучит мысль о неприятии поэтом слов выспренных, бющих на эффект. Нежным, ярким, столь привычным в поэтическом обиходе, но быстро увядающим «ромашкам» и «василькам» он предпочитает «плевелы» — растения невзрачные на вид, но живучие, не боящиеся темноты и холода. Поэтому стихи В. Озолина некоторым читателям кажутся прозаичными, бесцветными. Их неброская красота не лежит на поверхности.

О чем пишет Озолин? О сильных и хороших людях, покорявших Арктику и ныне обживающих Север, о моряках и море, о любви и разлуке, о нашем полном контрастов веке, о душевной черствости и чуткости. Мерилом людской ценности для поэта является то, насколько человечны люди, насколько они способны чувствовать горе других людей («Хлеб тысяча девятьсот сорок третьего», «Капитан», «Брошь» из Нагасаки» и другие). Лирический герой его стихов, преисполненный любви к людям, ассоциируется со скорой помощью. («Я — ноль-три»).

Своеобразие его стихов — в тесном, подчас едва уловимом переплетении минорного и мажорного мотивов. Мажорное, светлое все же побеждает. В стихотворении «Окна» оно прорывается во весь голос как-то даже не по-озолински громко. За окнами зима, мороз. Стекла замерзли так, что темно в квартире. Кажется, эта тьма окутала весь мир.

Но (паровозом вдалеке)
свистит на чайнике рогулька;
в окошке — в верхнем уголке —
вот-вот и расцветет сосулька;
в седую наковальню льда
ударит солнце молодое,
и стекловатая мутная слюда
живой умоется водою.
Февраль.
И нечего без сна
глядеть на мерзлые окошки.
А коль скребут по сердцу кошки —
так, значит, скоро и весна! (39).

«Ударит солнце молодое» — до чего же хорошо сказано! Это емкий поэтический образ, символизирующий вечное возрождение жизни, неотвратимость победы в ней молодого, светлого, горячего.

В. Озолин пишет экономно и емко. Однако в этом сборнике есть стихотворения, не несущие какой-нибудь серьезной поэтической идеи («Уточнение», «Мать вздыхает», «Ветроград»). Вез них сборник ничего не проиграл бы.

Бросая общий взгляд на литературу Забайкалья последних лет, мы видим, что она в большинстве своем связана с родным краем. И это вовсе не свидетельствует о бедности творческой фантазии или ограниченности тематического диапазона авторов. Творческое сознание автора питается впечатлениями окружающего бытия. А так называемую «местную» тематику, применительно к краям и областям, слабо освещавшимся прежней литературой, А. М. Горький считал «превосходным источником «народоведения» — человековедения» (А. М. Горький. Собр. соч. в 30-ти томах. Т. 25. М., ГИХЛ, с. 311).

У писателей Забайкалья преобладает та же тема. И это понятно: Забайкалье — край таежный. Жизнь современной тайги, ее люди, ее заботы — все это то, о чем никто, кроме забайкальцев, не расскажет читателю. И здесь на «местной» теме поднимаются, как мы видели, общезначимые проблемы. В частности — морально-этическая, нравственная проблематика, получившая освещение в повестях, рассказах, очерках.

И вполне закономерно чувство гордости писателей-зabayкальцев своим краем, его людьми, которые пасут овец, охотятся, разведывают земные недра, разводят зверей. Однако вряд ли можно согласиться с той поэтизацией понятия «сибирский характер», какую мы видим в «Сибирских ямбах»

Р. Филиппова. Г. Кобяков идет еще дальше, прославляя «забайкальский характер» («Обелиск», с. 169—175).

Характер в жизни, а следовательно и в литературе, не есть нечто застывшее, неизменное, раз навсегда данное. Характер — явление развивающееся и изменяющееся вместе с жизнью. В стародавние времена, очевидно, была какая-то разница между «сибирским» и «русским» человеком. Но еще до Октябрьской революции А. М. Горький признавался, что он, хотя и чувствует эту разницу, но не может уловить ее, уложить в слова достаточно ясные (А. М. Горький. Собр. соч. в 30-ти томах. Т. 29. ГИХЛ, 1955, с. 322).

С тех пор прошло много лет. Изменился социальный строй нашей Родины. Сформировалась новая историческая общность — советский народ. Резко изменилась демографическая карта страны. Это несколько не исключает того, что москвич может гордиться Москвой, ленинградец — Ленинградом, а сибиряк — Сибирью. Но когда делается главный акцент на чертах, присущих именно характеру сибиряка, то при этом молчаливо подразумевается, что у жителей других областей этих черт или вовсе нет или они слабее выражены. Ту разницу, которую шестьдесят лет назад не мог уложить в слова достаточно ясные А. М. Горький, сегодня пытаются «уловить» и подчеркнуть некоторые сибирские писатели. Р. Филиппов в главах поэмы «Сибирские ямбы» так характеризует сибиряков:

Неторопливы, скажем прямо.
Но дело делают сполна.
И терпеливы, и упрямы.
Неприхотливы, как сосна.

Но вот что пишет автор очерка «В хребтах Удокана» Г. Шукин о буровике-украинце Юре Вирвикишко, который участвовал в разведке знаменитого Удоканского месторождения меди: «Как истый украинец он несколько медлителен, упрям и, пожалуй, иногда чересчур оптимистичен. Эти качества в сочетании с присущим ему напором очень помогают в работе». («Тайга — твой дом», 1973, с. 145). А уж о неприхотливости Юры и его товарищей и говорить не приходится. Как видим, в нем, украинце, есть все те черты характера, которые читинский поэт приписывает только сибирякам.

Можно согласиться с понятиями «таежный человек», «человек тайги», встречающимися в произведениях писателей-забайкальцев. Жизнь в тайге накладывает на человека определенный отпечаток. Но меняется и лик тайги. Сегодняшние ее хозяйки в повестях В. Никонова «Сохатенок», Н. Яценко «Северная точка», в рассказах В. Ляхницкого и Н. Янькова, в очерках Е. Куренного, в стихах Р. Филиппова. Это уже не те «кондовые» люди, какими они были десятилетия назад.

Но приходится отметить, что наши пи-

сатели «таежники» недостаточно и как-то робко изображают людей современной тайги, ориентируются на профессии традиционные, обжитые в литературе — охотников, лесников. Пока ни одного сколько-нибудь обстоятельно разработанного образа нынешнего преобразователя тайги, вооруженного современной техникой, мы в книгах писателей-забайкальцев не видим. А ведь здесь, где люди работают в условиях суровой природы и от них требуется полное напряжение физических и духовных сил, — здесь полнее и ярче раскрываются характеры наших современников. Здесь возможны характеры волевые, образы яркие и сильные. То, о чем торопливо поведал нам Н. Шукин, о разведчиках Удокана — это ведь богатейший жизненный материал для большого произведения. И недоумевашь, видя, как некоторые авторы, вместо отражения действительно острых жизненных конфликтов наших дней, ищут «захватывающие» сюжеты в любви шаманки и прочих интригующих читателя своей необычностью историях.

В последние годы взоры писателей-забайкальцев, хотя и медленно, но все более настойчиво и пытливо поворачиваются в сторону современности. В этом можно видеть одну из важных предпосылок дальнейшего успешного развития советской литературы в Забайкалье.

ЧУВСТВО ВРЕМЕНИ

Новый сборник стихов Арсалана Жамбалона¹ привлекает внимание широким тематическим диапазоном, ощущением пульса времени.

«Родной партии», «Родину пою», «Путеводная звезда», «Дорога в будущее» — названия стихотворений говорят сами за себя. Поэт стремится глубоко осмыслить объединяющую, организующую и направляющую роль партии, величие Родины, строящей новый мир.

Но о чем бы он ни писал, в центре его внимания — люди труда, мастера, создатели. Весь сборник пронизан пафосом творчества.

Кто сказал сгоряча, не подумав,
Что удел человека — стареть?
Нет, сердцами и думами юным
назначение иное — гореть!

В этом и высшая радость человека и необходимая составная его счастья. Оно видится поэту в борьбе, дерзаниях, свершениях: «Лишь плывущему счастье дано.

¹ А. Ж а м б а л о н. Стенная музыка. Стихи. Иркутск, Вост.-Сиб. кн. изд., 1974.

Это счастье — иные узнать острова, горизонты свои открывать и слова». Отсюда в стихах образы синего чистого неба, горячего солнца, ставшие сквозными образами сборника.

Современность в стихах Жамбалона освещается одновременно в ее истоках и перспективе. Интерес к сегодняшним делам и проблемам сочетается с немалым интересом к прошлому и будущему. Поэтому закономерны в сборнике, с одной стороны, такие стихи, как «Не забудь!», а с другой — «Дорога в будущее». Получаются своеобразные вертикальные хронологические «срезы» большой глубины. Это проявляется, например, в песне о забайкальском крае:

К горам Зерентуя, к степям селенгинским,
Невзгоды деля в твоей трудной судьбе,
Недаром когда-то прошли декабристы
И руки свои протянули тебе.
Согреты дружбой товарищей старших,
Не зря в революции пламенный год
Шли с ленинским словом Ранджуровы

наши,

На праведный бой поднимая народ.
И вот ты навеки, как птица, вольна,
Мое Забайкалье, моя сторона!

Одной из особенностей современного литературного процесса является обостренное внимание к нравственно-этическим проблемам. Это отражается и в стихах Арсалана Жамбалона. Для его лирического героя характерна чуткость совести («Совесть моя! Подскажи, не забудь всех, кому должен я...») «Совесть моя! Будь всегда со мной. Жги меня, не щадя!»), чувство ответственности перед людьми, желание иметь моральное право дать положительный ответ на вопросы, обращенные к собственному сердцу:

Что ты узнало? Что ты сумело?
Сколько людей приютило —
согрело?
Многих ли силой, отвагой
поило?
Много ли крыльев птенцам
укрепило?

Много места в сборнике отведено интернациональной теме, теме дружбы русского и бурятского народов. Воспевая красоту забайкальского края, поэт говорит: «Я с чувством, понятным в степном человеке, люблю, как чистою глубиной своей похожи твои полноводные реки на души открытые русских друзей». Проникновенны его стихи «Русской женщине», в которых дан романтизированный облик, «старшей сестры» бурятки.

Тема дружбы естественно и закономерно перерастает в тему единения всех честных людей, тему доверия к человеку:

Если б каждый в мире отважился
Распахнуть свое сердце каждому,
то — никто не страдал бы жаждою

по теплу, и свету, и радости,
и в скрещенье лучей их радуги
загорались бы в сердце каждого.

А эти размышления рождают вывод о смысле жизни: жить для людей, щедро и без остатка отдавая им свои силы. Сердце: «Себя отдай ты, не скупись, как корни отдают!» Так поступает любимая героиня поэта — Ханда, которая «спасет от любой беды. С нею в самое доброе верится». Понятно желание лирического героя оставить след в жизни — трудом ли, словом, или помощью человеку: «До минут последних я не хотел бы дней бесследных».

Сборник делится на две части. Первая — «Родину пою» — отражает наиболее общие вопросы бытия советских людей. Вторая — «Степь моя родимая» — посвящена родине поэта, земле и людям древней Аги. Но она не стала более камерной, ибо поэт видит, как жизнь его народа тысячами нитей связана с делами и проблемами всей нашей многонациональной страны.

Жамбалон славит красоту степи с ее ширью, раздольем, пахучестью трав, нарядом цветов. Все это входит в кровь бурятских детей со вкусом материнского молока. Много дорог пролегло по степи. Выросши, выбирай любую:

Лишь бы только шагая ею,
Все труду отдавал сполна.
Лишь бы землю свою лелеял,
Как тебя с детских лет она.

С большой любовью пишет поэт о лучших качествах своего народа: трудолюбию, гостеприимстве, широте души, близости к природе, гордится его успехами. «Все держит умело рука степняка — и руль, и поводья, и перья!» В степную музыку, столь привычную уху бурята, входит новый мотив — гул мотора — и становится неотъемлемой частью музыки преображенной степи.

Признаки времени и в оптимистическом мировосприятии, духовной окрыленности, уверенности в реальности исполнения мечтаний и надежд.

Лучшие стихи Жамбалона отличаются емкой и выразительной образностью. Две строки: «Я по степи шагаю. И — ветер у плеча», но перед нами зримый образ молодости, кипучей энергии, стремительности. Его стихам присущи метафоры и олицетворения. «Весеннее солнце открыло глаза. Как девочка, к речке нагнулась лоза... И степи линияют, как козы весной...».

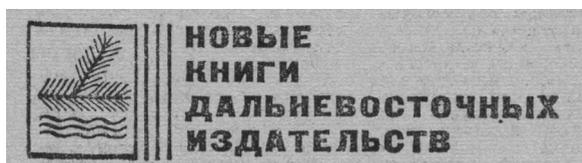
Не все стихи сборника на одном уровне. В некоторых из них не изжита еще декларативность, снижающая общее впечатление.

Стихи Жамбалона переведены группой известных поэтов Сибири и Дальнего Востока. Хотя иногда чувствуется некоторое несовершенство, неожиданный и неоправданный перебой ритма, слово, «выпираю-

щее» из строки, явно лишний слог, нарушающий внутреннюю гармонию стиха, — в целом переводы выполнены довольно удачно. Переводчикам удалось передать живость интонации, ритмическое многообразие, богатство строфики, своеобразие рифмовки.

Что касается общей оценки сборника, то ее можно выразить словами самого автора, который говорит о своем голосе как несильном, но «нелишнем в могучем оркестре, воспевающем Родину-мать».

В. РАССАДИН.

ХАБАРОВСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Халов П. ИДУ НАД ОКЕАНОМ. Роман. Послесл. П. Богоявленского. Хабаровск, Кн. изд., 1975. 608 с. Тираж 30 000 экз. Цена 1 р. 11 к.

Роман Павла Халова создавался на протяжении нескольких лет (первая книга вышла в 1972 году), но производит впечатление произведения, написанного «на одном дыхании». Действие романа разворачивается в послевоенные годы. Его герои — военные летчики, врачи-хирурги, художники, партийные работники. Каждый из них по-своему решает главный вопрос — о месте человека в жизни, — страстно стремится к активной, плодотворной, творческой работе с полной отдачей всех своих сил и способностей. Это повествование о наших современниках, о долге и чести, личном и общественном, о красоте духовного облика советского человека.

Маяковский В. КОНЬ-ОГОНЬ. Стихи. Художник М. Скобелев. Хабаровск, Кн. изд., 1975. 16 с. (Для дошкольного возраста). Тираж 400 000 экз. Цена 17 коп.

Красочное издание известного стихотворения В. В. Маяковского с многоцветными иллюстрациями художника М. А. Скобелева.

СЛУЖИТЬ ДЕЛУ ЛЕНИНСКОЙ ПАРТИИ. Из опыта работы с идеологическими

кадрами. Под ред. А. Н. Лапшина. Хабаровск, Кн. изд., 1975. 136 с. Тираж 2000 экз. Цена 13 коп.

В сборнике — его авторы секретари районных, городских, заводских и совхозных партийных комитетов, редакторы газет и другие идеологические работники — обобщается практический опыт работы партийных организаций Хабаровского края с идеологическими кадрами в свете постановлений ЦК КПСС.

Рудов Г. А. НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И СОЦИАЛИЗМ. Предисл. доктора философских наук Г. Н. Волкова. Хабаровск, Кн. изд., 1975. 136 с. Тираж 5000 экз. Цена 23 коп.

Хохлюк Г. С. СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ПАРТИЙНОЙ РАБОТЕ. Под ред. В. И. Степанова и Н. М. Костикова. Хабаровск, Кн. изд., 1975. 112 с. Тираж 15 000 экз. Цена 12 коп.

Предлагаемая работа Г. С. Хохлюка представляет собой попытку обобщения опыта и проблем, связанных с организацией социологических исследований и применением их результатов в практике партийной работы, в сферах управления и руководства социальными процессами. В работе над книгой автор опирался на материалы и опыт городских и районных комитетов партии зоны Дальнего Востока, изученный и обобщенный социологической группой Хабаровской высшей партийной школы.

А. ЕВГРАФОВ.

Ташкентские поселки БАМа

Над бурной и своенравной северной рекой Сьюлбан поднялось плато ледникового происхождения. На нем — четырехэтажные дома станции и поселка Сьюлбан. Все они соединены сквозным утепленным проходом. Он соединяет жилье с детским комбинатом. Переходная галерея образует главную композиционную ось поселка. Крытый переход заканчивается вестибюлем — вставкой между двумя жилыми домами. Открыт он в сторону привокзальной площади.

...Жемчужина Забайкалья — озеро Лепридо. Оно заято скалистыми гольцами хребтов Кодар и Удокан. На южном склоне Кодара стоит белокаменный поселок из двухэтажных

домов. В центре общественно-торговый центр. К нему ведут широкие лестницы, обрамленные подпорными стенками.

У подношья Южно-Муйского хребта по обеим сторонам трассы БАМ поднялись пятиэтажные дома. Фасад зданий открыт в сторону бульвара, идущего от привокзальной площади станции Куанда на юг. Бульвар завершается главной площадью. От нее на восток и на запад ответвляются пешеходные бульвары. Вдоль них стоят школа-интернат, дом связи, больница, дом отдыха локомотивных бригад и другие учреждения. В центре поселка зрительный зал на триста пятьдесят человек, кафе-столовая, комбинат бытового обслуживания, библиотека.

Так будут выглядеть таежные станции Байкало-Амурской магистрали, которые возведут строители Ташкента на севере Забайкалья. Зодчие столицы Узбекистана успешно защитили на ученом совете института Сибгипротранс проекты постройки таежных поселков на трассе БАМ. Сейчас они формируют подразделения строительно-монтажного поезда. Все строительные материалы будут отделаны декоративными бетонными плитами, а цоколь мрамором.

На участке, где будут работать ташкентские строители, ленинградцы возведут станцию Нижнеангарск, белоруссы — Муякан, сибиряки — Лапро, латыши — Токсимо и литовцы — Кичеру.

САМЫЕ МОЩНЫЕ В МИРЕ

В начале века одна из французских газет писала, что после открытия Америки и прокладки Суэцкого канала история не отмечала события более выдающегося и более богатого прямыми и косвенными последствиями, чем появление великого Транссибирского пути.

Существенным звеном самой гигантской магистрали планеты является Забайкальская железная дорога, протянувшаяся по Читинской и Амурской областям. 3365 километров составляет ее длина, с учетом примыкающих к ней линий. Сложен план и профиль пути.

В годы пятилеток Забайкальская дорога пережила практически второе рождение. Появились вторые пути, новые станции, депо и вокзалы, обновился подвижной состав. Коренным изменениям подверглись все без исключения предприятия и службы.

Грузовые и пассажирские перевозки ныне осуществляются полностью прогрессивными видами тяги — электровозами и тепловозами. На сегодня электрифицированный участок дороги составил 511 километров от Петровска-Забайкальского до станции Карымской. На этом участке трудятся самые мощные электровозы в мире ВЛ-80Т.

Мощные машины и механизмы берут на свои стальные «плечи» все большую часть тяжелого труда. Уровень механизированной переработки грузов в дистанциях погрузочно-разгрузочных работ составляет 90,6, а при капитальном ремонте пути около 80 процентов. На передовых предприятиях внедряются автоматические и полуавтоматические поточно-конвейерные линии. Опыт локомотивных депо Чита и Чернышевск-Забайкальский, коллективы которых являлись участниками ВДНХ СССР, одобрен коллегией МПС и распространен по сети дорог. На базе современных ЭВМ создан вычислительный центр и создается автоматизированная система управления перевозочным процессом в рамках АСУ МПС.

Все это позволило коллективу Забайкальской дороги повысить из года в год пропускную способность дороги, обеспечивать успешное выполнение государственных планов и принятых социалистических обязательств. По целому ряду основных показателей дорога досрочно превысила

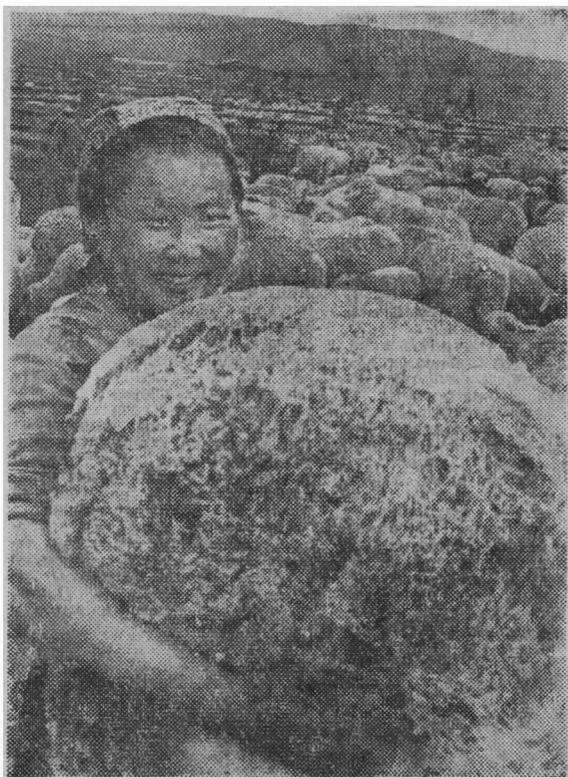
уровень, установленный на конец девятой пятилетки.

Поистине золотой фонд магистрали составляют ее кадры. Прославлены имена Героев Социалистического Труда машинистов С. С. Азаренкова и М. Е. Горбачева, старшего осмотрщика вагонов Н. И. Лагошина, дорожного мастера А. Л. Артемьева, поездного диспетчера И. Ф. Ульяновой.

Коллектив Забайкальской железной дороги с честью встречает XXV съезд КПСС, досрочно справившись с заданиями, поставленными XXIV съездом партии.

На снимке молодой специалист, передовик социалистического соревнования Светлана Михайлова — дежурная по станции Чернышевск-Забайкальский.

А. КОНОХОВ,
редактор газеты «Забайкальская магистраль».
Фото Н. ГОРЯЧЕВА.

«ЗОЛОТОЕ РУНО» ПРИБЫВАЕТ

По овцеводству и настригу шерсти только Ставрополье в Российской Федерации опережает забайкальцев. И этот разрыв читинские животноводы из года в год сокращают, наращивая и поголовье овец, и выход шерсти.

Выполняя задания XXIV съезда КПСС, труженики села нашей области в завершающем году девятой пятилетки продали государству около восемнадцати тысяч тонн высококачественной тонкорунной шерсти, что на четыреста тонн выше плана. Это весомый трудовой подарок XXV съезду Коммунистической партии.

На снимке идет стрижка овец в одном из крупнейших хозяйств области — в колхозе имени Кирова Агинского Бурятского национального округа.

А. КОНЮХОВ.
Фото автора.

КАБАНЫ ЛИШЕНЫ ПРОПИСКИ

Автоматическая радиометеорологическая станция была установлена на поросших лесом горах в верховьях реки Кручины. В конце каждого года, когда реку сковывает ледяной панцирь, инженерный отряд на вездеходе идет в эти глухие места, чтобы проверить станцию.

Так было и нынче. Несколько дней пробирались по реке и буреломам к Кручине читинские метеорологи. И каково же было их удивление, когда под основанием станции они обнаружили жилище диких кабанов! «Хозяев» не оказалось дома, но они здесь наведи такой «порядок», что станция чудом не была сброшена в пропасть. Понадобилось немало времени, чтобы крупными камнями заложить жилище диких обитателей тайги, лишив их теплой «прописки».

ВУЛКАН В БУТЫЛКЕ

Каждую минуту на забайкальскую землю выливается более двадцати тысяч литров отличной минеральной воды. Откройте бутылку «Куки», «Дарасуна» или «Молоковки», вода начнет пузыриться и пенящейся струей выплеснется через горлышко на стол. Минеральная вода в откупоренной бутылке — родная дочь древних вулканов, некогда бушевавших в Забайкалье. Сверху они давно остыли, а в глубине продолжают выделять углекислый газ. Напивавшись им, вода становится минеральной.

«Вулканная» вода возвращает людям молодость и здоровье. В Читинской области насчитывается свыше трехсот минеральных источников. На них выросли такие известные курорты, как Дарасун, Молоковка, Шиванда, Кука, Ямаровка. По своим лечебным качествам они не только не уступают признанным нарзанам Кисловодска или родоновым источникам Цхалтубо, но и превосходят их.

Потухшие вулканы выжимают на поверхность не только минеральную воду, но и горячие ключи, которые не замерзают в самую лютую стужу. Только из одного Былыринского источника выливается каждую минуту двести литров горячей родоновой воды. А сколько ее выплескивают Куналейский, Чарский, Кыринский и другие ключи — трудно подсчитать. На них предприятия, колхозы и совхозы создали свои лечебницы с благоустроенными коттеджами, ванными корпусами, которые, кстати, отапливаются за счет все тех же термальных вод.

Минеральные воды Забайкалья пользуются большим спросом не только у жителей Читинской области.

ПО МУЗЕЙНЫМ РЕЦЕПТАМ

В меню ресторана «Аргунь» появились названия блюд, неизвестные даже гурманам. Это супы «дамский», «жженный», говяжьи почки «по-мещански», треска соленая со сметаной.

Рецепты были получены рестораном из... областной краеведческого музея. Десятки лет хранится

здесь рукописный фолиант «Книги поваренной», составленной сосланными в Забайкалье декабристами и их женами. Они сами составляли рецепты блюд, были первыми их дегустаторами.

Л. ФАДЕЕВ.

Дар художников России

В Доме культуры пограничного села Новоцурухайтуй открылась картинная галерея. В ее коллекции, переданной колхозу имени Лазо Союзом художников РСФСР, подотна более чем из тридцати областей и автономных республик Российской Федерации.

Центральное место в галерее занимает картина ленинградско-

го художника Ю. В. Белова «Владимир Ильич Ленин у путловцев 28 октября 1917 года». Колхозники, сельская интеллигенция получили дар заслуженного художника РСФСР, инициатора создания галереи А. И. Плотникова — этюд к недавно оконченной картине «Забайкалье». На нем изображен пограничный дозор на одном из

участков государственной границы СССР.

Читинские мастера кисти и резца передали колхозу портреты ветеранов войны и труда, земляков-забайкальцев Л. Новицкого, пейзажи Н. Завьялова, В. Голубева, графические работы В. Пинигина, акварели В. Форова.

Л. ФАДЕЕВ.

ВСТРЕЧА

Читинец Петр Шевчук (справа) и венгр Янош Гебелеш.

Янош Гебелеш — председатель поселкового Совета одного из поселков Венгрии, в освобождении которого участвовал Шевчук. Они дружат, ездят друг к другу в гости.

ОБ АВТОРАХ НОМЕРА

В этом номере выступают члены Союза писателей РСФСР, живущие в Читинской области: **Василий Бялябин** — старейший прозаик, участник борьбы за Советскую власть в Забайкалье в 1919—1921 гг., автор широко известного эпического романа «Забайкальцы» об утверждении власти Советов в Сибири и на Дальнем Востоке, романа «Голубая Аргунь» и повести «Комса»; **Георгий Граубин** — ответственный секретарь Читинской писательской организации, создавший более 30 книг для детей, изданных в Чите, Иркутске, Москве; **Арслан Жамбалон** — автор многих поэтических сборников, вышедших в Чите, Иркутске, Москве; **Василий Никонов** — его перу принадлежат роман «Любовь остается с нами», повести «Медный кряж», «Мост через Олекму», повесть о Всеволоде Иванове

«В горах мое сердце», книги для детей и другие произведения; **Ростислав Филиппов** — поэт, старший редактор Восточно-Сибирского книжного издательства, им написаны книги «Завязь», «Стихи», «Солнечная пурга» и другие.

Среди авторов журнала — участники Читинского семинара молодых писателей, рабочие Константин Миллошкин и Владимир Якубенко, а также молодые поэты Геннадий Головатый, Борис Макаров, Геннадий Кузнецов, Михаил Вишняков.

С очерками в журнале выступают журналисты Вячеслав Смирнов, Игорь Красиков и Александр Алешкин.

Редакция журнала благодарит писателей и журналистов Забайкалья за содействие и помощь при подготовке этого номера.

Чита. Улицы имени В. И. Ленина и 9 Января
Фото Ф. Машечко

50 коп.

ИНДЕКС
73103